Под чёрным крестом

Книга IV

ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА

Том 6

Часть II

ЗЕМЛЯ ПРОТИВ ХОЗЯЕВ

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Под чёрным крестом. Том 5. Книга 4. Часть 2. Последняя присяга. Земля против хозяев.

«Автор»
2026

Панцер А.

Под чёрным крестом. Том 5. Книга 4. Часть 2. Последняя присяга. Земля против хозяев. / А. Панцер — «Автор», 2026

Пруссия, 1440–1454 годы. Тевтонский орден ещё владеет крепостями и землями, но его власть начинает трещать. Купцы, горожане и рыцари создают Прусский союз: они требуют права защищать себя от произвола. Великий магистр Конрад фон Эрлихсхаузен ищет путь к миру, его преемник Людвиг вступает в борьбу с непокорными сословиями. Императорский суд выносит приговор — и перед теми, кто вчера просил справедливости, встаёт выбор: покориться или восстать. В Данциге и Торне, в Мариенбурге и при дворе польского короля решается судьба целой страны. Но история вершится не только в замках: старые друзья оказываются по разные стороны, присяга сталкивается с совестью, а за политические решения расплачиваются обычные семьи. «Земля против хозяев» — масштабный исторический роман о времени, когда верность перестаёт быть простым ответом, а борьба за свободу грозит обернуться войной.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Под чёрным крестом. Том 5. Книга 4. Часть 2. Последняя присяга. Земля против хозяев.

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ПОД ЧЁРНЫМ
КРЕСТОМ
ТОМ ПЯТЫЙ
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗЕМЛЯ ПРОТИВ ХОЗЯЕВ
1440–1454
СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая. Земля против хозяев 1
Глава 17. Прусский союз 1
Глава 18. Право говорить 61
Глава 19. Конрад фон Эрлихсхаузен 113
Глава 20. Города становятся сильнее 171
Глава 21. Мир, который ещё возможен 239
Глава 22. Людвиг фон Эрлихсхаузен 304
Глава 23. Кто хозяин этой земли? 380
Глава 24. Суд императора 454
Глава 25. Непокорные города 513
Глава 26. За помощью к королю 561
Глава 27. Последний компромисс 613
Глава 28. Приговор союзу 669
Глава 29. Заговор или освобождение? 715
Глава 30. Февральское восстание 768
Глава 31. Казимир 821
Глава 32. Разорванная присяга 877

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗЕМЛЯ ПРОТИВ ХОЗЯЕВ

Глава 17. Прусский союз

Данциг — Кульмская земля — Торн — Мариенбург — Кёнигсберг. 1440 — январь 1441 года.

В апреле 1440 года у данцигского купца Томаса Лемке задержали товар. Это случилось в день, когда с моря пришли три судна, а с верховьев Вислы одновременно прибыло столько речных лодок, что возле причалов пришлось ждать свободного места. Грузчики ругались, перевозчики требовали платы за простой, городские служащие с трудом успевали осматривать товары. На пристани пахло мокрой древесиной, рыбьим жиром, солью и дёгтем. После утреннего дождя между складами оставались большие лужи, в которых отражались мачты и низкие серые облака.

Маттиас узнал о случившемся ещё до полудня. Он стоял в дверях склада, наблюдая за разгрузкой бочек с солью, когда к нему подошёл Лемке. Купец был человеком лет сорока,

широкоплечим, с покрасневшим от ветра лицом и привычкой говорить быстро, словно собеседник мог уйти, прежде чем он закончит объяснение.

— Они забрали всю партию! — объявил он, едва приблизившись. — Сорок две бочки смолы. Не позволили даже вывезти на мой склад.

Маттиас попросил приказчика продолжать разгрузку и отошёл с гостем под навес. Здесь было тише, хотя с соседней пристани всё равно доносились удары деревянных молотков и голоса людей, перекатывавших тяжёлые бочки по сходням.

— Кто задержал?

— Орденский служащий. Приехал с двумя людьми, проверил груз и приказал оставить всё на месте. Я показал торговую грамоту. Он даже толком не прочитал!

— Почему задержал?

— Говорит, печати не совпадают.

— На всех бочках?

Лемке раздражённо повёл плечом.

— На нескольких.

— На скольких?

— На четырёх. Но при чём здесь остальные?

Маттиас не ответил. Он знал, что жалоба может быть совершенно справедливой, даже если её рассказчик предпочитает не сообщать некоторые обстоятельства. Хеннинг Брант часто говорил, что купца следует выслушивать дважды: первый раз, когда тот объясняет, почему прав, и второй, когда ему показывают документы.

— Покажи накладные, — сказал Маттиас. — Все, какие есть. И запись о погрузке.

Лемке нахмурился.

— Я пришёл не за проверкой. Я пришёл потому, что теперь существует союз.

— Знаю.

— Ты был среди тех, кто его поддержал.

— Был.

— Тогда помоги.

Маттиас посмотрел в сторону причала. Возле речной лодки двое грузчиков спорили с хозяином о повреждённой доске. Один показывал на трещину, другой пытался доказать, что она появилась ещё до погрузки. Хозяин лодки не желал платить за ремонт. Судя по всему, спор обещал затянуться.

— Помогу разобраться, — ответил Маттиас.

Лемке хотел что-то прибавить, но передумал. Обещание оказалось не таким решительным, как он ожидал. Маттиас провёл его в контору. После смерти Хеннинга здесь почти ничего не изменилось. Те же шкафы, тяжёлый стол у окна, окованные железом сундуки с договорами, торговые книги, стопки писем. На стене висела деревянная полка, которую старый купец собственноручно прибил ещё много лет назад. Она слегка наклонилась, но Маттиас не позволял её менять. Он и сам не мог объяснить почему.

В последние месяцы Хеннинг работал мало. Маттиас уже принимал решения, заключал договоры и отвечал за расчёты, однако присутствие старого хозяина оставалось незримой опорой. Теперь никто не мог войти из соседней комнаты и спросить, почему цена на соль указана ниже прошлогодней или зачем покупателю предоставлена отсрочка, если тот ещё не погасил прежний долг. Маттиас обнаружил, что такая свобода иногда утомляет сильнее постоянного надзора. Лемке разложил документы. Часть бочек была приобретена у одного поставщика, часть — у другого. На четырёх действительно отсутствовали надлежащие отметки. Кроме того, в погрузочной записи оказалось исправление, сделанное другой рукой. Маттиас попросил объяснить его происхождение.

— Мой племянник записывал, — сказал купец. — Он недавно начал помогать мне.

— Почему изменил количество?

— Потому что сначала погрузили меньше, чем обещали.

— Кто подтвердил исправление?

— Никто. Разве обязательно было искать писаря из-за каждой бочки?

Маттиас положил накладную поверх других бумаг. За громким обвинением Лемке обнаружилась поправка, которой никто не удостоверил.

— Если требуешь соблюдения грамоты от других, сам держись написанного.

— Значит, ты на их стороне?

Вопрос прозвучал громче, чем следовало. За дверью кто-то остановился, прислушиваясь к разговору. Маттиас сложил бумаги.

— Я на стороне твоих тридцати восьми бочек, которые задержали без достаточного объяснения. По остальным четырём нужно провести проверку.

Лемке некоторое время разглядывал его.

— Ты говоришь совсем как орденский судья.

— Судья, возможно, уже объявил бы решение. Я предлагаю сначала услышать его доводы.

— А если он откажется?

— Тогда обратимся в городской совет и к представителям союза. Но я не стану утверждать, что твои документы безупречны.

Лемке забрал бумаги. На пороге он обернулся.

— При Хеннинге люди получали помощь быстрее.

Маттиас почувствовал неприятный укол.

— При Хеннинге ты тоже приносил бы все документы, — ответил он. — Просто старик заставил бы тебя сделать это ещё до обеда.

Лемке ничего не сказал и вышел. Оставшись один, Маттиас подошёл к окну. Внизу грузчики переносили товар с лодки под навес. Один поскользнулся на мокрой доске, едва удержал тяжёлый мешок, получил от старшего резкое замечание и продолжил работать. Судно должно было уйти до вечера, и никто не собирался задерживаться из-за чужой усталости. Маттиас вернулся к столу, нашёл чистый лист и начал составлять обращение. Он понимал, что городскому совету будет нетрудно превратить эти четыре спорные бочки в доказательство произвола всего замкового управления. Однако сделать это означало бы скрыть небрежность самого Лемке. Купец перечеркнул уже написанное обвинение и начал заново. Он не требовал немедленного освобождения всей партии. Сначала изложил обстоятельства, затем указал, какие бочки имели необходимые отметки, и попросил объяснить правовое основание для задержания товара, не вызывавшего сомнений. В конце предложил установить срок рассмотрения остальных четырёх.

Работа заняла больше часа. Пришлось дважды переписать одну фразу: первая редакция звучала слишком обвинительно, вторая могла быть истолкована как согласие с действиями служащего. Маттиас остановился только тогда, когда убедился, что в письме нет ни угроз, ни просьбы о милости. Он перечитал написанное. Когда-то подобное обращение исходило бы от одного торгового дома. Теперь за ним могла последовать поддержка других купцов, города и союза, который лишь несколько недель назад получил письменное оформление. Само содержание жалобы оставалось прежним. Менялось положение человека, ожидавшего ответа.

К вечеру Маттиас отправил письмо и велел проверить состояние задержанного товара. Если бочки продолжат стоять под дождём, смола не испортится, но древесина разбухнет, обручи ослабнут, а перекатка потребует дополнительных расходов. За каждый день хранения придётся платить. Союз мог спорить о правах сколько угодно. Убытки от этого не переставали расти.

Через несколько дней выяснилось, что орденский служащий имел основания задержать спорные четыре бочки, но остальные удерживал в расчёте на то, что владелец быстрее представит необходимые объяснения. Сам он не считал случившееся злоупотреблением. Когда Мат-

тиас прибыл к месту осмотра, тот встретил его настороженно. Это был немолодой человек с обветренным лицом и привычкой тщательно складывать документы, прежде чем начинать разговор. При нём находились двое помощников и городской представитель.

— Я получил ваше обращение, — сказал служащий. — Не понимаю, зачем было обращаться через совет. Дело обычное.

— Тогда его нетрудно разрешить.

Служащий показал погрузочную запись.

— Здесь исправлено число бочек. На четырёх нет правильных отметок. Если я позволю вывезти товар, а позднее обнаружится недоплата, отвечать придётся мне.

— Проверять четыре бочки можно отдельно от остальных.

— Они поступили одной партией.

— По двум документам.

Человек ещё раз посмотрел в бумаги. Маттиас не торопил его. На пристани продолжалась работа. Мимо провезли телегу с мокрой шерстью, и тяжёлый запах на мгновение заглушил даже обычную смесь речной воды и дёгтя.

— Купец должен был заявить об исправлении, — наконец произнёс служащий.

— Согласен. И пусть отвечает за эту небрежность. Но почему другие товары остаются под задержанием?

— Чтобы обеспечить разбирательство.

— Вы взяли обеспечение не с человека, нарушившего порядок, а со всех, кто ждёт его товар. Он уже потерял несколько дней. Его покупатель может потребовать возмещения. За перевозку придётся платить дважды.

Служащий сжал губы.

— Если отпущу сейчас, меня обвинят, что я уступил под давлением союза.

Маттиас впервые понял, что перед ним не просто упрямый сборщик. Человек действительно опасался последствий. Его распоряжение могло быть неправильным, но отмена распоряжения представлялась ему личным поражением и угрозой службе.

— Я готов написать, что четыре бочки остаются под проверкой по вашему требованию, — предложил Маттиас. — А остальные освобождаются после сверки записей. Ни слова о союзе.

Городской представитель поддержал предложение. Началось долгое выяснение количества товара и состояния печатей. Один из помощников принёс новую книгу. Оказалось, что в первоначальной записи имелась ещё одна неточность: вес был указан по расчёту отправителя, а не по результату осмотра. Маттиас не стал защищать купца там, где тот ошибался. К середине дня разрешили вывезти тридцать восемь бочек. Остальные оставили для разбирательства. Лемке встретил известие без благодарности.

— Значит, четыре они всё-таки удержали.

— Да.

— И кто возместит убыток?

— Сначала выясним, правильно ли была оформлена поставка.

Купец сердито развернулся и ушёл к своим грузчикам. Городской представитель, наблюдавший за разговором, тихо произнёс:

— Не такого результата он ожидал.

Маттиас убрал документы в кожаную сумку.

— Я тоже ожидал меньшего шума.

— Но ты добился освобождения большей части товара.

— Посмотрим, сочтёт ли он это помощью.

Вернувшись на склад, Маттиас обнаружил, что один из работников повредил руку при погрузке железа. Пальцы распухли, кожа на ладони была содрана до крови. Пострадавший

сидел возле стены, стараясь не показывать боли. Остальные продолжали работать. Маттиас велел отвести человека к лекарю и распорядился оплатить пропущенные дни. Старший приказчик возразил:

— Он сам выпустил железную полосу.

— Потому что её неправильно закрепили.

— Это ещё нужно установить.

Маттиас устало посмотрел на него. За один день ему второй раз предстояло разбирать дело, в котором каждая сторона считала свои действия законными. Но здесь не было ни городского совета, ни союзной грамоты, ни влиятельных заступников. Был человек с повреждённой рукой, который не мог позволить себе потерять заработок.

— Установи, кто закреплял груз, — приказал Маттиас. — И до тех пор не удерживай плату.

Приказчик хотел продолжить спор, однако увидел, что решение принято. Он отправился к рабочим. Вечером, когда склад опустел, Маттиас пересчитал дневные расходы. Плата лекарю и возмещение работнику уменьшили доход. Освобождение товара Лемке принесло торговому дому только хлопоты. Несколько заказов оставались неоплаченными. К тому же предстояло вносить очередной взнос на содержание городских укреплений. Маттиас закрыл книгу. Он поддерживал Прусский союз и считал его создание необходимым. Но теперь начинал понимать, что защищать право труднее, чем произносить это слово на собрании.

Спустя шесть дней Лемке прислал новый счёт. В него были включены простой на причале, повторная перекатка бочек и штраф, который, по словам купца, собирался взыскать заграничный покупатель. Маттиас пересчитал каждую сумму и обнаружил, что плата за три дня хранения указана дважды: один раз как портовый расход, другой — как возмещение перевозчику. Когда он написал об этом, Лемке вернул письмо с короткой припиской, что при Хеннинге Бранте друзей не вынуждали торговаться из-за каждой монеты.

Маттиас не стал оправдываться. Он мог бы передать дело старшему приказчику и заняться собственными грузами, но тогда в городе осталась бы история о торговом доме Бранта, отказавшем человеку в помощи ради орденского служащего. Он пригласил Лемке, оплатил из своих средств часть доказанных расходов на хранение, не признал выдуманной суммы и предложил вдвоём осмотреть четыре спорные бочки. Лемке согласился, не подав ему руки. Их прежняя близость на этом закончилась. Через месяц он поручил следующую поставку другому дому.

Проверяя книги после ухода Лемке, Маттиас заметил, что помощь пострадавшему грузчику и расходы по чужой поставке почти поглотили прибыль от собственной соляной сделки. Впервые после смерти Хеннинга ему пришлось отказаться от покупки выгодной партии воска: свободных денег не хватало. Приказчик молча убрал подготовленный договор. До этого дня Маттиас думал, что справедливое решение достаточно просто найти; теперь увидел, сколько оно стоит тому, кто его принимает.

В Кульмской земле о Прусском союзе говорили гораздо меньше, чем в городах. Весной и летом крестьянам хватало других забот. Земля после продолжительной сырости подсохла неравномерно. На одних полях уже можно было выпускать плуг, на других вода ещё стояла между бороздами. Возле деревень ремонтировали заборы, очищали канавы, проверяли состояние семенного зерна. После нескольких сравнительно спокойных лет хозяйства постепенно оправлялись от прежних разорений, но запасов у многих по-прежнему почти не было. Петер Краузе узнал о новых распоряжениях, касавшихся сельской дороги, когда возвращался с поля.

Возле его двора стояли две чужие лошади. Одна была привязана к столбу, другая пыталась дотянуться до соломы, сложенной под навесом. У ворот разговаривали сельский староста и человек в дорожном плаще. Жена Петера вышла из дома и с порога сообщила, что его ожи-

дают. Петер оставил плуг у сарая, вытер руки о грубую ткань и подошёл. Человек оказался служащим ближайшего орденского управления. Петер видел его прежде, но знакомы они не были.

— Нужно привести в порядок дорогу к переправе, — объявил служащий. — От каждого двора требуется человек с инструментом. У кого есть лошади, должны предоставить упряжку.

— Когда?

— Через три дня.

Петер вспомнил о полосе поля, оставленной под вспашку. Через три дня и без того будет трудно закончить работу до следующего дождя.

— У нас ещё не закончена работа в поле.

— Я говорил, — ответил тот.

— Дорога не может ждать, — вмешался служащий. — Через неё идёт торговля. Обязательства жителей установлены давно.

Петер не спорил с необходимостью ремонта. Несколько лет назад именно он обнаружил повреждение моста и добивался, чтобы его восстановили. Тогда пришлось потратить немало времени и сил. Часть работ жители выполнили сами, не дождавшись обещанной помощи.

— Кто даст древесину? — спросил он.

— Управление выделит необходимое.

— В прошлый раз тоже обещали.

Служащий нахмурился.

— Не знаю, что было в прошлый раз.

— А я знаю.

Староста поспешил перевести разговор на практические вопросы. Он попросил уточнить, какие дворы обязаны выставить людей и допускается ли замена работы денежным взносом. Служащий объяснил, что порядок устанавливается в соответствии с прежними повинностями. Петер выслушал.

— Я не отказываюсь работать. Но если уведу лошадей на два дня, не закончу пахоту. Потом опять придётся платить за чужую помощь.

— Разве дорога нужна только Ордену?

— Нет. Поэтому мы её и ремонтировали прежде.

— Тогда к чему спор?

Петер некоторое время разглядывал дорожный плащ служащего. Подол был забрызган грязью, левый сапог недавно подбит новой кожей. Человек, вероятно, с утра объезжал деревни и уже выслушал множество подобных возражений.

— Я спрашиваю, кто заплатит за работу, которую уже сделали мы сами.

Служащий ответил, что таких распоряжений не имеет. Разговор завершился без решения. Староста обещал собрать хозяев и определить очередность работ. Орденский служащий уехал. Петер вошёл в дом. Жена поставила перед ним миску похлёбки и хлеб. Дети сидели за столом. Младший пытался вытащить из общей миски кусок мяса, старший отодвинул его руку, и между ними немедленно возник спор, который мать прекратила одним замечанием.

— Опять дорога? — спросила она.

— Опять.

— Тогда почему они приходят каждую весну, словно мы ничего не делали?

Петер сел.

— Говорят, так положено.

Жена перестала заниматься своим делом. В голосе мужа ей послышалась не уверенность, а готовность снова ехать разбираться с чужими взысканиями.

— Ты ведь не собираешься отказываться?

— Нет.

— Хорошо.

Она вернулась к очагу. Петер понял её без дальнейших объяснений. Слишком хорошо семья помнила времена, когда любая ссора с должностным лицом могла обернуться взысканием, потерей скота или необходимостью ехать в комтурство за много вёрст от дома. Вопрос о справедливости не исчезал, но хозяйство требовало осторожности. После ужина пришёл сосед. Он принёс известие, что на ближайшем собрании землевладельцев обсуждалась возможность обратиться за поддержкой к представителям Прусского союза. По словам соседа, союз теперь защищал не только города, но и людей, чьи права нарушались местной властью.

Петер выслушал и спросил:

— А разве мы состоим в этом союзе?

— Нет. Но рыцари состоят. Может быть, помогут.

— Почему они должны помогать?

— Потому что мы тоже живём на этой земле.

Петер не стал возражать. Ему нравились слова соседа, но он знал, как мало они значат без определённого обязательства.

— На собрание пойду, — сказал он. — Только сначала выясню, кому и сколько мы должны работать.

Через три дня он действительно отправился на ремонт дороги. Вместе с несколькими соседями разгружал брёвна, укреплял насыпь и очищал канавы. Люди работали с рассвета до вечера. Некоторые пришли с собственными лошадьми, другие привезли инструмент, третьи должны были отрабатывать повинность руками. Лишь к концу второго дня выяснилось, что древесины выделено меньше необходимого. Пришлось брать ещё две балки из запасов ближайшего селения. Староста записал их стоимость.

— Возместят? — спросил Петер.

— Подам требование.

— Сколько ждать?

— Не знаю.

Петер поднял одну из балок на плечо и вместе с соседом перенёс её к переправе. Дерево было тяжёлым, мокрым, пахло свежей смолой. В тот вечер он вернулся домой настолько усталым, что едва снял сапоги. Жена принесла горячую воду, чтобы он вымыл руки. На правой ладони появилась глубокая заноза. Пока она вытаскивала её иглой, Петер рассказывал о работе.

— Дорогу сделали, — произнёс он. — Теперь можно будет возить зерно.

— Значит, не зря ходил.

— Не зря.

Жена перевязала ладонь узкой полоской ткани.

— А с остальным пусть разбираются те, кто умеет писать жалобы.

Петер не ответил. Он всё чаще замечал, что люди, умевшие составлять документы и вести долгие переговоры, решали вопросы, от которых зависела жизнь его двора. Но сам он не мог оставить поле на несколько недель, поехать в Мариенбург и добиваться правоты перед теми, кто не знал ни его земли, ни семьи, ни того, сколько труда требовала каждая новая весна. На следующий день он снова вышел в поле. Рука болела, однако работа не могла ждать.

В Торне представители Прусского союза столкнулись с первыми затруднениями ещё до того, как успели согласовать постоянный порядок рассмотрения жалоб. Утром, когда Иоганн фон Байзен прибыл в город, его ожидали сразу несколько обращений. Одно касалось торговли, другое — судебного спора землевладельца с комтуром, третье — взыскания, произведённого орденским служащим. Были также письма из небольших городов с просьбами разъяснить условия участия в союзе. Некоторые отправители хотели знать, на какую помощь могут рассчитывать в случае конфликта с местной властью. Другие интересовались, обязаны ли поддерживать всякое решение, принятое большинством представителей.

Байзен приехал рано. Дорога оказалась тяжёлой после дождей, лошадь устала, дорожный плащ пришлось сменить сразу после прибытия. Но он не позволил себе отдыха дольше необходимого. Впереди ожидало собрание, на котором предстояло обсудить вопросы, казавшиеся ещё недавно несущественными. В комнате городского дома было тесно. Возле стен стояли скамьи, на длинном столе лежали бумаги и несколько небольших сумок с печатями. Через открытое окно проникали запахи близлежащей улицы, где торговали хлебом и овощами. Маттиас прибыл из Данцига вместе с двумя городскими представителями.

Он впервые после мартовского собрания видел Байзена вблизи. Рыцарь заметно устал. На лице проступили глубокие складки, волосы на висках поседели, однако движения оставались уверенными, а речь — неторопливой. Он не стремился занять главное место и начал с того, что попросил прочитать письма от отсутствующих участников. Первым обсуждали торговое дело Лемке. Маттиас изложил обстоятельства, включая ошибки самого купца. Некоторые присутствующие остались недовольны его осторожностью.

— Если мы будем разбирать каждую жалобу так, словно заседаем в суде Ордена, — сказал торнский советник, — союз потеряет смысл.

Байзен попросил объяснить почему.

— Потому что люди пришли к нам за защитой. Они не должны доказывать свою правоту дважды.

— А если они неправы?

Советник развёл руками.

— Разве нельзя сначала поддержать своего человека?

— Можно, — ответил Байзен. — Только потом придётся поддерживать и его ложь.

Торнский представитель недовольно откинулся на спинку скамьи. Маттиас рассказал, что часть задержанного товара уже освобождена, а проверка оставшихся четырёх бочек продолжается.

— Значит, дело почти разрешено, — заметил один из рыцарей.

— Для купца — почти, — возразил Маттиас. — Для нас остаётся вопрос, имел ли служащий право удерживать весь груз ради разбирательства о небольшой части.

— Вот его и следует выяснить, — сказал Байзен.

Один из молодых представителей городов рассердился:

— Мы тратим время на четыре бочки, когда комтуры нарушают права целых земель!

Байзен повернулся к нему.

— Если дело маленькое, его легче разрешить. А если не умеем разрешать маленькие, как возьмёмся за большие?

Он произнёс это без назидания, словно речь шла об очевидной практической необходимости. Однако несколько участников обменялись недовольными взглядами. Они приехали за решительной поддержкой и не рассчитывали услышать столько предостережений. Следующее обращение оказалось сложнее. Землевладелец из Кульмской земли жаловался на взыскание, которое считал незаконным. Представитель рыцарства настаивал, что союз обязан выступить в его защиту. Но из приложенных документов следовало, что спор возник после неисполненного обязательства по поставке зерна.

— Он обещал зерно к определённому сроку, — сказал Маттиас, изучив запись.

— Обещал. Но урожай оказался плохим.

— Это объясняет задержку, а не отменяет обязательство.

Рыцарь раздражённо ответил:

— Торговцу легко рассуждать о договорах. Он никогда не видел, что остаётся на поле после града.

— Видел, сколько стоит купить зерно взамен того, которое не доставили, — возразил Маттиас. — И сколько семей останется без хлеба, если поставщик не исполнит договор.

Байзен позволил спору продолжиться. Ему было важно, чтобы присутствующие сами обнаружили трудности, которые не исчезали от одного провозглашения взаимной поддержки. Оказалось, что землевладелец получил отсрочку, но не исполнил и её. Затем пытался добиться нового решения, ссылаясь на свои привилегии. В то же время размер взыскания действительно вызывал вопросы: местный служащий прибавил дополнительные расходы, основания которых не были ясно указаны. После долгого обсуждения договорились потребовать разъяснения суммы, но не отрицать сам долг.

Рыцарь, представлявший жалобщика, ушёл недовольным. Возле двери он сказал одному из знакомых, что союз слишком внимательно прислушивается к купцам. Маттиас услышал это, но не стал отвечать. К полудню разобрали всего три дела. Оставшиеся бумаги лежали на столе, и никто не мог сказать, сколько времени потребуется на остальные. Байзен предложил определить порядок проверки обращений. Нужно было выяснить, кто принимает жалобу, кто собирает свидетельства, кто сопоставляет их с прежними грамотами и как поступать, если интересы участников союза противоречат друг другу. Сразу обнаружились новые трудности.

Города хотели, чтобы торговые споры рассматривали люди, знакомые с купеческими обычаями. Рыцарство настаивало на равном участии землевладельцев. Представители малых городов опасались, что все решения фактически перейдут к Данцигу, Торну и Эльбингу. Один из них поднялся.

— Мы поставили печать рядом с вашими. Но если всякий раз придётся ехать сюда и просить вас решить наше дело, какая разница между союзом и орденским управлением?

В комнате раздались возражения. Представитель Данцига объяснил, что большие города предоставляют средства, людей и помещения. Другой напомнил о расходах на посольства. Начался спор о взносах. Байзен слушал некоторое время, затем предложил перерыв. Люди вышли во двор. Некоторые отправились поесть, другие остались обсуждать дело небольшими группами. Маттиас задержался возле открытой двери, когда к нему подошёл Байзен.

— Ты хорошо разобрался с товаром Лемке.

— Он так не считает.

— Знаю таких людей.

Они прошли вдоль стены, где под навесом стояли дорожные сундуки.

— У вас в Данциге много подобных обращений? — спросил Байзен.

— Пока немного. Но все уверены, что теперь можно будет обращаться к союзу по каждому спору.

— А нельзя?

Маттиас подумал.

— Обращаться можно. Только я не представляю, сколько людей понадобится, чтобы проверять всё это.

— Значит, придётся установить порядок.

— И кто заставит соблюдать его тех, кто не согласится?

Байзен не торопился отвечать. Он остановился у невысокой каменной ограды, за которой виднелась часть городской улицы.

— Мы ещё не научились действовать вместе, — сказал он. — Это видно по каждому собранию.

— А ты веришь, что научимся?

— Иначе не стал бы ставить печать.

Маттиас достал из сумки небольшой лист. На нём были выписаны расходы, понесённые торговым домом из-за задержания груза Лемке.

— Я хотел показать одну вещь. Если каждое дело потребует столько времени, участники начнут платить не меньше, чем прежде отдавали за судебные обращения.

Байзен просмотрел записи.

— Здесь указана и плата работникам?

— Да.

— За какие дни?

— Пока мы разбирались с задержанием.

Рыцарь задержал палец на строке расчёта. Простой товара ещё не означал, что людям перестали начислять плату.

— Ты платишь им, когда работа стоит?

— Они не виноваты в том, что товар задержали. Иначе завтра они уйдут к другому хозяину.

Байзен вернул лист.

— Значит, ты лучше некоторых из наших людей понимаешь, чего стоит поддержка.

После перерыва заседание продолжилось. К вечеру удалось договориться только об основных правилах. Жалобы должны были сопровождаться документами или свидетельствами. Прежде чем обращаться к союзу с требованием общей защиты, следовало попытаться установить обстоятельства дела. Решения, затрагивавшие права нескольких участников, нельзя было принимать без их выслушивания. Несколько человек считали такой порядок чрезмерно медленным. Другие опасались, что он вообще сделает союз бессильным. Когда собрание закончилось, Байзен вышел во двор последним.

На улице уже темнело. Возчики забирали лошадей, слуги складывали дорожные вещи. В одном из окон ещё горел свет: писарь переписывал принятые решения, чтобы отправить копии в города. Байзен остановился возле него и спросил, успеет ли он закончить до утра.

— Успею, господин. Только здесь две разные формулировки одного решения.

Рыцарь взял лист. Он внимательно сравнил записи, указал, какую фразу следует оставить, и попросил приготовить новую копию. Затем вышел к ожидавшей его лошади. Завтра нужно было возвращаться домой. За время отсутствия накопились хозяйственные дела, несколько арендаторов ожидали ответа, управляющий жаловался на состояние мельницы. Байзен понимал, что не сможет бесконечно ездить между городами, оставляя собственные владения без внимания. Однако теперь у него появились обязательства, которых прежде не существовало. Он сел в седло и направился к постоялому двору. За спиной оставался город, где люди весь день пытались договориться о том, как защищать друг друга, не доверяя друг другу до конца.

Летом того же года Пауль фон Русдорф отправил в несколько комтурств распоряжения, которые ещё недавно счёл бы несвоевременными. Изменения касались судебных жалоб, порядка взимания некоторых платежей и исполнения прежних решений. Отдельно рассматривался вопрос о фунтовой пошлине, давно вызывавшей недовольство купцов. Великий магистр согласился отказаться от её дальнейшего взимания, хотя прекрасно понимал, каких доходов лишится казна. Казначей представил расчёты.

— Если поступления сократятся настолько, придётся отложить ремонт двух замков.

Русдорф стоял возле окна. Из верхнего двора доносился стук копыт. Прибывшие посланники разгружали седельные сумки; несколько братьев возвращались после осмотра хозяйственных владений.

— Сколько потребуется на ремонт?

Казначей назвал сумму.

— Всю сразу?

— Нет. Но если работы не начать теперь, следующей весной расходы станут больше.

Русдорф велел показать сметы. Он давно перестал удивляться тому, что каждое облегчение повинностей немедленно превращается в недостаток денег для другого необходимого дела. Отмена сбора должна была ослабить недовольство городов. Но гарнизонам требовалось жалованье, крепостным стенам — ремонт, служащим — содержание. Казна не могла существовать на добрых намерениях великого магистра.

Казначей предложил урезать расходы великомагистерского двора, но названной им суммы не хватало даже на первый этап ремонта. Остальное можно было получить лишь за счёт закупок для комтурств. Русдорф заставил его поочерёдно назвать, какие поставки будут задержаны: зерно для гарнизона, лес для стены, скот для кухонь. На каждом названии казначей медлил, словно неприятность возникала только после произнесённого слова.

— Если сэкономим на продовольствии сейчас, через три месяца получим новые жалобы, — сказал великий магистр. Казначей не возразил: он и сам уже подсчитал это. Русдорф долго стоял у раскрытой сметы, прежде чем разрешил перенести часть строительных работ и запретил восполнять недостачу новыми взысканиями с людей.

Казначей не спорил. Он знал положение не хуже великого магистра. Русдорф вернулся к столу, но не сел. Последнее время длительная работа причиняла ему боль. Ночью он часто просыпался, а утром требовалось больше времени, чтобы одеться и выйти к советникам. Слуги замечали это, однако никто не решался заговорить о здоровье, пока сам магистр не признавал усталости.

— Отложим часть строительных расходов, — сказал он. — Остальные пересмотрим. Но не заставляйте комтуров восполнять недостающее новыми взысканиями. Тогда всё, что мы сейчас делаем, окажется напрасным.

Казначей записал распоряжение. После его ухода Русдорф велел пригласить Маттиаса фон Розенберга. Брат пришёл с папкой, подготовленной по поручению канцелярии. В ней находились выписки из прежних дел, затрагивавших права городов и землевладельцев. Русдорф сам потребовал эти сведения после получения грамоты Прусского союза, но работа оказалась гораздо продолжительнее, чем он предполагал.

— Закончили?

— Основную часть, господин великий магистр. Некоторые записи ещё нужно сверить с книгами комтурств.

— Сколько дел?

Маттиас назвал число. Русдорф не выказал удивления, хотя оно оказалось значительным.

— И все не разрешены?

— Нет. Часть разрешена, но заявители не получили извещения. По другим имеются решения, исполнение которых не подтверждено. Есть дела, возвращённые на новое рассмотрение.

Великий магистр взял первый лист.

— Почему нет отметки об исполнении?

— Из комтурства не прислали ответа.

— Напоминали?

— Дважды.

— А затем?

— Дело осталось среди незавершённых.

Русдорф опустил бумагу.

— Кто отвечал за него здесь?

Маттиас назвал прежнего служащего. Тот уже несколько лет не работал в канцелярии.

— Найдите его записи.

— Нашли. Там сказано, что ответ комтурства ожидается.

— И больше ничего?

— Ничего.

Великий магистр некоторое время ходил вдоль стола. Он всё яснее представлял, насколько огромная работа скрывалась за короткими словами в распоряжениях. Потребовать ответа было легко. Добиться, чтобы ответ поступил, чтобы его проверили, сообщили жалоб-

щику и убедились в исполнении решения, означало связать действия множества людей, не всегда желавших подчиняться друг другу.

— Ты ведь работал над этим с Герхардом? — спросил Русдорф.

— Да.

— Что он говорит?

Маттиас перебрал возможные ответы. Из чужой жалобы трудно было понять, насколько далеко зашло недоверие к великому магистру.

— Считает, что некоторые дела следовало поручить другим служащим ещё несколько лет назад.

— Почему не поручили?

— Не могу сказать наверняка.

— А он?

— Говорит, что тогда не хватало людей.

Русдорф резко остановился.

— Когда-то нам не хватало людей для войны. Потом для сбора платежей. Теперь для рассмотрения жалоб. Что мы вообще способны сделать своими силами?

Маттиас не ответил. Раздражение великого магистра было ему понятно, но он не видел смысла оправдывать канцелярскую работу теми же причинами, которые уже приводились в старых объяснениях. Русдорф заметил его молчание.

— Говори.

— В некоторых случаях мы могли бы сделать больше, господин.

— Каким образом?

Маттиас показал несколько документов.

— Здесь жалоба на решение местного служащего. Её вернули тому же служащему. Он подтвердил собственное решение, после чего заявитель снова обратился в Мариенбург. Второе обращение отправили в комтурство с просьбой объяснить прежние обстоятельства.

— И что?

— Получили прежний ответ.

Русдорф взял записи.

— Почему никто не потребовал свидетельств?

— В книгах этого нет.

— Значит, будем требовать теперь.

Маттиас поклонился. Он уже собирался уходить, когда великий магистр спросил:

— А сам ты считаешь союз необходимым?

Вопрос застал его неподготовленным.

— Я брат Ордена, господин.

— Не это спрашиваю.

Маттиас вновь открыл папку. Он не мог скрыть беспокойства за дела, которые годами оставались без решения, но и не желал оправдывать любую меру против Ордена.

— Я не знаю, каким ещё способом города и рыцарство могли бы добиться рассмотрения некоторых дел. Но мне кажется опасным, если они станут решать, какие распоряжения великого магистра исполнять, а какие нет.

Русдорф подошёл ближе.

— Именно это я и пытаюсь объяснить нашим советникам. Сегодня они требуют только права жаловаться вместе. Завтра объявят, что вправе не подчиняться решению, которое сочтут несправедливым.

Маттиас не возразил, хотя мог бы напомнить, что и внутри Ордена некоторые братья уже поступали подобным образом. Великий магистр сам заговорил об этом.

— Из Кёнигсберга опять пишут, что мои назначения нарушают права конвентов. Они требуют вернуть прежний порядок. А когда я прошу назвать конкретное нарушение, отвечают ссылками на обычаи, которые каждый толкует по-своему.

Он сел. На этот раз движение далось ему с видимым усилием.

— Подготовь ответ по жалобам. Только без общих заверений. Для каждого дела укажи, кто будет его рассматривать и когда должен представить результат.

Маттиас собрал бумаги. Уже возле двери Русдорф остановил его.

— И передай Герхарду, что я благодарен ему за работу.

Брат поклонился и вышел. Великий магистр остался один. Он открыл очередное письмо из Кёнигсберга, где несколько орденских братьев выражали недовольство назначением нового должностного лица. Среди подписавшихся были люди, с которыми Русдорф прежде служил и чьё мнение ценил. Он перечитал письмо и вдруг с неприязнью почувствовал, что узнаёт выражения, совсем недавно встречавшиеся в обращениях городов. Там тоже говорилось о нарушении признанных прав, необходимости восстановить прежний порядок и обязанности власти выслушивать тех, кого затрагивают её решения.

Русдорф отложил документ. Он мог согласиться с проверкой каждой жалобы. Мог отменить сбор, исправить несправедливое распоряжение, заменить недобросовестного комтура. Но признать, что право окончательного решения может принадлежать кому-то помимо великого магистра и законных органов Ордена, означало для него отказаться от самой основы власти, которую он принял почти двадцать лет назад. В это же время его противники внутри братства утверждали, что защищают не свои интересы, а орденский устав. Именно это тревожило Русдорфа сильнее всего. Если бы речь шла только о должностях или доходах, можно было бы искать соглашение. Но теперь обе стороны оспаривали само право определять, что соответствует уставу.

Герхард узнал о новых распоряжениях великого магистра от Маттиаса фон Розенберга. Старый служащий сидел в своей небольшой комнате, куда после полудня проникало тёплое солнце. На коленях у него лежало шерстяное покрывало. Возле кресла стояла низкая скамья, на которой были сложены две книги и деревянная коробочка с очками. Пользоваться ими становилось всё труднее. Иногда буквы расплывались настолько, что даже крупные записи он разбирал с усилием. Маттиас принёс распоряжения и прочитал вслух. Герхард слушал, временами просил повторить дату или название комтурства. Затем попросил показать один документ.

Он долго держал лист близко к глазам, пытаясь различить знакомые строки.

— Здесь снова отправляют дело в Кульм, — сказал наконец.

— Да. Но теперь назначен другой человек.

— Знаю его?

Маттиас назвал имя. Старик задумался.

— Служил ещё при Кюхмайстере. Был тогда молодым. Кажется, начинал с хозяйственных книг.

— Его считают аккуратным.

— Аккуратность полезна. Особенно если человеку хватает терпения слушать тех, кто плохо умеет объяснять.

Маттиас сел напротив.

— Великий магистр требует закончить проверку до зимы.

— Хорошо.

— Вы думаете, успеем?

— Не знаю.

Маттиас уже привык к тому, что Герхард всё реже давал уверенные ответы. Прежде он мог с удивительной точностью назвать место хранения документа, вспомнить обстоятельства спора и подсказать, кого следует расспросить. Теперь память иногда подводила его. Случалось,

он долго не мог вспомнить имя человека, которого знал много лет, но затем неожиданно рассказывал о старом договоре, заключённом ещё при давно умершем великом магистре.

— Я хотел попросить вас помочь с одним делом, — сказал Маттиас.

— Показывай.

Он достал жалобу о взыскании с нескольких сельских дворов. Основание платежа было указано неясно. Местное управление ссылалось на давний обычай, а жители утверждали, что прежде исполняли повинность работой, а не деньгами. Герхард выслушал.

— Ищите книгу прежних обязательств.

— Искали. Нашли только выписку.

— Кто её составил?

— Подпись плохо читается.

Старик попросил поднести лист к свету. Долго всматривался, затем отрицательно покачал головой.

— Не разберу.

Маттиас хотел убрать документ, но Герхард остановил его.

— Погоди. Там должна быть ещё одна запись. Если обязанность меняли, это не могли сделать одной выпиской. Должно было остаться подтверждение.

— В канцелярии его нет.

— Значит, ищите в комтурстве. Или в сельских книгах.

Маттиас записал. Герхард устало откинулся в кресле.

— Ты всё ещё стараешься найти ответ на каждую жалобу?

— Разве можно иначе?

— Можно. Я видел достаточно людей, которые иначе и поступали.

Старик попросил воды. Маттиас налил из кувшина. Некоторое время они сидели без разговора. Затем Герхард спросил:

— Что слышно о Русдорфе?

— Работает много. Жалуется на состояние дел. Иногда очень сердится.

— Он всегда сердился, когда не получал ответа.

— Теперь сердится и тогда, когда получает.

В уголках губ Герхарда дрогнула улыбка. За шуткой скрывалось слишком хорошее знание людей, которым он служил долгие годы.

— Значит, отвечает ему кто-то другой.

Маттиас невольно разделил усмешку, но замолчал, вспомнив последние известия из Кёнигсберга.

— Братья из Кёнигсберга и других конвентов требуют новых уступок. Великий магистр согласился пересмотреть некоторые назначения. Только это не прекратило споров.

Герхард положил ладонь на подлокотник кресла.

— Я помню, как низлагали Плауэна.

Маттиас знал эту историю по документам и рассказам старшего товарища.

— Но Русдорф ведь не собирается снова воевать с Польшей.

— Тогда спорили о войне. Теперь спорят о должностях, уставе и власти немецкого магистра. Повод другой.

— И что ты предлагаешь?

Герхард покачал головой.

— Ничего. Я уже слишком стар, чтобы давать советы людям, которые не желают слушать друг друга.

Маттиас хотел возразить, но старик продолжил:

— Займись лучше теми сельскими повинностями. Там хотя бы можно найти старую запись и понять, кто прав.

Он закрыл глаза. Маттиас ещё некоторое время сидел рядом, а затем тихо собрал документы и вышел. В коридоре пахло горячим воском и влажным камнем. Из соседней комнаты доносились голоса молодых писарей. Один диктовал, другой повторял текст перед записью. Внизу, возле кухни, кто-то сердито требовал принести свежую воду. Маттиас остановился у окна. В течение многих лет он считал Герхарда человеком, которому известны почти все правила орденского управления. Теперь становилось ясно, что старый служащий не сумеет оставаться при канцелярии ещё долго. На него уже нельзя было перекладывать трудные вопросы, откладывая собственное решение.

Маттиас вернулся в рабочую комнату и велел отправить запрос о сельских повинностях непосредственно в комтурство. К письму приложил копию жалобы жителей, чтобы получатель не мог ограничиться подтверждением собственного прежнего распоряжения.

В августе Петер Краузе получил ответ на обращение о сельской дороге. К тому времени ремонт уже был закончен, а движение через переправу восстановилось. Возчики снова пользовались обычным путём, на рынок везли сено, древесину и первые партии зерна. Дождливые дни сменились жарой. На полях созревал урожай, и каждый хозяин старался закончить работу до новых ненастий. Ответ принёс сельский староста. Петер встретил его во дворе, где вместе с женой и детьми укладывал снопы под навес. Староста попросил воды, присел на перевёрнутую колоду и достал из сумки сложенную бумагу.

— Из управления.

Петер вытер руки.

— Что пишут?

Староста начал читать. В документе подтверждалось, что дорога имеет важное значение для перевозок и что жители обязаны участвовать в её содержании в соответствии с установленными повинностями. Вопрос о предоставленной древесине предполагалось рассмотреть после получения дополнительных сведений о стоимости работ.

— И всё? — спросил Петер.

— Не всё. Здесь ещё сказано, что жалоба передана для проверки.

— Кому?

Староста назвал должностное лицо. Петер вспомнил человека, который весной требовал работников для ремонта.

— Он и собирал нас.

— Да.

— Теперь сам будет проверять, правильно ли собирал?

Староста сложил бумагу.

— Я тоже это заметил.

— Тогда зачем ты принёс?

— Потому что ответ всё-таки пришёл.

Петер некоторое время молчал. Затем взял документ и попросил прочитать ещё раз. Он хотел убедиться, что правильно понял содержание. Староста терпеливо повторил.

— Значит, лес мы взяли, дорогу сделали, а они ещё будут выяснять, кто должен платить.

— Получается так.

Жена Петера, до сих пор занимавшаяся снопами, подошла ближе.

— И сколько это будет продолжаться?

Староста не знал. Он объяснил, что на ближайшем собрании можно будет передать сведения представителю местного рыцарства. Тот участвовал в Прусском союзе и обещал добиваться правильного рассмотрения жалоб. Петер выслушал предложение.

— Рыцарь знает нашу деревню?

— Бывал здесь.

— А сколько земли у него самого?

Староста назвал приблизительный размер владения.

— И кто у него чинит мосты?

— Работники.

— За деньги?

— Часть за деньги, часть по повинности.

Петер разгладил край листа, чтобы староста увидел все отметки. Вся поездка имела смысл лишь в том случае, если их записи прочтут до вынесения нового решения.

— Тогда он, может быть, поймёт, о чём мы говорим.

Староста поднялся, собираясь уходить. Жена Петера предложила ему хлеба. Он поблагодарил, взял небольшой кусок и отправился к следующему двору. Вечером Петер снова обсуждал дело с семьёй. Жена не возражала против нового обращения, но напомнила, что любое собрание потребует времени. Если Петер поедет сам, придётся искать человека для работы на поле. Если заплатят за составление жалобы, деньги нужно будет взять из средств, приготовленных для осенних покупок.

— А если не поедем? — спросил Петер.

— Тогда ничего не получим.

— Может быть, всё равно ничего не получим.

Она поставила на стол миску с варёными овощами.

— Тогда хотя бы будем знать, что сделали всё возможное.

Петер вспомнил отца. Миколай Краузе долгие годы пытался добиться справедливости у разных орденских служащих. Он не был человеком непокорным. Выполнял повинности, платил, когда мог, соблюдал установленные обычаи и опасался больших перемен. Но всякий раз, когда речь заходила о правах семьи, возвращался к одним и тем же старым грамотам и обещаниям. Петер когда-то сердился на его настойчивость. Ему казалось, что отец тратит слишком много времени на споры, от которых почти нет пользы. Теперь он сам хранил в деревянном сундуке несколько документов, подтверждавших прежние решения, и понимал, почему старик не хотел с ними расставаться.

На следующий день Петер отправился к старосте и попросил включить его в число представителей деревни. Он не собирался выступать против Ордена. Хотел только добиться, чтобы жители не платили дважды за одну и ту же работу.

К осени в Мариенбурге стало заметно, что уступки Русдорфа не принесли ожидаемого спокойствия. Отмена пошлины удовлетворила часть купцов, но не устранила судебных споров. Сословные представители продолжали требовать признания своего союза и ясного порядка рассмотрения жалоб. Некоторые орденские сановники полагали, что великий магистр действует слишком осторожно. Другие обвиняли его в том, что он, напротив, недостаточно считается с установленными правами конвентов. Особенно тяжёлым оставалось противостояние с немецким магистром Эберхардом фон Зайнсхаймом.

Он управлял обширными орденскими владениями в германских землях и давно добивался более самостоятельного положения. Спор о полномочиях не ограничивался вопросом личного первенства. За ним стояли доходы, назначения, право надзора над должностными лицами и толкование орденских установлений. В Кёнигсберге, Бранденбурге и Балге часть братьев поддерживала требования пересмотреть порядок управления. Среди них было много выходцев из верхненемецких областей, недовольных тем, что высшие должности, по их мнению, слишком часто доставались людям, близким к Русдорфу и связанным с нижненемецкими землями.

В действительности происхождение служило лишь одной из причин разногласий. Люди спорили о должностях, доходах и праве участвовать в принятии решений. Кто-то действительно считал, что великий магистр нарушает орденский устав. Другой не мог простить неполученного комтурства. Третий опасался, что дальнейшее ослабление центральной власти при-

ведёт к разрушению всего братства. Были и такие, кто поддерживал противников Русдорфа только потому, что прежнее руководство не оправдало их ожиданий. В одном из помещений Кёнигсбергского замка несколько братьев собрались после вечерней службы.

За окнами шёл дождь. От ветра дрожали огни свечей, хотя ставни были закрыты. На столе лежало письмо из Мариенбурга о предстоящем пересмотре некоторых назначений. Один из присутствующих, брат из южногерманских земель, с раздражением отодвинул документ.

— Они снова хотят заменить одного человека другим, не меняя самого порядка.

Его собеседник, служивший в Пруссии уже много лет, возразил:

— Великий магистр согласился выслушать жалобы. Разве не этого требовали?

— Выслушать — не значит признать.

— Он изменил несколько решений.

— После того как мы настояли.

Третий брат, более молодой, до сих пор молчавший, спросил:

— А если он выполнит все требования, кто поручится, что через год мы не начнём спорить снова?

Старший повернулся к нему.

— Что ты предлагаешь?

— Установить ясный порядок. Чтобы не приходилось каждый раз искать поддержку у немецкого магистра.

— Именно этого мы добиваемся.

— Тогда почему часть наших людей требует новых должностей прежде, чем будет решён вопрос об уставе?

В комнате стало тихо. Вопрос оказался неприятным. Несколько присутствующих действительно ожидали назначения на более высокие посты. Другие надеялись получить влияние при формировании нового руководства. Признать это означало бы лишить собственные требования той нравственной убедительности, на которой строилось их обращение. Старший брат ответил не сразу.

— Люди, которым предстоит соблюдать порядок, должны участвовать в его установлении.

— А кто определит, какие люди достойны этого?

Разговор продолжался, но прежней уверенности в нём уже не было. Позднее один из участников вышел во двор. Он долго стоял под навесом, наблюдая, как вода стекает с черепичных крыш. Ему было не по себе от происходящего. Он принёс орденские обеты много лет назад, служил в гарнизонах, участвовал в хозяйственных делах, однажды тяжело болел во время зимнего похода. Никогда прежде ему не приходилось задумываться, вправе ли он поддерживать людей, открыто выступающих против решения великого магистра. Внутри братства всегда существовали споры. Но теперь разногласия всё чаще превращались в отдельные группы со своими письмами, представителями и обещаниями взаимной поддержки.

Он вернулся в помещение, где продолжалось обсуждение, и попросил внести в общее обращение требование не применять принуждения к братьям, не согласным с предложенными изменениями. Несколько человек поддержали его. Другие возразили, что подобная оговорка даст возможность противникам уклоняться от любых решений. В конце концов формулировку приняли в смягчённом виде. Никто из присутствующих не считал себя разрушителем Ордена. Все утверждали, что стремятся сохранить братство. Но теперь даже вопрос о том, каким способом следует сохранять единство, требовал долгих и тяжёлых переговоров.

В октябре Иоганн фон Байзен вновь отправился в Мариенбург. На этот раз поездка была связана не с отдельной жалобой, а с необходимостью выяснить отношение великого магистра к продолжавшейся деятельности союза. Русдорф уже сделал некоторые уступки, но вопрос о правовом положении объединения городов и рыцарства оставался неразрешённым. Байзен

ехал с несколькими представителями сословий. Дорога проходила через селения, в которых заканчивали осенние работы. Возле домов складывали дрова, на гумнах молотили зерно, из полей возвращались тяжёлые повозки. В низинах ещё стояла вода после дождей. Приходилось объезжать размытые участки, и путешествие заняло больше времени, чем предполагалось.

На одной из остановок к Байзену обратился пожилой землевладелец, сопровождавший делегацию.

— Ты веришь, что Русдорф согласится признать союз?

— Не знаю.

— Тогда зачем едем?

— Чтобы услышать ответ от него самого.

— Он уже отвечал.

— Отвечал до того, как увидел, что мы действительно способны действовать вместе.

Собеседник провёл ладонью по рукаву. Привычная верность Ордену не позволяла ему легко принять мысль о союзе, созданном для защиты от собственных господ.

— Не нравится мне всё это. Я служил Ордену, отец мой служил. Приходилось спорить с комтурами, но никто прежде не говорил, что нам нужно собственное объединение для защиты от господина.

Байзен поправил седельный ремень.

— А разве прежде не обращались к великому магистру совместно?

— Обращались. Но это другое.

— Почему?

— Потому что тогда мы собирались ради конкретного дела. Теперь союз существует постоянно.

Байзен не стал спорить. Именно это отличие понимал и сам Русдорф. Отдельную жалобу можно разрешить или отклонить, после чего заявители разъедутся. Постоянное объединение продолжает существовать независимо от результата одного разбирательства.

— Я не хочу войны с Орденом, — произнёс пожилой рыцарь.

— И я не хочу.

— Тогда говори с магистром осторожнее.

Байзен ответил, что постарается. Приём в Мариенбурге состоялся на следующий день. Русдорф выглядел утомлённым. Он принял посланников сидя, хотя прежде предпочитал подниматься при встрече с людьми, которых знал по многолетней службе. Возле него находились несколько сановников. На столе лежали документы, связанные с прежними соглашениями и сословными обращениями. Байзен начал с признания сделанных уступок. Он говорил о пошлинах, о рассмотрении жалоб, о распоряжениях, направленных в комтурства. От имени представителей союза выразил надежду, что подобный порядок позволит восстановить доверие между государем и подданными.

Русдорф выслушал.

— Я сделал то, о чём меня просили, — сказал он. — Однако союз продолжает требовать новых подтверждений.

— Потому что прежние решения слишком часто оставались на бумаге.

— Теперь я назначил людей для их исполнения.

— Мы знаем об этом.

— Тогда чего ещё вы хотите?

Байзен не спешил с ответом. Он видел, что великий магистр раздражён, и понимал, насколько важно не превратить встречу в обмен упрёками.

— Чтобы признанное право не приходилось каждый раз доказывать заново.

Русдорф положил ладонь на подлокотник кресла.

— Для этого существуют суды.

— Но жалобы на действия орденских должностных лиц нередко возвращаются тем же должностным лицам.

— Этот порядок пересматривается.

— Тогда пусть будет установлен такой, которому смогут доверять обе стороны.

Один из сановников вмешался:

— Союз хочет сам определять, какие решения законны?

Байзен повернулся к нему.

— Мы хотим иметь возможность обжаловать решение, если оно нарушает признанное право.

— И кто будет судить?

— Суд, которому доверяют и государь, и подданные.

Русдорф тяжело поднялся. Движение было неожиданным. Сановник возле него сделал шаг, словно собирался помочь, но великий магистр жестом остановил его.

— Вы предлагаете мне создать суд, перед которым мои собственные служащие будут отвечать по требованию городов и рыцарства.

— По требованию тех, чьи права они нарушили.

— А если обвинение окажется ложным?

— Тогда суд это установит.

Русдорф подошёл к столу и взял один из документов.

— Здесь перечислены мои обязанности перед государством. Я должен содержать крепости, обеспечивать безопасность дорог, охранять границы и исполнять договоры. Если каждый комтур начнёт ждать согласия городского совета, прежде чем выполнить распоряжение, кто будет отвечать за последствия?

— Никто не просит подчинять комтуров городским советам.

— Но вы хотите дать городам право приостанавливать действия власти.

Байзен ответил не сразу.

— Мы хотим, чтобы было возможно остановить незаконное взыскание до того, как человек лишится имущества. Если решение справедливо, пусть его исполняют. Но если в нём допущена ошибка, разве государь не заинтересован исправить её раньше, чем пострадает невиновный?

Русдорф вернулся к креслу, однако садиться не стал. Он смотрел на Байзена с выражением, в котором раздражение постепенно уступало место усталости. Они знали друг друга достаточно давно, чтобы не принимать взаимные возражения за личную вражду. Байзен принадлежал к числу прусских рыцарей, чья верность Ордену прежде не вызывала сомнений. Он служил великим магистрам, участвовал в переговорах, исполнял поручения, требовавшие осторожности и знания людей. Именно поэтому его участие в создании союза причиняло Русдорфу особенное беспокойство. Когда недовольство выражал человек, прежде не связанный с орденской службой, его можно было объяснить корыстью или непониманием государственных обязанностей. Но Байзен слишком хорошо знал эту службу.

— Ты говоришь так, словно я против справедливого суда, — произнёс великий магистр.

— Нет, господин. Я говорю о том, что справедливого суда слишком часто приходится добиваться годами.

— И ты полагаешь, что союз сократит эти годы?

— Во всяком случае, жалоба не останется делом одного человека, которому легко отказать.

Русдорф медленно опустился в кресло. Один из советников предложил перейти к письменным условиям, но великий магистр остановил его. Он хотел услышать, что именно представители сословий собираются делать, если Орден откажется признавать их объединение.

Байзен ответил осторожно. Союз был создан для взаимной защиты признанных прав, а не для изменения государственного устройства. Его участники продолжали считать великого магистра своим законным государем. Они не требовали отстранения орденских судов и не намеревались самостоятельно назначать комтуров. Однако распустить союз лишь потому, что его существование вызывает недовольство части орденского руководства, они не могли. Это означало бы отказаться от возможности действовать совместно ещё до того, как началось настоящее рассмотрение накопившихся жалоб.

— Следовательно, вы оставляете за собой право определять, когда следует подчиняться моим распоряжениям, — заключил Русдорф.

— Нет. Мы просим различать распоряжение государя и нарушение установленного права.

— А кто проведёт эту границу?

Байзен почувствовал, что разговор возвращается к началу. Он мог повторить доводы, привести примеры, предложить новые формулировки. Но великий магистр требовал ответа на вопрос, которого сам союз ещё не разрешил окончательно. Если право сопротивления будет определяться только теми, кто считает себя пострадавшим, власть окажется в постоянной зависимости от их согласия. Если же всякое обращение будет рассматриваться исключительно служащими этой власти, у жалобщиков останутся прежние основания для недоверия.

— Эту границу необходимо установить вместе, — ответил он.

Русдорф ничего не сказал. Его пальцы лежали на подлокотнике, и Байзен заметил, как слегка дрожит правая рука великого магистра. Ему стало неловко от собственной настойчивости. Перед ним сидел стареющий человек, на плечи которого легли последствия нескольких тяжёлых войн, государственных долгов и бесконечных внутренних распрей. Но жалость не могла заменить решения. Если бы Байзен сейчас согласился отказаться от главного требования, по возвращении его ожидали бы люди, чьи обращения он обещал защищать. Советники предложили перенести обсуждение отдельных условий на следующую встречу. Русдорф согласился. Перед окончанием приёма он попросил Байзена задержаться.

Когда остальные вышли, великий магистр некоторое время разбирал бумаги. Затем отложил их и указал на скамью возле стола.

— Садись, Иоганн. Нам не обязательно продолжать разговор стоя.

Байзен подчинился.

— Помнишь, как мы обсуждали условия мира после последней войны? — спросил Русдорф.

— Помню.

— Ты тогда убеждал меня, что земля больше не выдержит новых сборов.

— И теперь так думаю.

— Я послушал вас. Согласился на мир, отказался от части требований, пытался удержать комтуров от новых расходов. А теперь слышу, что государство управляется несправедливо.

— Не все ваши распоряжения исполнялись так, как вы требовали.

Русдорф отодвинул письмо. Упрёк был справедлив, но слышать его от служащего было всё-таки тяжелее, чем признавать про себя.

— Это я знаю лучше тебя.

Он говорил уже без раздражения. Байзен заметил, что великий магистр особенно болезненно воспринимает не сами жалобы, а невозможность добиться исполнения собственных решений. Русдорф мог подписать приказ, назначить проверку, потребовать ответа, но между Мариенбургом и отдельным селением находилось слишком много людей, распоряжавшихся в пределах своих полномочий так, как считали удобным.

— Я не собираюсь лишать тебя должности или преследовать за участие в союзе, — сказал Русдорф. — Ты служил Ордену достаточно долго, чтобы я не сомневался в твоих намерениях.

Но ты должен понять и меня. Я отвечаю не только за права городов. Я отвечаю за существование государства.

— Понимаю.

— Тогда помоги сохранить его.

Байзен почувствовал, что великий магистр ожидает от него чего-то большего, чем обычного заверения в верности. Возможно, он хотел услышать обещание убедить сословия отказаться от постоянного объединения. Возможно, надеялся, что Байзен сумеет отделить умеренных участников от тех, кто стремился использовать союз для давления на орденское руководство. Но дать такое обещание означало бы принять обязательство, исполнить которое рыцарь не мог.

— Я постараюсь удержать людей от необдуманных поступков, — ответил он. — Но убедить их отказаться от защиты, которой они добивались столько лет, не смогу.

Русдорф медленно провёл ладонью по лицу.

— Значит, каждый из нас останется при своём.

— Пока да.

На прощание великий магистр протянул ему руку. Байзен почтительно склонился и коснулся её губами, как делал прежде. Обычай сохранился, хотя смысл встречи изменился. Русдорф не отказал ему в расположении, а Байзен не перестал признавать власть великого магистра. Но между ними осталось требование, которое ни один не был готов уступить. Во дворе Байзена ожидали спутники. Один спросил, удалось ли добиться признания союза. Рыцарь ответил, что переговоры будут продолжены.

— А сам магистр?

— Слушал.

— Согласился?

Байзен направился к лошади.

— Нет.

Ему не хотелось объяснять больше. В замке он увидел человека, которому искренне желал помочь, но не нашёл способа сделать это, не нарушая обязательств перед теми, кто доверил ему представлять их интересы.

Утром Байзен всё же вернулся к своим запискам о встрече с Русдорфом. Он исключил из письма для союзных представителей фразу о том, что великий магистр не желает слушать жалобы. Русдорф слушал их, и долго; не соглашался он с тем, что объединение сословий вправе определять границы орденской власти. На первый взгляд различие было небольшим. Но Иоганн представлял себе, как оба текста зачитают в торнском зале: первый вызовет возмущение, второй заставит спорить о существе дела.

Он отправил второй текст. Габриэль, получив копию, прислал резкий ответ: брат защищает человека, который не дал им ни одной новой гарантии. Иоганн сложил письмо в дорожный ларец. В тот же день один из рыцарей отказался поддержать расходы на следующее посольство, объявив, что его земля уже устала платить за бесплодные беседы. Байзен не мог заставить его передумать. Оставалось искать деньги и решать, как ехать снова, не обещая людям победы, которой не было.

Ноябрь принёс в Данциг ранние холода. С моря приходил сырой ветер, пробиравшийся под одежду даже в относительно тихие дни. Возле складов рабочие разводили небольшие огни, чтобы согреть руки перед погрузкой. На улицах раньше темнело, и купцы старались завершать дела до вечернего колокола. Маттиас получил письмо от Иоганна фон Байзена вместе с несколькими документами, предназначенными для городского совета. В письме сообщалось о переговорах с великим магистром и о необходимости продолжать собирать сведения о случаях нарушения признанных прав. Байзен особенно просил не превращать каждую жалобу в обви-

нение против всего Ордена. Прежде чем требовать общей поддержки, следовало установить обстоятельства.

Маттиас прочитал письмо дважды. Мысль была ему близка, но он понимал, что далеко не все участники союза её разделяют. В тот же день к нему пришёл Лемке. Спор о задержанной смоле к тому времени почти завершился. Четыре бочки оставались предметом разбирательства дольше, чем рассчитывал купец, однако выяснилось, что при погрузке действительно были нарушены правила оформления. Теперь Лемке требовал содействия в возмещении расходов за время задержания остальных тридцати восьми бочек.

— У меня есть расчёт, — сообщил он, раскладывая листы.

Маттиас предложил ему сесть.

— Покажи.

Расчёт оказался подробным. Купец включил в него плату за хранение, дополнительную перевозку, задержку поставки покупателю и расходы на составление документов. Последняя сумма была неожиданно велика.

— Кто готовил обращение?

Лемке назвал писаря.

— Он потребовал столько?

— Сказал, что дело сложное.

Маттиас просмотрел лист.

— Он взял плату и за письмо, которое составил я?

Купец замялся.

— Он переписал его.

— Зачем?

— Чтобы всё было правильно.

Маттиас нашёл в своих бумагах копию первоначального обращения. Сравнение показало, что писарь изменил лишь несколько слов и добавил длинное вступление с перечислением заслуг купца перед городом. Оно не имело никакого отношения к задержанному товару.

— За это он получил деньги?

— Получил.

— Тогда требуй возмещения у него, а не у орденского служащего.

Лемке вспыхнул.

— Ты снова отказываешься помогать!

— Нет. Я готов подтвердить действительные расходы. Но не стану требовать от другого человека платы за твою доверчивость.

Купец поднялся, раздражённо собирая документы. Уже возле двери он остановился.

— Ты ведь управляешь делом Хеннинга Бранта. Неужели не понимаешь, что торговец должен поддерживать торговца?

Маттиас устало откинулся в кресле.

— Именно поэтому я и помог тебе освободить товар.

— Значит, больше помощи не будет?

— Будет, если принесёшь правильный расчёт.

Лемке ушёл, оставив после себя неприятное ощущение незаконченной ссоры. Позднее Маттиас узнал, что купец обратился к другому городскому представителю и обвинил его в чрезмерной осторожности. Разговор дошёл до совета. Несколько человек поддержали Лемке, считая, что город обязан защищать своих купцов решительнее. Другие напомнили о необходимости соблюдать собственные обязательства. Спор не имел большого значения для всего союза, но Маттиаса тревожило, с какой лёгкостью частное недовольство превращалось в обвинение против человека, отказавшегося поддержать сомнительное требование.

Вечером он отправился в складскую контору, где ещё работал старший приказчик. Они проверяли зимние запасы и сроки ближайших платежей. Несколько должников просили отсрочки. Один торговый партнёр умер, оставив вдову и двух малолетних детей; его имущество оказалось заложено под несколько обязательств. Приказчик предложил потребовать немедленного погашения долга из оставшегося товара.

— Иначе наследники успеют распродать всё, что ещё имеет цену.

Маттиас просмотрел договор.

— У них есть зерно?

— Немного. Ещё склад в аренде и две лодки.

— Если заберём лодки, чем они станут зарабатывать?

— Это уже не наше дело.

Маттиас отложил документ. Он помнил, как Хеннинг однажды отказался разорить должника, хотя имел полное право потребовать имущество. Старик тогда объяснил, что мёртвый торговый дом не возвращает долгов. Но Маттиас знал и другие случаи, когда чрезмерная снисходительность приводила к потере денег. Наследство Бранта обязывало его заботиться не только о должниках, но и о людях, работавших в собственных складах.

— Дадим вдове срок до весны, — решил он. — Но потребуем опись имущества и запретим продавать лодки без нашего согласия.

— А если весной она не заплатит?

— Тогда будем искать другое решение.

Приказчик записал распоряжение. Когда он ушёл, Маттиас ещё некоторое время сидел за столом. За стеной склада шумела река. С берега доносились голоса последних грузчиков, затем хлопнула тяжёлая дверь. Дом постепенно пустел. Он раскрыл одну из старых книг Хеннинга. На полях возле давней записи было сделано небольшое замечание о должнике, которому предоставили отсрочку. Почерк старого купца Маттиас узнал сразу. Буквы располагались плотно, некоторые соединялись так, что постороннему человеку трудно было разобрать слова. Маттиас провёл пальцем по строке.

В книге не было наставлений о справедливости. Только суммы, сроки и короткое указание не взыскивать долг до окончания торгового сезона. Маттиас закрыл переплёт и убрал книгу на полку. Он не мог спросить Хеннинга, правильно ли поступил. Приходилось принимать решения самому.

Зимой в Кульмской земле замёрзли не все водоёмы. После первых морозов наступила оттепель. На дорогах образовалась тяжёлая грязь, затем снова похолодало, и колеи покрылись неровной ледяной коркой. Лошади часто спотыкались. Возчики предпочитали ехать медленно, даже когда торопились доставить груз к городскому рынку. Петер Краузе отправился в ближайшее селение на встречу с человеком, обещавшим помочь жителям добиться возмещения расходов на ремонт дороги. Посредником оказался небогатый землевладелец, связанный с представителями рыцарства, участвовавшими в союзе. Он выслушал рассказ старосты, просмотрел документы и попросил объяснить, какие именно работы жители выполнили сверх прежних обязательств.

Петер приготовился к обычному спору, но вопросы оказались разумными. Землевладелец не обещал немедленной защиты. Он хотел узнать стоимость древесины, число отработанных дней и условия прежней повинности.

— Вы сами считаете, что не должны были ремонтировать дорогу? — спросил он.

— Должны, — ответил Петер. — Только не всё за свой счёт.

— Почему?

— Потому что древесину обещало управление. И людей требовали больше, чем прежде.

Землевладелец попросил старосту подтвердить сказанное. Тот показал старую запись. Документ был потёрт, в нескольких местах испачкан, но необходимые сведения сохранились.

— Вот здесь, — сказал староста. — Прежняя повинность. По ней мы выставляли работников на определённое число дней. А древесину получали из управления.

Посредник внимательно прочитал запись.

— Есть ли подтверждение, что это правило ещё действует?

— Нам никто не объявлял об отмене.

— Это не совсем одно и то же.

Петер почувствовал раздражение.

— Если всякий раз нужно получать подтверждение старой грамоты, зачем её вообще хранить?

Землевладелец поднял голову.

— Потому что без неё вы не смогли бы доказать даже того, что прежде существовало другое правило.

Петер не нашёлся с ответом. Разговор продолжался почти до полудня. Посредник согласился направить запрос представителям союза и помочь установить действительный размер повинности. Но предупредил, что окончательного решения придётся ждать.

— Сколько? — спросил староста.

— Не знаю.

— Все так говорят, — заметил Петер.

Землевладелец вздохнул.

— Потому что никто не может обещать за тех, кто будет отвечать на запрос.

Петер поднялся. Он не был удовлетворён, но и не мог сказать, что его обманули. Человек выслушал, разобрал бумаги, не потребовал платы и обещал направить обращение. Большего пока ожидать не приходилось. Уже возле двери посредник остановил его.

— Ты ведь сын Миколая Краузе?

Петер удивился.

— Да.

— Я знал твоего отца. Он однажды приезжал по делу о земельной границе. Упрямый был человек.

Петер не сразу понял, следует ли считать это похвалой.

— Бывало.

— С ним трудно было договориться, когда он считал себя правым.

— А если ошибался?

Землевладелец задумался.

— Тогда ещё труднее. Но документы он всегда привозил в порядке.

Петер невольно улыбнулся. По дороге домой он вспоминал этот разговор. Отец давно умер, однако следы его жизни обнаруживались в самых неожиданных местах: в старых записях, чужой памяти, земельных границах, которые он когда-то защищал. Петер часто думал, что не хочет повторять его бесконечных споров. Но теперь сам ездил по чужим домам с бумагами, добиваясь признания обязательств, исполненных сельскими жителями. Когда он вернулся, жена заметила, что он промёрз.

— Долго разговаривали?

— Долго.

— Помогут?

— Попробуют.

Она взяла у него дорожную сумку.

— Значит, пока ничего не изменилось.

Петер посмотрел на детей, которые устроились возле очага. Старший чинил деревянную игрушку младшего. Девочка разбирала клубок спутанной пряжи. Жена поставила перед мужем горячую еду.

— Изменилось, — сказал он после некоторого раздумья. — Теперь хотя бы не приходится каждому ездить одному.

Больше он ничего не прибавил. Впереди оставалась зима, нужно было беречь зерно и корм для скота. А когда придёт весна, дорога снова потребует ремонта, независимо от того, кто будет рассматривать жалобу.

К середине декабря Русдорф перестал скрывать, насколько трудно ему даётся повседневная работа. Утром он ещё принимал сановников и подписывал распоряжения, но после полудня часто требовал перенести встречи. Иногда его мучила слабость, иногда — боли, из-за которых он не мог долго сидеть. Лекарь советовал отдыхать, однако великий магистр сердился, когда кто-нибудь напоминал ему об этом при посторонних. В один из холодных дней он приказал доставить в свою комнату последние письма из Кёнигсберга, Балги и Бранденбурга.

Письма касались положения внутри Ордена. Представители недовольных конвентов продолжали настаивать на изменении порядка назначения должностных лиц и признании тех прав, которые, по их убеждению, предоставляли им орденские установления. Спор с немецким магистром Эберхардом фон Зайнсхаймом только усугублял положение. За несколько лет противостояние вышло далеко за пределы разногласий между двумя высокопоставленными братьями. Немецкий магистр ссылался на установления, приписываемые великому магистру Вернеру фон Орзельну, и выводил из них право надзора над главой Ордена. Русдорф оспаривал такое толкование и не признавал правомерности действий своего противника. Но ссылки на старые уставы находили поддержку среди тех, кто был недоволен его управлением.

Особенно тяжёлым оказалось то, что участники спора всё чаще обращались за поддержкой к людям, не принадлежавшим к прусскому орденскому руководству. Русдорф видел в этом нарушение внутренней дисциплины. Его противники считали подобные обращения необходимыми, поскольку не верили, что спор может быть справедливо разрешён самим великим магистром. В комнате, где он принимал ближайших советников, было тепло. В очаге горели поленья, возле двери стоял слуга, готовый подать воду или принести новые свечи. За окнами лежал снег, хотя на крышах нижнего замка кое-где ещё темнели участки открытой черепицы.

Русдорф выслушал доклад о настроениях конвентов.

— Они снова требуют признать права немецкого магистра? — спросил он.

— Да, господин.

— И что предлагают взамен?

Сановник, докладывавший о положении, ответил осторожно:

— Поддержку в восстановлении согласия между братьями.

Русдорф горько усмехнулся.

— Значит, сначала требуют признать их требования, а затем обещают прекратить спор.

— Часть братьев действительно готова к примирению.

— На каких условиях?

Последовал перечень предложений. Некоторые касались назначения должностных лиц, другие — полномочий совещательных органов. Отдельно обсуждалось участие представителей различных орденских земель в решении вопросов, затрагивавших всё братство. Русдорф слушал долго. Иногда просил повторить формулировку. Когда речь дошла до ограничений его права распоряжаться должностями, он остановил докладчика.

— Они хотят, чтобы я сохранил звание великого магистра, но каждое назначение согласовывал с теми, кто уже объявил меня неспособным управлять.

Сановник опустил взгляд к полу. Открыто возразить великому магистру он не решался, хотя слова о восстановлении уставного порядка уже выучил наизусть.

— Они называют это восстановлением уставного порядка.

— Уставного порядка, который сами толкуют, как им удобно.

Великий магистр попытался подняться, но внезапная слабость заставила его опереться о край стола. Слуга шагнул вперёд. Русдорф раздражённо остановил его движением руки, однако остался сидеть. Несколько мгновений никто не говорил. Наконец один из советников предложил отложить обсуждение. Русдорф согласился не сразу.

— Назови мне хотя бы одного человека из тех конвентов, кто готов исполнить моё распоряжение, даже если оно ему не понравится.

Советник перечислил несколько имён.

— Они уже выступили против своих братьев?

— Нет.

— Тогда это пока только предположения.

Он попросил оставить ему документы. Когда сановники вышли, Русдорф велел затворить дверь. Слуга подложил дров в очаг и тоже удалился. Великий магистр остался один среди бумаг, которые ещё недавно казались ему обычными делами управления. Теперь каждое письмо требовало решения, затрагивавшего не только отдельное комтурство, но и отношения между частями Ордена. Он попытался прочитать документ, полученный из германских земель, однако буквы расплывались перед глазами. Пришлось отложить лист.

Русдорф хорошо помнил своё вступление в должность. Тогда государство ещё не оправилось от тяжёлого поражения, казна испытывала постоянную нужду, отношения с Польшей и Литвой оставались напряжёнными. Он принимал обязанности, зная, что не сможет быстро восстановить прежнее могущество Ордена. Но надеялся, что мир, осторожное управление и постепенное приведение финансов в порядок позволят сохранить хотя бы то, что осталось. Вместо этого ему пришлось снова вести войну, договариваться о мире на тяжёлых условиях, искать деньги для пустеющей казны и выслушивать обвинения в неспособности управлять. За последние годы многие из тех, кто когда-то поддерживал его решения, изменили отношение к нему.

Он не считал себя безупречным. Несколько назначений действительно оказались неудачными. Отдельные распоряжения приходилось отменять. Он слишком долго отказывался признавать, насколько глубоко недовольство сословий. Но теперь даже попытки исправить прежние ошибки становились поводом для новых требований. Русдорф взял письмо из Кёнигсберга, некоторое время держал его перед собой, затем сложил и убрал в сторону. На столе оставалась папка с неразрешёнными жалобами. Он придвинул её ближе и открыл первую. Там говорилось о земельном споре, возникшем из-за неверно установленной границы. Требовалось назначить дополнительное разбирательство.

Русдорф велел позвать писаря. Когда тот вошёл, великий магистр продиктовал короткое распоряжение. Свидетельства следовало проверить, прежние документы сопоставить, решение представить без неоправданной задержки. Писарь повторил текст.

— Верно, господин?

— Верно.

Служащий приготовился записывать следующее распоряжение, но Русдорф отпустил его. Несколько минут великий магистр сидел неподвижно. Затем позвал слугу и попросил помочь ему подняться.

Маттиас фон Розенберг впервые услышал о возможности отречения Русдорфа незадолго до Рождества. Разговор состоялся в канцелярии. Ранение, полученное под Грюнвальдом, давно перестало мешать ему работать с книгами, но в шумном помещении он по-прежнему поворачивался к собеседнику правым ухом: слева речь различалась хуже. Один из старших служащих, вернувшийся с совещания, попросил подготовить сведения о незаконченных делах великого магистра. Подобные перечни составлялись и прежде, но на этот раз требовалось отдельно указать, какие решения зависели непосредственно от лица, занимавшего должность. Маттиас

спросил о причине. Старший служащий ответил, что положение может измениться и канцелярия должна быть готова продолжать работу при любых обстоятельствах.

— Великий магистр болен? — спросил Маттиас.

— Ты сам знаешь, что ему тяжело.

— Но до сих пор он не отказывался от дел.

— Теперь не всё зависит от его желания.

Больше собеседник ничего не объяснил. Маттиас принялся за работу. Вместе с молодыми писарями он разбирал документы, составлял перечни, сверял даты, проверял наличие печатей. Особое внимание пришлось уделить жалобам, по которым уже были направлены распоряжения, но ответы ещё не поступили. Среди них оказалось дело о сельских повинностях в Кульмской земле. Из местного управления наконец прислали дополнительную выписку. Она подтверждала, что обязанность жителей действительно включала предоставление работников, тогда как снабжение определёнными строительными материалами возлагалось на орденское хозяйство. Однако позднее порядок исполнения частично изменяли, и новая запись допускала несколько толкований.

Маттиас потребовал проверить, какие именно работы имелись в виду и распространялись ли изменения на тот участок дороги, о котором жаловались сельские жители. Молодой писарь, работавший вместе с ним, удивился.

— Разве сейчас время заниматься такими делами?

— Почему нет?

— Говорят, великий магистр может отказаться от должности.

— Пока он великий магистр.

— А если откажется?

Маттиас закончил запись.

— Дорога останется на месте.

Писарь пожал плечами и вернулся к своим бумагам. Позднее Маттиас отнёс часть документов Герхарду. Старик чувствовал себя хуже обычного. Он сидел возле очага, укрыв ноги покрывалом, и жаловался, что руки постоянно мёрзнут. Даже небольшая прогулка по коридору теперь утомляла его. Услышав о возможном отречении, Герхард долго не отвечал.

— Он тяжело болен? — спросил наконец.

— Болен. Но говорят и о требованиях братьев.

Старик посмотрел в сторону окна.

— Сколько лет он уже великий магистр?

— Почти девятнадцать.

Герхард медленно повторил число.

— Девятнадцать лет.

Маттиас сел рядом.

— Вы знали его ещё до избрания?

— Знал. Не так близко, как некоторых других. Но помню, каким он был.

— Каким?

Герхард попытался вспомнить не титулы и годы, а привычки человека, с которым некогда служил.

— Очень осторожным в расходах. Не любил, когда люди обещали больше, чем могли исполнить. Если требовалось решить трудное дело, сначала просил показать все документы. Иногда слишком долго разбирался.

— И теперь разбирается.

— Теперь у него слишком много людей, которые не желают ждать.

Герхард попросил воды. Маттиас помог ему поднести чашу к губам.

— Когда низложили Плауэна, — продолжил старик, — многие надеялись, что после этого внутри Ордена установится согласие. Потом умер Кюхмайстер. Пришёл Русдорф. Все думали прежде всего о мире и деньгах. Нужно было вернуть долги, привести в порядок замки, восстановить хозяйство. Казалось, если дадим земле несколько спокойных лет, остальное постепенно устроится.

— Но спокойных лет почти не было.

— Были. Только люди использовали их по-разному.

Маттиас ждал продолжения, однако старик умолк. Он заметно устал. Пальцы с трудом удерживали край покрывала, дыхание стало неровным.

— Отдохните, — сказал Маттиас.

— А ты?

— Мне нужно закончить перечень.

Герхард закрыл глаза.

— Тогда иди. Не заставляй других ждать из-за старика.

Маттиас поднялся, поправил полено в очаге и вышел. В коридоре он встретил служителя, нёсшего корзину дров. Попросил заглянуть к Герхарду и проследить, чтобы огонь не погас. Затем вернулся в канцелярию. До позднего вечера он разбирал незаконченные дела. Некоторые из них начались ещё при Михаэле Кюхмайстере. Их участники давно умерли, но споры продолжались между наследниками. В других случаях изменились границы владений, имена должностных лиц, размеры платежей. Маттиасу приходилось восстанавливать последовательность решений по разрозненным записям.

Он понимал, что смена великого магистра ничего не упростит. Новому правителю придётся заниматься теми же долгами, договорами и жалобами. Даже если все сановники наконец договорятся между собой, на следующий день к воротам Мариенбурга снова приедет человек, которому задержали товар, неправильно начислили повинность или отказали в положенном по договору. Маттиас продолжал работать, пока не затекла спина и не начали болеть глаза. Закончив очередной перечень, он поставил дату и распорядился подготовить копии.

В последние дни декабря положение Русдорфа стало настолько тяжёлым, что вопрос о продолжении его правления уже нельзя было откладывать. В Мариенбург приезжали братья из различных орденских владений. Их принимали по отдельности и небольшими группами. Разговоры касались здоровья великого магистра, порядка управления, полномочий высших сановников и требований недовольных конвентов. Некоторые ещё надеялись на примирение. Они предлагали признать часть требований, пересмотреть назначения и добиться соглашения с немецким магистром. Другие считали, что после столь продолжительного противостояния Русдорф уже не сможет восстановить доверие внутри братства, даже если согласится на все условия.

Существовали и опасения совершенно иного рода. Не все были уверены, что уход великого магистра действительно прекратит споры. Конвенты, добившиеся уступок благодаря совместному давлению, могли сохранить свои объединения и при новом руководителе. Немецкий магистр, добившийся признания части своих притязаний, едва ли добровольно откажется от приобретённого влияния. А города и рыцарство, образовавшие Прусский союз, не собирались распускать его только потому, что в Мариенбурге сменится правитель. Эти опасения обсуждались негромко.

В присутствии Русдорфа братья старались говорить прежде всего о его здоровье и необходимости облегчить бремя должности. Великий магистр понимал, что за словами заботы стоят разные намерения. Некоторые действительно желали ему покоя. Другие ждали возможности приступить к новому распределению власти. В один из вечеров Русдорф потребовал оставить его наедине с орденским братом, которому доверял. Они разговаривали в небольшой комнате

возле личных покоев великого магистра. На стене висело распятие, возле очага стояла скамья, на которой лежала книга молитв. Русдорф сидел в кресле, укрывшись тёплым плащом.

— Скажи мне, — спросил он, — если я останусь, они прекратят спорить?

Брат не сразу ответил.

— Некоторые готовы к соглашению.

— Это я слышал.

— Но не все.

Русдорф наклонил голову.

— А если уйду?

— Тогда придётся избрать другого великого магистра.

— Я спрашиваю не об избрании.

Собеседник понял.

— Не знаю, господин. Часть братьев считает, что после вашего ухода согласие восстановится.

— А ты?

Брат медлил с ответом не из осторожности. Он сам ещё не решился произнести то, о чём думал после последних известий.

— Я боюсь, что им уже недостаточно смены человека.

Русдорф посмотрел на него. Впервые за долгое время он услышал ответ, в котором не было ни попытки утешить, ни желания немедленно предложить решение.

— Чего же они хотят?

— Одни — соблюдения устава. Другие — участия в назначениях. Третьи опасаются потерять свои владения и доходы. Но все говорят от имени Ордена.

Русдорф устало прикрыл глаза.

— Я тоже говорил от его имени.

— И продолжаешь говорить.

— Пока продолжаю.

Они сидели некоторое время молча. За дверью слышались шаги служителей, готовивших комнаты к ночи. В очаге потрескивали дрова. Наконец Русдорф попросил принести бумаги, необходимые для отречения. Брат поднял голову.

— Вы уже решили?

— Да.

— Может быть, стоит отложить до утра?

— Утром я могу снова начать искать причины, чтобы остаться.

Он сказал это без раздражения, почти спокойно. Брат хотел возразить, но удержался. Русдорф попросил позаботиться о том, чтобы всё было подготовлено согласно установленному порядку. Он не желал, чтобы его уход стал поводом для нового спора о законности действий высших сановников. После разговора великий магистр остался в комнате один. Он не испытывал облегчения. Должность, которую ему предстояло оставить, давно превратилась в тяжёлое бремя, но отказаться от неё означало отказаться и от возможности завершить дела, которыми он занимался почти девятнадцать лет.

В соседней комнате лежали распоряжения, ожидавшие подписи. Он велел перенести их к себе. Некоторые требовали немедленного решения. Другие могли подождать. Русдорф просматривал документы, откладывая те, которые должен будет рассмотреть его преемник. Среди них оказалась жалоба из одного из прусских селений. Он прочитал её начало и попросил доставить прежнюю переписку. Когда бумаги принесли, выяснилось, что дело уже рассматривалось несколько раз и теперь ожидало проверки дополнительных свидетельств. Русдорф положил документы обратно в папку.

— Передайте в канцелярию, чтобы не потеряли при смене управления, — распорядился он.

Слуга унёс папку. Больше великий магистр никого не принимал.

Второго января 1441 года Пауль фон Русдорф отказался от должности великого магистра Тевтонского ордена. В Мариенбурге стояла холодная погода. С утра небо было низким и серым. Во внутреннем дворе ветер поднимал сухой снег, оставшийся возле стен после расчистки проходов. Служители ходили быстрее обычного, стараясь не задерживаться на открытом месте. О предстоящем отречении знали не все. Часть братьев получила извещение лишь незадолго до установленного собрания. Другие, участвовавшие в прежних переговорах, ожидали решения, но не были уверены, что Русдорф окончательно согласится. Некоторые считали, что он ещё потребует новых гарантий и попытается сохранить должность.

Когда он появился перед собравшимися, стало ясно, насколько ухудшилось его здоровье. Русдорф шёл медленно. Один из братьев находился рядом, готовый поддержать его при необходимости. Белый орденский плащ с чёрным крестом лежал на плечах привычно, однако под тяжёлой тканью фигура великого магистра казалась исхудавшей. Лицо осунулось, движения утратили прежнюю уверенность. Он занял приготовленное место. Собрание началось в установленном порядке. Были произнесены необходимые обращения, названы присутствующие должностные лица, подтверждено, что решение должно быть принято согласно орденским установлениям.

Русдорф выслушал формальности. Затем объявил, что по состоянию здоровья и ввиду тяжести продолжительного управления не может далее исполнять обязанности великого магистра. Он не стал подробно перечислять заслуги своего правления. Не обвинял противников, не оправдывался за прежние решения и не пытался выяснить, кто из присутствующих поддерживал его искренне, а кто ждал отречения. Документы, определявшие прекращение его полномочий, были оформлены в установленном порядке. Когда понадобилось подтвердить решение, Русдорф поднялся.

Ему помогли. Он не отстранил руку брата, как делал прежде. Собравшиеся выслушали его заявление. Некоторые склонили головы. Другие оставались неподвижными, внимательно следя за дальнейшими действиями должностных лиц. В помещении не было ни торжества, ни открытой враждебности. Даже те, кто добивался отречения, понимали, что уходит человек, почти два десятилетия возглавлявший Орден в один из наиболее тяжёлых периодов его существования. После завершения необходимых формальностей Русдорф покинул собрание. За дверью его ожидал слуга. Бывший великий магистр остановился, словно хотел что-то сказать, но только попросил воды.

Ему подали чашу. Он сделал несколько глотков и передал её обратно. Затем направился к своим покоям. По дороге ему встретился Маттиас фон Розенберг. Брат отступил к стене и почтительно склонил голову. Русдорф узнал его, остановился и спросил:

— Ты закончил перечень незавершённых дел?

— Да, господин.

— Все бумаги на месте?

— Да. Подготовлены копии для нового управления.

Русдорф удовлетворённо кивнул.

— Хорошо.

Он уже собирался идти дальше, но вспомнил о старом служащем.

— Как Герхард?

— Слаб, господин. Почти не выходит из комнаты.

— Передай ему, что я спрашивал о нём.

— Передам.

Русдорф хотел прибавить что-то ещё, однако силы покидали его. Он опёрся на руку сопровождавшего брата и медленно пошёл дальше. Маттиас проводил его взглядом. Человек, прежде всегда спешивший от одного решения к другому, теперь шёл так медленно, что сопровождавшему приходилось подстраивать шаг. Вернувшись в канцелярию, Маттиас обнаружил на своём столе несколько новых писем. Одно пришло из Торна, другое — из Кульмской земли. Третье касалось торгового спора между городскими купцами и орденским служащим. Письма были доставлены до отречения, но разобрать их ещё не успели.

Молодой писарь спросил, следует ли ждать распоряжений от нового руководства.

— Нет, — ответил Маттиас. — Пока зарегистрируем и подготовим выписки.

Он сел к столу. В соседней комнате продолжали переписывать договоры. Возле окна старший служащий проверял печати на полученных грамотах. По коридору прошли двое братьев, негромко обсуждавших порядок избрания нового великого магистра. Из нижнего двора доносился скрип повозки, доставившей дрова. Маттиас открыл письмо из Кульмской земли. Жители нескольких дворов просили ускорить рассмотрение жалобы о повинностях, поскольку весной им снова предстояло участвовать в ремонте дороги. К письму прилагалась копия старой грамоты и перечень выполненных работ.

Он узнал дело, которое разбирал вместе с Герхардом. В прежней выписке не хватало одного подтверждения. Теперь оно было приложено. Маттиас разложил документы рядом, внимательно сопоставил даты и обнаружил, что нужное свидетельство действительно меняет положение заявителей. По крайней мере, часть взысканных с них расходов не соответствовала прежнему обязательству. Он позвал молодого писаря.

— Подготовь письмо в комтурство. Потребуем объяснить, почему при взыскании не учли эту запись.

— От имени кого? — спросил тот.

Маттиас поднял голову.

— От имени канцелярии.

Писарь взял бумагу и перо. За стенами замка ещё обсуждали отречение великого магистра. По коридорам ходили посланники, в комнатах сановников готовились к новым совещаниям, а в конюшне седлали лошадей для людей, которым предстояло разнести известие по орденским владениям. Маттиас продиктовал начало письма, проверил первую строку и попросил писаря продолжать. На столе лежала старая жалоба Петера Краузе и его соседей. Теперь у неё появилось недостававшее свидетельство. Маттиас придвинул бумагу ближе к свету и принялся составлять заключение.

Глава 18. Право говорить

Мариенбург — Данциг — Кульмская земля — Торн.

Январь — апрель *1441 года.*

Девятого января Пауль фон Русдорф умер.

Известие распространилось по Мариенбургскому замку ещё до полудня. Сначала о смерти бывшего великого магистра узнали братья, находившиеся возле его покоев, затем служители, канцелярия, караульные у ворот. К вечеру знали уже в городе. На следующий день посланники повезли письма в комтурства, сообщая о кончине человека, почти девятнадцать лет возглавлявшего Тевтонский орден. Маттиас фон Розенберг услышал новость, когда разбирал бумаги о земельном споре в Кульмской земле. В комнату вошёл старший служащий, остановился возле двери и попросил всех отложить работу. Он сообщил о смерти Русдорфа, распорядился подготовить необходимые записи и уточнить перечень лиц, которых следовало известить.

Никто не задал вопроса. Маттиас положил перо. На листе осталась незаконченная строка, в которой говорилось о праве нескольких сельских дворов пользоваться древесиной из орден-

ских лесов для ремонта общественной дороги. Ещё вчера ему казалось, что дело близится к разрешению: пришло недоставшее свидетельство, удалось найти прежнее распоряжение, оставалось сопоставить расходы. Теперь он сидел перед теми же бумагами, но не мог заставить себя продолжать.

Он видел Русдорфа всего неделю назад, после отречения. Бывший великий магистр остановил его в коридоре, спросил о незаконченных делах и о здоровье Герхарда. Разговор был коротким, почти будничным. Маттиасу запомнилась не слабость Русдорфа, а то, что человек, только что отказавшийся от высшей должности Ордена, всё ещё интересовался работой канцелярии. Теперь предстояло занести его имя в другую книгу. К полудню Маттиасу поручили подготовить выписки о последних распоряжениях умершего. Он отправился в помещение, где хранились документы, и провёл там несколько часов. Приходилось сверять даты, искать подтверждения, отделять распоряжения, исполненные до отречения, от тех, которые оставались незавершёнными.

Среди бумаг находилась грамота, составленная второго января. Высшие орденские сановники предоставляли бывшему великому магистру содержание и владения, связанные с Растенбургом, где он мог бы провести остаток жизни. Документ был оформлен надлежащим образом, с перечислением установленных прав и обязательств. Маттиас долго рассматривал его. Грамота сохраняла силу в отношении решений, принятых при отречении, но человеку, для которого она предназначалась, уже не понадобятся ни выделенные владения, ни обещанное содержание. Между подписанием документа и смертью прошла одна неделя.

Молодой писарь, работавший рядом, спросил, нужно ли переписывать грамоту для общего собрания.

— Сделай копию, — ответил Маттиас. — Оригинал оставь на месте.

— А зачем она теперь нужна?

— Потому что была выдана.

Писарь пожал плечами, но выполнил поручение. Маттиас вернулся к своему столу. За окнами шёл мелкий снег. Во дворе несколько слуг переносили дрова к кухне, конюхи выводили лошадей, возле ворот ожидали прибытия посланника из Эльбинга. Жизнь замка не остановилась. Смерть бывшего великого магистра прибавила работы всем, кто отвечал за сообщения, документы, богослужение и содержание многочисленного хозяйства. В последующие дни Русдорфа похоронили в замковой церкви Святой Анны, где покоились и другие великие магистры.

Маттиас присутствовал при погребении вместе с братьями и служащими. Каменные стены сохраняли зимний холод, от дыхания людей в тесном помещении поднимался едва заметный пар. Свечи горели неровно. За спинами стоявших слышались шорох одежды, приглушённый кашель и осторожные шаги тех, кто пытался найти место. Маттиас смотрел на гроб и вспоминал не торжественные приёмы и не речи великого магистра, а один случай в канцелярии.

Несколько лет назад Русдорф потребовал срочно представить сведения о расходах, связанных с очередным распоряжением. Маттиас тогда ещё не имел достаточного опыта и принёс неполный расчёт. Великий магистр рассердился, велел переделать работу и отпустил его, не выслушав объяснений. Через два дня, когда необходимые сведения были собраны, Русдорф сам спросил, почему в первоначальном документе отсутствовали записи одного из комтурств. Выяснилось, что их просто не успели доставить.

Маттиас ожидал нового выговора, но великий магистр распорядился изменить порядок передачи сведений, чтобы впредь подобные задержки не повторялись. Он не попросил прощения за резкость и, вероятно, даже не помнил обстоятельств разговора. Но ошибку управления исправил. Теперь этот человек лежал перед собравшимися, а Маттиас всё ещё продолжал проверять документы, составленные по его распоряжениям. После погребения братья медленно расходились. Некоторые задерживались у могилы, другие направлялись к своим обязанностям.

Высшие сановники уже обсуждали порядок предстоящего избрания нового великого магистра и положение дел в различных орденских владениях.

Возле выхода Маттиас услышал разговор двух братьев. Один говорил, что смерть Русдорфа должна облегчить восстановление согласия. Другой возразил, что отречение состоялось ещё при жизни бывшего магистра, а споры между конвентами никуда не исчезли.

— Теперь хотя бы нельзя будет обвинять его во всём, что происходит, — заметил второй.

— Найдут другого виновного.

Маттиас не стал прислушиваться. Он вышел из церкви и направился к помещению Герхарда. Старый служащий из-за слабости уже не мог присутствовать при продолжительном богослужении. Маттиас обещал рассказать ему о погребении. Герхард сидел у очага. В последнее время он заметно осунулся. Щёки впали, кожа на руках стала тонкой, пальцы утратили прежнюю уверенность. Иногда ему требовалась помощь даже для того, чтобы подняться с кресла. Однако память всё ещё сохраняла удивительную ясность в вопросах, касавшихся старых документов и людей, с которыми он служил много лет назад.

Увидев Маттиаса, он попытался выпрямиться.

— Похоронили?

— Да.

— В Святой Анне?

— Там.

Герхард вслушался, точно проверяя, не перепутал ли собеседник название старого хранилища.

— Хорошо.

Маттиас сел напротив.

— Пришли многие братья. Служба была долгой.

— Должна быть долгой. Великий магистр всё-таки.

Старик замолчал. Некоторое время он наблюдал, как огонь охватывает полено, положенное поверх почти прогоревших дров.

— Я помню его молодым, — произнёс он наконец. — Не настолько молодым, чтобы не иметь седины, но ещё крепким. Он тогда служил при великом магистре, много занимался хозяйственными делами. Не любил красивых обещаний.

— Вы уже рассказывали.

— Рассказывал?

— Да.

Герхард смутился.

— Стало быть, повторяюсь.

— Вы помните такие вещи, которых больше никто в канцелярии не знает.

— Это не всегда достоинство. Иногда просто человек слишком долго живёт.

Маттиас поправил покрывало, сползшее с колен старика.

— Я хотел спросить вас об одном деле.

— Опять о дороге?

— Да.

Герхард повернул голову.

— Нашли прежнюю грамоту?

— Нашли. И подтверждение к ней.

— Тогда что мешает закончить?

— Местный служащий утверждает, что позднее обязательства изменились. Он ссылается на другую запись.

— Показывай.

Маттиас достал из сумки копии документов. Он заранее приготовил их, потому что надеялся получить совет. Но теперь, глядя на утомлённого старика, усомнился, стоило ли тревожить его после похорон. Герхард заметил колебание.

— Читай.

Маттиас начал. Первая грамота касалась прежних обязанностей жителей по содержанию дороги. Вторая вводила некоторые изменения. Из текста следовало, что сельские дворы должны участвовать в работах, но вопрос о предоставлении материалов оставался не вполне ясным. Управление истолковало изменения в свою пользу и потребовало от жителей не только труда, но и древесины, которую прежде предоставляло орденское хозяйство. Герхард попросил повторить начало второй записи. Маттиас прочитал.

— Там сказано о новой дороге, — заметил старик.

— Да.

— А они ремонтировали старую?

— Старую переправу.

— Тогда почему считают, что изменение касается и её?

Маттиас показал дополнительную выписку. Герхард долго слушал, иногда просил повторить отдельные слова. Затем неожиданно спросил:

— Кто составлял вторую грамоту?

Маттиас назвал имя, указанное в документе.

— Не помню его, — признался старик. — Но помню, что в те годы несколько раз меняли порядок дорожных повинностей. После войны не хватало людей и лошадей. В некоторых местах разрешали выполнять часть работы деньгами, в других, наоборот, требовали выходить на ремонт самим. Если всё это переписывали без объяснения, теперь попробуй разбери.

— Значит, нужно запросить ещё документы?

— Можно. Только подумай, сколько их уже собрали.

Маттиас опустил бумаги.

— Вы предлагаете решить дело без них?

— Нет. Я предлагаю сначала понять, что именно необходимо доказать.

Старик попросил подать ему чашу с водой, сделал несколько глотков и продолжил:

— Если жители обязаны были работать, пусть подтвердят, сколько дней отработали. Если управление обещало материалы, пусть покажет, когда и на каком основании перестало их предоставлять. Не заставляй жалобщиков доказывать то, что должно находиться в книгах самого управления.

Маттиас представил, сколько придётся поднять разрозненных записей. Обещать немедленный ответ было бы проще, чем потом объяснить, почему он недостоверен.

— Комтур может ответить, что у него нет такой записи.

— Тогда надо установить, по какому праву он требовал больше прежнего.

Герхард устало откинулся в кресле.

— Сам понимаешь, здесь нет большой тайны. Просто легче потребовать от бедного человека ещё один документ, чем заставить должностное лицо объяснить собственное распоряжение.

Маттиас снова разложил бумаги. До этого он старался найти запись, которая окончательно подтверждала бы правоту сельских жителей. Теперь понял, что рассматривал дело лишь с одной стороны. Ведь изменение повинности тоже требовало законного основания, и именно управление должно было знать, когда и кем оно установлено.

— Подготовлю запрос, — сказал он.

Герхард закрыл глаза.

— Подготовь.

Маттиас начал собирать документы, но старик удержал его за рукав.

— Только не забудь внести в дело их собственные слова.

— Какие?

— Что они уже сделали работу. И почему считают взыскание несправедливым. Не один перечень брёвен и дней, а то, о чём люди жалуются.

— Всё записано.

— Проверь. Иногда жалобу переписывают столько раз, что от неё остаётся только удобный для суда вопрос.

Маттиас пообещал. Когда он уходил, Герхард уже дремал у огня. Его рука лежала поверх покрывала. На столике рядом стояли очки, которыми старик почти перестал пользоваться, и небольшая чернильница, давно не открывавшаяся. Маттиас тихо притворил дверь. В коридоре молодой служитель спросил, следует ли принести Герхарду обед.

— Принеси. Только не буди, пока сам не проснётся.

Вернувшись в канцелярию, Маттиас первым делом достал первоначальную жалобу жителей. Она начиналась с подробного объяснения, что весной, когда следовало пахать и готовить землю под посев, им пришлось оставить хозяйства и работать на дороге. После этого они приобрели древесину за собственные средства, хотя считали, что по прежнему порядку её должно было предоставить управление. В позднейшей выписке всё это превратилось в короткую фразу о споре относительно дорожной повинности.

Маттиас положил обе бумаги рядом. Затем взял чистый лист и начал составлять новый запрос. На этот раз он включил в него обстоятельства, которые прежде казались ему второстепенными.

В Данциге о смерти Русдорфа узнали от прибывшего из Мариенбурга посланника. Маттиас находился на складе, когда городской служащий сообщил, что бывший великий магистр умер девятого января. Купцы, собравшиеся возле весов, выслушали новость с различными чувствами. Одни перекрестились. Другие сразу заговорили о предстоящем избрании нового главы Ордена. Кто-то предположил, что теперь удастся договориться о торговых пошлинах и порядке рассмотрения жалоб. Несколько человек возразили, что новый великий магистр может оказаться гораздо менее уступчивым.

Маттиас не присоединился к разговору. Он помнил последнее письмо Хеннинга Бранта о делах с орденскими служащими и знал, что старый купец никогда не считал смерть государя достаточным основанием ожидать перемен. Договоры оставались, долги сохранялись, складские книги продолжали требовать точных записей. Менялся человек, ставивший печать на высших распоряжениях, но торговля зависела ещё от множества людей и обстоятельств. В тот день у Маттиаса было особенно много работы.

С одного судна выгружали шерсть, с другого — воск. Складские помещения были переполнены, часть товара пришлось временно разместить под навесом. Зимняя сырость проникала даже в хорошо закрытые постройки. Работники постоянно проверяли, не протекает ли крыша, не отсырели ли мешки, не начали ли портиться деревянные ящики. К полудню старший приказчик сообщил о неприятности. Работник, повредивший осенью руку при разгрузке железа, вернулся к тяжёлой работе раньше, чем окончательно восстановился. Теперь пальцы снова распухли, и он не мог удерживать груз.

— Я велел ему идти домой, — сказал приказчик.

— Почему он вернулся к погрузке?

— Сам попросился.

— Ему ведь поручили сортировать товар.

— Там платят меньше.

Маттиас отложил документы.

— Позови его.

Работник пришёл через несколько минут. Это был мужчина средних лет, крепкий, но заметно похудевший за последние месяцы. Он держал повреждённую руку у пояса, стараясь не сгибать пальцы. Маттиас предложил ему сесть.

— Почему ты снова таскал железо?

— Нужно было заработать.

— Я велел дать тебе другую работу.

— Дали. Только там не выходит столько, сколько прежде.

— Рука ещё не зажила.

— Если ждать, пока заживёт, зимой нечем будет кормить детей.

Маттиас обменялся взглядом с приказчиком. Тот сжал губы: труднее всего оказалось не найти лёгкую работу, а объяснить, из каких денег платить за неё.

— Мы платим по работе. Если человек не может грузить, нельзя выдавать ему такую же плату, как тем, кто весь день носит тяжёлые бочки.

— Я это понимаю, — ответил Маттиас.

Работник напрягся.

— Тогда разрешите вернуться. Я осторожнее буду.

Маттиас попросил показать руку. Пальцы двигались плохо. Средний и безымянный почти не сгибались, кожа на ладони оставалась болезненной. Было ясно, что ещё одно неосторожное движение может сделать повреждение окончательным.

— На тяжёлую погрузку не вернёшься, — сказал Маттиас.

Мужчина побледнел.

— Господин, я ведь не прошу милостыню.

— Я и не предлагаю.

— Тогда дайте работать.

Маттиас задумался. В торговом доме требовалось постоянно проверять вес, считать мешки, переносить небольшие образцы товара, следить за состоянием складских дверей и замков. Часть этих обязанностей выполняли мальчики-помощники или старые работники, уже не способные носить большие тяжести. Плата была невысокой. Увеличить её одному человеку означало вызвать недовольство остальных. Но оставить работника без заработка после увечья, полученного на его складе, Маттиас тоже не мог.

— Счёт вести умеешь?

Мужчина удивился.

— Немного.

— Читать?

— Плохо.

— А считать бочки, мешки, доски?

— Могу.

Маттиас повернулся к приказчику.

— Нам ведь нужен человек для проверки пустой тары?

— Нужен. Только там работы немного.

— Добавь осмотр замков и дверей. Пусть составляет перечень повреждений, а ты проверяй.

— Он не умеет писать.

— Найдёшь помощника, который запишет.

Приказчик недовольно поджал губы.

— И сколько ему платить?

Маттиас назвал сумму, меньшую прежнего заработка грузчика, но большую платы за простую сортировку.

— Это почти столько же, сколько получают опытные складские работники, — возразил приказчик.

— Тогда поручим ему соответствующую работу. Не заставляй таскать железо, чтобы доказать, что он стоит своих денег.

Работник внимательно слушал.

— А если не справлюсь?

— Скажешь сразу.

— И вы не прогоните?

Маттиас почувствовал раздражение, но не на самого человека.

— Сначала попробуй.

Мужчина поднялся. Он хотел поблагодарить, однако Маттиас остановил его и велел зайти к лекарю. Расходы торговый дом принимал на себя. Когда работник ушёл, приказчик закрыл дверь.

— Ты понимаешь, что теперь каждый, кто повредит руку, станет требовать особого места?

— Пусть сначала не повреждают.

— Несчастья случаются.

— Знаю.

— Тогда придётся содержать целый склад людей, которые не способны грузить.

Маттиас взглянул на него.

— Если увижу, что человек притворяется, решу иначе. А этот действительно пострадал на нашей работе.

— Ты слишком много думаешь о том, что скажут люди.

— Мне приходится думать и о том, кто завтра выйдет разгружать суда.

Приказчик не стал спорить. Он знал, что Маттиас умеет считать расходы и не склонен раздавать деньги без причины. Но ему казалось, что после смерти Хеннинга новый хозяин всё чаще принимает решения, которые трудно объяснить одной выгодой. Маттиас вернулся к бумагам. Через некоторое время он услышал за окном знакомый голос. Работник разговаривал с другим грузчиком, показывая повреждённую руку и объясняя, какую обязанность получил. Собеседник что-то ответил, оба рассмеялись. Затем раздался стук деревянных бочек.

Маттиас подошёл к окну. Во дворе продолжалась работа. Люди носили мешки, проверяли верёвки, перекатывали бочки по доскам. Тот, кому он только что нашёл новое занятие, стоял возле дверей и считал пустую тару, загибая пальцы здоровой руки. Маттиас некоторое время наблюдал за ним. Потом вернулся к столу и записал новое жалованье в книгу расходов.

Февраль в Кульмской земле начался с морозов, которые не столько облегчали жизнь, сколько делали её опаснее. Дороги промёрзли, глубокие колеи превратились в острые неровности, а на переправах лёд лежал неравномерно. На середине реки он ещё держался, возле берегов вода уже подтачивала его снизу. Возчики старались не рисковать тяжёлыми повозками и предпочитали длинные объезды. Петер Краузе занимался ремонтом сарая, когда к нему прибежал старший сын соседа. Мальчик был запыхавшимся, на щеке краснела свежая царапина.

— Они пришли к вдове! — выпалил он.

— Кто пришёл?

— Из управления. Корову хотят забрать.

Петер отложил топор. Вдова жила на другом конце деревни. После смерти мужа у неё осталось небольшое хозяйство, которое помогали вести двое сыновей. Старшему было уже достаточно лет, чтобы работать наравне со взрослыми, младший ещё не мог справляться с тяжёлой работой. Корову семья берегла особенно тщательно. Молока едва хватало на дом, но несколько раз в неделю вдова могла продать немного творога или масла. Петер пошёл к её двору. Возле ворот стояли двое служащих с лошадьми. Один держал длинный лист с перечнем

взысканий. Другой разговаривал со старостой. Вдова стояла на пороге, прижимая к себе младшего сына. Старший находился возле хлева и не позволял чужому человеку открыть дверь.

— Что случилось? — спросил Петер.

Староста повернулся к нему.

— Требуют возместить два дня неисполненной дорожной повинности.

— Кто не исполнил?

— Старший сын вдовы.

Петер посмотрел на мальчика. Тот был уже почти взрослым, широкоплечим, с большими покрасневшими от холода руками.

— Он работал с нами.

Один из служащих поднял лист.

— В записи отсутствует подтверждение.

— Я видел его на дороге.

— Здесь сказано, что от двора выставлен один работник вместо двух.

Петер не сразу понял.

— Откуда второй? У неё нет двух взрослых работников.

— Повинность установлена по двору.

— По двору, — повторил Петер. — А не по числу сыновей.

Служащий объяснил, что в прошлом году был изменён порядок распределения работ и вдове назначили дополнительный день. Соответствующее уведомление передали старосте. В списке отмечалось, что обязанность выполнена не полностью. Староста слушал с всё возрастающим беспокойством.

— Уведомление я получал, — признал он. — Но тогда мы договаривались, что недостающий день отработают вместе с соседями.

— Где это записано? — спросил служащий.

Староста не ответил. Петер вдруг вспомнил день, когда они переносили тяжёлые балки к повреждённой переправе. Сын вдовы действительно был там. Работал почти до темноты, а затем остался помогать разгружать древесину, привезённую из соседнего селения. В тот вечер староста распорядился отметить дополнительную работу отдельно, чтобы впоследствии учесть её при расчёте повинностей.

— Он отработал тот день, — сказал Петер.

— Возможно, — ответил служащий. — Но нам необходимо подтверждение.

— Я подтверждаю.

— Ты являешься должностным лицом?

— Нет.

— Тогда твоё слово может быть принято как свидетельство. Но решение о взыскании уже внесено в книгу.

Старший сын вдовы шагнул вперёд.

— Я не отдам корову.

Второй служащий, до сих пор державший лошадей, резко повернулся к нему.

— Не тебе решать.

Петер встал между ними.

— Никто не собирается драться. Староста знает, кто работал. Я тоже знаю. Можно проверить у остальных.

Первый служащий раздражённо сложил лист.

— Мы приехали исполнить распоряжение. Если всякий раз будем собирать свидетелей, ничего не взыщем.

— Тогда взыщете с человека, который выполнил работу.

— Не тебе учить меня службе.

Петер почувствовал, как внутри поднимается злость. Ему хотелось напомнить, что он сам несколько дней работал на той дороге, привозил древесину и вместе с другими жителями добивался возмещения расходов. Теперь из-за неверной записи собирались лишить хозяйство коровы, без которой вдова едва ли сможет прокормить детей. Однако он заставил себя говорить спокойно.

— Покажи, где написано о двух днях.

Служащий некоторое время смотрел на него, затем развернул лист. Петер умел читать лишь самое необходимое. Длинные записи давались ему с трудом. Он разобрал имя вдовы и цифры, обозначавшие число дней. Рядом стояла отметка о взыскании.

— А где запись о тех, кто действительно работал?

— Она находится в управлении.

— Значит, здесь только долг.

— Здесь перечень того, что следует взыскать.

Петер повернулся к старосте.

— У тебя сохранились наши записи?

— Сохранились.

— Принеси.

Староста колебался. Он не хотел открыто противоречить орденским служащим. Кроме того, ошибка в местной записи могла оказаться его собственной, а признать это означало подвергнуть сомнению всю ведомость повинностей. Наконец он отправился домой. Служащие согласились подождать, но предупредили, что не могут провести в деревне весь день. Вдова пригласила людей войти погреться. Один отказался, другой согласился после недолгого колебания. Петер остался во дворе с её старшим сыном.

— Ты помнишь, сколько дней работал? — спросил он.

— Три. В последний день мы привезли балки.

— Кто ещё был с тобой?

Молодой человек назвал двух соседей.

— Один потом уехал к родственникам. Другой дома.

Петер отправил мальчика за вторым свидетелем. Староста вернулся с книгой, в которой хранились сельские записи. Некоторые страницы были повреждены водой, чернила местами расплылись. Нужная отметка нашлась не сразу. Вдова стояла рядом, пока мужчины разбирали строчки. Она не вмешивалась, хотя именно её хозяйство оказалось под угрозой. Когда служащий нашёл запись, то долго изучал её, сопоставляя с принесённым перечнем.

— Здесь указано, что работал один человек.

— Да, — подтвердил староста.

— А здесь стоит два дополнительных дня.

— Потому что он отработал сверх обычной повинности.

— Почему не внесли это в общий расчёт?

Староста покраснел.

— Я велел передать сведения в управление.

— Кому?

Он назвал человека, который собирал записи после завершения ремонта. Служащий нахмурился.

— Его уже перевели.

Петер не выдержал:

— Значит, за это должна отвечать вдова?

— Я этого не говорил.

— Но корову вы хотели забрать у неё.

Вдова тихо произнесла:

— Если её уведут, я не смогу купить другую.

Служащий поднял голову. До этого он почти не смотрел на женщину.

— Взыскание можно обжаловать.

— Я не знаю, куда ехать, — ответила она.

— К установленному суду.

— А пока вы заберёте корову?

Служащий помедлил. Вопрос был совершенно практическим. Если взыскание исполнить немедленно, а позднее признать ошибочным, вернуть животное окажется трудно. Его могли продать, перегнать в другое хозяйство или использовать для погашения иных обязательств. Возместить стоимость деньгами было возможно, но для вдовы потеря коровы означала бы несколько месяцев без молока.

— Я не стану сегодня забирать скот, — сказал служащий наконец. — Но староста обязан представить подтверждение в управление. Если выяснится, что долг существует, взыскание останется в силе.

Петер спросил, когда можно ожидать ответа.

— После проверки.

— Когда именно?

— Не могу сказать.

На этот раз Петер удержался от дальнейшего спора. Служащие уехали. Староста остался возле ворот, долго рассматривая собственную запись. Затем обратился к Петеру:

— Ты понимаешь, что теперь придётся разбирать все дополнительные дни?

— Понимаю.

— Если выяснится, что в книге есть другие ошибки, обвинят меня.

Петер подвинул к собеседнику сельскую запись. Ошибка в ней уже стоила людям двух дней дороги и могла стоить гораздо большего.

— А если не выяснится, обвинят тех, кто работал.

Староста ничего не ответил. Вдова вышла из дома с небольшим свёртком. В нём лежали две лепёшки и кусок сыра. Она протянула их Петеру, но он отказался.

— Оставь детям.

— Ты ведь помог.

— Пока только отсрочили.

Она опустила руку. Петер вернулся домой ближе к вечеру. Жена встретила его у ворот и сразу заметила, что он чем-то встревожен. Он рассказал о случившемся.

— Хорошо, что корову оставили, — сказала она.

— Пока оставили.

— А дальше?

— Староста повезёт записи.

Она некоторое время молчала.

— Ты опять поедешь с ним?

— Если понадобится.

Жена вздохнула. Она не собиралась запрещать мужу помогать соседям, но хорошо знала, сколько времени отнимают подобные дела. Дома оставалась работа, которую никто за него не сделает.

— Завтра нужно закончить с крышей сарая, — напомнила она.

— Закончу.

— И зерно проверить.

— Проверю.

Она посмотрела на его руки, покрасневшие от мороза.

— Ты ведь понимаешь, что нельзя исправить все чужие ошибки?

Петер устало прислонился к дверному косяку.

— Эту я сам видел.

Больше они не спорили. На следующее утро Петер поднялся затемно и отправился заканчивать крышу. Он работал до полудня, не обращая внимания на холод. Потом помог старшему сыну распилить древесину и занёс в дом несколько охапок дров. Вечером пришёл староста. Он принёс записи, подготовленные для отправки в управление, и попросил Петера подтвердить свидетельство. Петер внимательно выслушал написанное. Там говорилось, что сын вдовы действительно выполнял дополнительные дорожные работы в присутствии нескольких жителей. Указывались дни, характер работ и имена свидетелей.

— Всё правильно, — сказал Петер.

— Тогда поставь знак.

Петер взял перо. Он давно научился выводить своё имя, хотя делал это медленно. Чернила ложились неровно, некоторые буквы получались слишком крупными. Закончив, он отдал перо старосте. Тот присыпал запись песком, чтобы чернила быстрее высохли.

— Теперь будет легче доказать, — сказал он.

Петер посмотрел на собственную подпись. Его слово, произнесённое перед служащими, помогло сохранить вдове корову хотя бы на время. Теперь то же самое слово, перенесённое на бумагу, должно было отправиться в управление, где люди, никогда не видевшие ни вдову, ни её детей, станут решать, достаточно ли оно убедительно. Он попросил старосту прочитать запись ещё раз.

До отправления показаний вдова взяла в долг у соседки немного муки. Прежний запас она берегла: пока висело взыскание, она не смела продать ни телёнка, ни часть молока, потому что не знала, потребуют ли вновь корову. Старший сын сердился и предлагал самому явиться к замковым служащим, но мать не позволила. Он уже однажды шагнул к человеку, который имел право взять скот, и она видела, как быстро дело могло закончиться насилием.

Петер принёс им охапку сухих дров и, возвращаясь домой, впервые рассердился не на служащего, а на себя. Он обещал быстро помочь, хотя не знал, когда рассмотрят показания. В его собственном сарае ждали ремонта стропила; он задержал работу ради чужого дела и теперь должен был просить соседа подержать балку. Жена не упрекала его. От этого чувство неловкости было сильнее: ей тоже пришлось трудиться дольше, чтобы он мог исполнить обещание перед вдовой.

В Торне Иоганн фон Байзен получил известие о происшествии в кульмской деревне вместе с другими обращениями, переданными через представителей местного рыцарства. К этому времени союзные дела занимали у него всё больше времени. Приходилось вести переписку, участвовать в собраниях, разбирать жалобы, убеждать людей не торопиться с обвинениями и одновременно добиваться, чтобы законные требования не оставались без ответа. Байзен не ожидал, что положение изменится так быстро.

Ещё год назад многие представители городов и рыцарства расходились после собраний, едва успев договориться о ближайшем обращении к великому магистру. Теперь они продолжали переписываться, назначали новые встречи, требовали отчётов и пытались выработать порядок действий, который не зависел бы от одного человека. Но вместе с этим появилось множество вопросов, на которые грамота союза не давала ясного ответа. Один из них возник во время обсуждения жалобы сельских жителей. Представитель рыцарства сообщил, что несколько дворов оспаривают дополнительные дорожные повинности. Часть требований могла быть обоснованной, однако местное управление не спешило признавать ошибки.

Торнский советник спросил:

— Кто из этих людей состоит в союзе?

— Никто. Они крестьяне.

— Тогда почему дело передано нам?

Рыцарь ответил, что землевладелец, к которому обратились жители, принадлежит к участникам союза и считает необходимым поддержать их жалобу.

— Поддержать он может, — заметил советник. — Но это не делает каждое сельское взыскание делом всех городов.

Байзен попросил изложить обстоятельства. Представитель рыцарства рассказал о споре вокруг дорожной повинности и попытке взыскать долг с вдовы, чей сын, по свидетельствам соседей, выполнил необходимые работы. Несколько присутствующих выразили недовольство действиями орденских служащих. Другие предложили сначала дождаться результатов проверки.

— Мы не можем заниматься каждым двором в Пруссии, — сказал один из данцигских представителей. — Для этого существуют местные суды.

— Но именно на местный порядок и жалуются, — возразил рыцарь.

— Тогда нужно обращаться к великому магистру.

— Великий магистр умер. Нового ещё нет.

— Орденское управление не прекратило существования.

Байзен вмешался прежде, чем спор стал слишком резким.

— Что именно требуется от нас?

Представитель рыцарства ответил:

— Чтобы дело было рассмотрено по существу и чтобы до решения не забирали имущество.

— Ты просишь нас вмешаться в суд?

— Прошу потребовать, чтобы суд сначала выслушал людей.

Торнский советник покачал головой.

— Если мы станем требовать остановки каждого взыскания, нас обвинят в присвоении власти.

— А если не станем, зачем эти люди вообще должны надеяться на помощь?

— Они не вступали в союз.

Байзен услышал в замечании не только юридический довод: собеседник попросту не хотел брать на себя хлопоты из-за чужого селения.

— И не могли вступить на тех же условиях, что города и рыцарство.

— Именно поэтому я и спрашиваю, почему нам следует заниматься их делом.

Рыцарь из Кульмской земли резко поднялся.

— Потому что за этой повинностью стоит тот же вопрос, который мы обсуждаем уже много лет! Кто вправе требовать от человека больше установленного, не объясняя основания?

— Тогда скажи это, — ответил советник. — Не превращай спор о корове в заявление о том, что союз будет защищать каждого крестьянина от всякого взыскания.

В комнате стало тихо. Байзен почувствовал, что оба собеседника по-своему правы. Если союз начнёт вмешиваться в каждое местное дело, он быстро столкнётся с обвинениями в нарушении государственной власти и не сможет исполнить собственных обещаний. Но если ограничится защитой привилегий только тех, кто способен содержать посольства и ставить печати под грамотами, его заявления о справедливом порядке будут звучать убедительно далеко не для всех.

— Давайте не решать больше, чем от нас требуется, — предложил он. — Землевладелец вправе поддержать жалобщиков в установленном суде. Пусть получит необходимые документы, выяснит, по какому праву произведено взыскание, и проследит, чтобы свидетельства были приняты. Если управление откажется рассмотреть их, тогда у нас появится определённое основание для обращения.

Рыцарь согласился, хотя по его лицу было видно, что он ожидал более решительной поддержки. Один из советников спросил:

— А если суд признает взыскание законным?

— Тогда придётся выяснить, правильно ли он применил право.

— И сколько раз мы будем выяснять?

Байзен устало провёл ладонью по лбу.

— Столько, сколько понадобится, чтобы понять дело. Но не больше, чем позволяет нам наше положение.

Собрание продолжилось. Следующее обращение касалось спора между двумя купцами. Один обвинял другого в невыполнении договора и требовал взыскания через городские власти. Второй, проиграв разбирательство, попытался искать защиты у орденского должностного лица. Его противник считал такое обращение нарушением признанного городского судебного порядка. Здесь присутствующие спорили уже не о размере взыскания, а о том, кто вправе пересматривать решение. Торнский советник настаивал, что городской суд должен сохранять установленную компетенцию. Представитель рыцарства возразил, что возможность обращаться к высшей власти нельзя отрицать полностью: именно такие обращения иногда спасали людей от несправедливости местных судей.

— Получается, — заметил один из присутствующих, — что, когда орденский служащий пересматривает решение городского суда, мы возражаем, а когда хотим пересмотреть решение его собственного суда, требуем такого права.

Несколько человек рассмеялись, но смех быстро стих. Противоречие было слишком очевидным. Байзен попросил прочитать первоначальные документы. Выяснилось, что проигравший купец не представил новых свидетельств. Он просто надеялся получить более благоприятное решение у другого должностного лица.

— Тогда он ищет не справедливого суда, — сказал Байзен. — Он ищет судью, который согласится с ним.

— Но разве такое обращение можно запретить? — спросил представитель рыцарства.

— Запретить без установленного основания нельзя. Однако можно потребовать объяснить, почему прежнее решение должно быть пересмотрено.

Торнский советник поддержал это предложение. Несколько человек возразили, что подобный порядок слишком сложен для простого жалобщика. Разговор занял остаток дня. Когда заседание закончилось, Байзен вышел на улицу вместе с представителем одного из небольших прусских городов. Тот всю встречу говорил мало, но теперь решился высказать своё недовольство.

— Мы обсуждаем право жаловаться, — сказал он, — а простой человек проигрывает ещё до суда, если не умеет записать свои слова и привести свидетеля.

— Без этого суд не сможет установить истину.

— Понимаю. Но у большого города есть писари, советники, деньги на посольства. У нас всего несколько человек, которые разбираются в старых грамотах. Если понадобится ехать в Мариенбург, придётся собирать средства всем городом.

Байзен остановился.

— Вы ведь участвовали в учреждении союза.

— Участвовали. Только тогда не говорили, сколько будет стоить каждое обращение.

— Теперь говорим.

— Да. И я начинаю понимать, почему большие города так уверенно требуют новых разбирательств.

Байзен не стал убеждать собеседника, что положение малых городов ничем не отличается от положения Данцига или Торна. Это было бы неправдой. Даже внутри союза влияние участников зависело от их средств, числа представителей и возможности содержать продолжительные переговоры.

— На следующем собрании поднимем вопрос о расходах на общие обращения, — сказал он.

— Данциг согласится платить за нас?

— Не знаю. Но если мы обещаем действовать вместе, придётся решить, за чей счёт.

Они расстались возле городских ворот. Байзен отправился на постоялый двор. Его лошадь уже накормили, дорожные сумки лежали в приготовленной комнате. Слуга сообщил, что из родового владения приехал человек с известиями о хозяйстве. Оказалось, повреждена мельничная плотина. Вода размывала берег, и управляющий просил разрешить срочные работы. Кроме того, несколько арендаторов задержали платежи, объясняя это неурожаем и расходами на восстановление хозяйств после прежних разорений.

Байзен долго расспрашивал посланника. Мельницу необходимо было чинить немедленно. Если вода прорвёт насыпь, ущерб окажется значительно больше. Но древесина и работа стоили денег, а часть должников просила отсрочки. Он распорядился начать ремонт и позволил управляющему использовать запасные средства. Одному арендатору предоставил дополнительный срок, другому велел представить сведения о состоянии хозяйства, поскольку сомневался в причинах задержки. Когда посланник ушёл, Байзен остался в комнате.

Весь день он слушал людей, требовавших ясного права и справедливого порядка. Теперь ему самому пришлось решать, кому позволить отсрочить платёж, у кого потребовать подтверждения и из каких средств оплатить ремонт плотины. Он достал хозяйственную книгу и начал считать расходы. Вечером пришло письмо от одного из братьев, находившихся при орденском управлении. Автор сообщал, что подготовка к избранию великого магистра продолжается, но споры между конвентами ещё не окончены.

Байзен прочитал письмо и убрал его в сумку. Утром ему предстояло ехать домой. Он хотел хотя бы несколько дней провести во владении, прежде чем вновь отправляться на сословное собрание. Но управляющий уже просил его лично осмотреть плотину, а из Торна обещали прислать дополнительные документы. Байзен лёг поздно. Сквозь закрытые ставни доносился шум вечернего города. Где-то скрипела повозка, люди переговаривались у соседнего дома, собака лаяла на прохожих. Он слушал эти звуки, пока усталость не взяла своё.

Утром его разбудили раньше рассвета. Пришёл городской служащий с просьбой задержаться ещё на один день: один из участников союза требовал срочной встречи. Байзен велел передать, что выслушает его после утренней службы. Сам он отправился к лошади и проверил, достаточно ли у неё корма.

В Мариенбурге начало весны принесло новые затруднения. После смерти Русдорфа обязанности управления продолжали исполнять высшие орденские сановники. Николаус Постер, данцигский комтур, которому было поручено наместничество, вместе с другими должностными лицами заботился о сохранении обычного порядка до избрания нового великого магистра. В канцелярию поступали распоряжения, направлявшиеся от имени действующего руководства, а документы, требовавшие решения главы Ордена, откладывались или передавались на рассмотрение соответствующим сановникам.

Не все понимали, какие дела можно завершать без промедления. Одни служащие опасались брать на себя ответственность. Другие, наоборот, старались успеть получить решения по вопросам, которые новый великий магистр мог рассмотреть иначе. Комтуры направляли объяснения, города — жалобы, землевладельцы — просьбы подтвердить прежние привилегии. Из германских земель приходили письма, касавшиеся полномочий немецкого магистра и будущего устройства орденского управления. Маттиас фон Розенберг впервые за годы службы обнаружил, что канцелярия способна исправно принимать документы, но не всегда может определить, кто вправе вынести окончательное решение.

Однажды утром ему принесли ответ из кульмского управления. Маттиас сразу узнал дело о дорожных повинностях. Ответ был обстоятельным. Местный служащий приводил сведения о

прежних обязанностях жителей, объяснял необходимость ремонта переправы, перечислял расходы, понесённые управлением, и утверждал, что взыскание произведено на законном основании. Но к письму прилагалась ещё одна бумага. Это было свидетельство нескольких сельских жителей о выполнении работ. Среди подписавшихся значился Петер Краузе. Там же содержалась запись старосты, подтверждавшая, что сын вдовы, с которой намеревались взыскать долг, действительно работал на дороге.

Маттиас внимательно изучил оба документа. В ответе управления говорилось, что крестьяне не представили достаточных доказательств исполнения дополнительной повинности. В приложении, поступившем вместе с письмом, такие доказательства уже имелись. Маттиас позвал писаря, принимавшего бумаги.

— Когда пришло это свидетельство?

Тот проверил регистрационную книгу.

— Вчера. Вместе с ответом.

— А когда составлен сам ответ?

Писарь назвал дату. Она оказалась на несколько дней раньше свидетельства. Маттиас задумался. Возможно, служащий, составлявший ответ, действительно ещё не видел новой бумаги. Возможно, не счёл её достаточной. Но теперь оба документа лежали в одной папке, и оставить противоречие без внимания означало бы вынести решение на основании неполных сведений.

— Найди прежнюю переписку, — распорядился Маттиас.

Писарь принёс ещё несколько листов. Маттиас разложил их в порядке поступления. Из документов постепенно складывалась картина дела, гораздо более запутанная, чем первоначальная жалоба. Жители действительно исполняли повинность. Управление действительно выделяло часть материалов. Затем возникла необходимость дополнительных работ, и местные служащие потребовали большего участия от сельских дворов. Некоторые семьи согласились отработать дополнительные дни, другие предоставили древесину, третьи утверждали, что уже выполнили свои обязательства.

Проблема заключалась не только в размере повинности. Общий перечень работ составляли несколько человек, а изменения вносились в разных местах и не всегда переносились в основную книгу. Когда пришло время проверять исполнение, оказалось, что одно и то же обязательство в разных записях обозначено по-разному. Маттиас вспомнил слова Герхарда. Старик советовал установить не только то, что должны были сделать жители, но и то, на каком основании управление требовало большего. Теперь вопрос становился ещё сложнее. Нужно было проверить, соответствовали ли окончательные взыскания действительно выполненной работе.

Маттиас подготовил заключение для одного из старших сановников, которому было поручено рассматривать подобные дела. Тот прочитал бумаги, поморщился и спросил:

Сановник спросил, почему сельская дорога дошла до Мариенбурга, если местное управление имело право разбирать повинности. Маттиас показал два листа: в первом стояло решение о взыскании, во втором — имена людей, свидетельствовавших о выполненной работе. Сановник не верил одним подписям односельчан. Их действительно мог склонить на свою сторону сосед, но перечень работ составлял сам староста, и сведения следовало проверить прежде, чем взыскивать корову.

— Пусть староста объяснит расхождение, — предложил Маттиас. — А тех, кто таскал балки, вызовем отдельно. Сановник отложил бумаги: без нового допроса решить спор было нельзя, как бы ни раздражали его лишние поездки и письма.

Сановник отложил бумаги.

— Ты предлагаешь вызвать сюда всех этих людей?

— Нет. Можно назначить проверку на месте.

— И сколько она будет стоить?

Маттиас назвал приблизительные расходы. Сановник нахмурился.

— Из-за нескольких дней работы?

— Из-за взыскания, законность которого оспаривают.

— Но если начнём проверять каждую повинность подобным образом, казна разорится раньше, чем мы изберём нового великого магистра.

Маттиас не ответил сразу. Он знал, что в словах сановника есть практический смысл. Государственное управление не могло отправлять особую комиссию по каждому спору. Но если все сомнения разрешать в пользу должностных лиц только потому, что проверка требует расходов, сама возможность жалобы теряла значение.

— Можно поручить разбирательство человеку, который уже находится в Кульмской земле, — предложил он. — Пусть выслушает жителей, сверит книги и сообщит, какие работы действительно выполнены.

— А если они снова не согласятся?

— Тогда у нас будут сведения для дальнейшего решения.

Сановник долго рассматривал Маттиаса.

— Ты служишь в канцелярии, брат?

— Да.

— И давно?

Маттиас ответил.

— Странно. Обычно за столько лет люди начинают стремиться к тому, чтобы бумаги быстрее уходили со стола.

— Если отправить их обратно без проверки, они могут вернуться ещё раз.

Сановник усмехнулся, но на этот раз без раздражения.

— Хорошо. Подготовь распоряжение. Только укажи, что проверка не означает признания жалобы обоснованной.

— Укажу.

— И никаких обещаний возмещения, пока не будет установлен размер действительного ущерба.

Маттиас поклонился. Он вышел с папкой в руках и направился в канцелярию. По дороге встретил молодого писаря, которому прежде поручал составить перечень незаконченных дел Русдорфа.

— Разрешили? — спросил тот.

— Назначили проверку.

— Значит, опять переписывать?

— Нет. Теперь придётся выяснять, что было на дороге.

Писарь вздохнул.

— Лучше бы сразу прислали все бумаги.

— Лучше бы сразу правильно записали работу.

Маттиас передал ему распоряжение. В тот же день документ подготовили к отправке. Он содержал требование сопоставить первоначальную ведомость, дополнительные свидетельства и установленный порядок повинностей. До завершения проверки спорное взыскание не следовало исполнять. Маттиас внимательно прочитал последний пункт. Он не означал оправдания жалобщиков. Не освобождал их от законных обязательств. Но пока обстоятельства оставались невыясненными, люди могли сохранить имущество, которое у них собирались взыскать.

На обороте он поставил регистрационную отметку.

В конце марта на дороге между двумя кульмскими селениями разлился небольшой приток Вислы. После тёплых дней вода быстро поднялась, размывая берег возле старой переправы. Лёд, ещё державшийся на затенённых участках, ломался и уходил вниз по течению. У моста

скопились ветки и принесённый паводком мусор. Вода давила на деревянные опоры, между досками уже проступала грязная пена. Петер Краузе узнал об опасности рано утром. Староста прислал мальчика с просьбой собрать людей. Если не убрать завал, вода могла повредить переправу, которую жители с таким трудом ремонтировали прошлым летом.

Петер взял топор, верёвку и отправился к мосту. На берегу уже работали несколько человек. Одни пытались баграми оттолкнуть ветви от опор, другие расчищали проход для воды. Мокрые доски скользили под ногами, а поток оказался сильнее, чем ожидали. Староста стоял возле насыпи и распоряжался работой. Увидев Петера, он показал на скопившиеся возле центральной опоры брёвна.

— Нужно убрать, иначе мост не выдержит.

— Сколько человек на той стороне?

— Двое.

— Пусть не подходят к краю.

Петер спустился к воде. Вместе с соседями он попытался зацепить одно из брёвен крюком, но течение резко повернуло его и ударило о настил. От толчка один из работников потерял равновесие и едва не упал в воду. Петер ухватил его за плечо.

— Осторожнее!

Мужчина выругался и отступил. Пришлось привязать верёвку к дереву и работать с берега. Люди долго пытались сдвинуть завал, пока наконец не удалось освободить несколько тяжёлых ветвей. Вода понесла их вниз по течению. Давление на опору уменьшилось. Но одна из досок настила уже треснула. Староста осмотрел повреждение и велел временно запретить проезд тяжёлых повозок. Петер помог положить поперёк дороги бревно, чтобы возчики не пытались проехать по привычке.

— Опять ремонт, — сказал сосед.

Петер вытер мокрые руки о куртку.

— Если сейчас не закрепим настил, летом будем строить новый.

— И опять за свой счёт?

Петер посмотрел на мост. Всё произошедшее за последние месяцы вдруг показалось ему ещё более нелепым. Люди спорили о прошлом ремонте, собирали свидетельства, добивались ответа из управления. А вода тем временем снова разрушала переправу, и ждать окончания судебного дела было невозможно.

— Сначала сделаем, чтобы никто не утонул, — сказал он. — Потом будем разбираться.

Работали до вечера. Для временного укрепления использовали древесину, оставшуюся после прошлогоднего ремонта. Её оказалось немного, но хватило, чтобы заменить повреждённую доску и укрепить часть настила. К тяжёлым повозкам мост пока не был готов, однако пешие люди и лёгкие телеги могли проходить осторожно. Когда работы завершились, староста велел записать имена участников и число отработанных часов. Петер остановил его.

— Не так, как в прошлый раз.

Староста поднял голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Запиши при нас. И каждому прочитай.

Несколько соседей поддержали Петера. Староста раздражённо ответил, что никогда не собирался обманывать жителей. Но Петер объяснил, что дело не в намерениях. Если записи снова разойдутся, через год никто не сможет доказать, кто работал и сколько. Староста некоторое время колебался, затем согласился. Они собрались в ближайшем доме. Люди снимали мокрую одежду, грелись у огня, пили горячую воду с добавлением сушёных трав. Староста сидел за столом и поочерёдно записывал имена.

На этот раз он не ограничился общей суммой повинностей. Указал, кто выполнял работу, кто предоставил инструмент, кому принадлежала древесина и какие повреждения обнаружили

у моста. После каждой записи читал написанное вслух. Один из работников возразил, что его время указано неправильно. Староста проверил и исправил число. Другой напомнил о верёвке, которую принёс из дома. Её тоже внесли в перечень. Когда очередь дошла до сына вдовы, Петер попросил особенно внимательно записать его работу.

Юноша весь день помогал у воды, а потом переносил доски. Староста назвал его имя и перечислил выполненное.

— Правильно? — спросил он.

Юноша внимательно проверил неровный знак, который только что вывел. Для него это ещё не было привычным движением руки.

— Тогда ставь знак.

Юноша взял перо, но растерялся.

— Я не умею.

Староста предложил поставить крестик возле имени, подтвердив запись при свидетелях. Юноша осторожно вывел знак. Петер заметил, как тот покраснел. После окончания записей люди начали расходиться. Во дворе уже темнело, на мокрой земле поблёскивали последние полосы света. Петер задержался у двери.

— Теперь бумаги не потеряются? — спросил он.

Староста прижал к столу край копии. Он слишком хорошо помнил, сколько времени потеряли из-за прежней пропажи бумаг.

— Если потеряются, у нас останется копия.

— Кто её будет хранить?

— Я.

Петер покачал головой.

— Лучше две. Одну тебе, другую кому-нибудь из хозяев.

Староста открыл рот, собираясь возразить, но затем махнул рукой.

— Хорошо. Завтра перепишем.

Петер вышел во двор. У моста ещё шумела вода. В темноте она казалась почти чёрной, лишь возле опор белели небольшие полосы пены. Переправа выдержала паводок, но впереди оставалось много работы. Петер направился домой. На повороте его догнал сын вдовы.

— Господин Краузе!

Петер остановился.

— Что тебе?

Юноша некоторое время шёл рядом, не решаясь начать разговор.

— Вы ведь сами умеете писать имя?

— Умею.

— Давно научились?

Петер невольно вспомнил, как отец требовал от него выводить имя заново, пока каждая буква не становилась узнаваемой.

— Отец заставил. Говорил, что человек должен хотя бы своё имя написать, если приходится подтверждать договор.

— А трудно?

— Сначала трудно.

Юноша вертел в пальцах кусочек угля. Просить об учёбе оказалось труднее, чем работать на дороге.

— Научите?

Петер посмотрел на него. После целого дня тяжёлой работы просьба прозвучала неожиданно.

— Приходи вечером, когда закончим с полем. Покажу.

— А бумага нужна?

— Сначала и доски хватит. Будешь выводить углём.

Молодой человек благодарно улыбнулся и побежал к дому. Петер продолжил путь. Руки болели, одежда была сырой, сапоги набились грязью. Он думал о завтрашней работе и о том, что придётся снова осматривать мост, когда вода начнёт спадать. О просьбе юноши вспомнил лишь за ужином. Жена выслушала рассказ и принесла старую деревянную дощечку, на которой дети когда-то учились выводить буквы.

— Вот. Пусть на ней занимается.

Петер взял дощечку. На поверхности ещё оставались неглубокие царапины от прежних упражнений. Он положил её возле очага.

В начале апреля в Торне состоялась новая встреча представителей прусских сословий. Среди присутствующих были люди, которые участвовали в учреждении союза, и те, кто присоединился к его деятельности позднее. Некоторые впервые приехали на подобное собрание. Они ещё не знали всех обстоятельств прежних споров и ожидали, что совместные действия городов и рыцарства позволят быстро добиться заметных результатов. Но работа союза продвигалась медленнее, чем рассчитывали многие.

Из Мариенбурга поступали ответы на отдельные жалобы. Часть дел возвращали для проверки, по другим подтверждали прежние решения. В отдельных случаях служащим предписывали устранить нарушения. Однако вопрос о постоянном признании права союза на самостоятельные совместные действия оставался спорным. Особое недовольство вызывала необходимость снова обращаться к орденскому руководству за подтверждением тех прав, которые участники считали давно установленными. Иоганн фон Байзен прибыл к началу собрания.

Он выглядел уставшим после поездок и хозяйственных хлопот, но внимательно выслушивал доклады. Один из городских представителей сообщил, что подготовка к избранию нового великого магистра близится к завершению. Другой предложил отложить наиболее сложные обращения до того времени, когда новый глава Ордена приступит к обязанностям. Предложение вызвало спор.

— Если станем ждать, все дела снова остановятся, — заявил рыцарь из Кульмской земли.

— А если будем требовать решений сейчас, нам ответят, что некому их принимать, — возразил торнский советник.

— Следовательно, нужно добиться, чтобы новый великий магистр сразу рассмотрел наши обращения.

— Сначала его ещё должны избрать.

Байзен попросил не спорить о порядке, который зависит от орденских сановников.

— Мы не участвуем в избрании великого магистра, — напомнил он. — Но можем подготовить дела так, чтобы после избрания не начинать всё заново.

Кто-то предложил составить общее обращение от имени союза, перечислив наиболее важные требования. Другие считали, что лучше передать отдельные жалобы, не связывая нового правителя заранее общим политическим спором. Маттиас из Данцига поддержал второй подход, но с оговоркой.

— Если мы принесём только отдельные дела, — сказал он, — их и станут рассматривать поодиночке. А причина многих споров останется прежней.

— Тогда что предлагаешь?

— Разделить обращения. Там, где можно установить конкретное нарушение, требовать решения. А там, где сам порядок приводит к новым жалобам, просить изменить порядок.

Байзен попросил привести пример. Маттиас вспомнил задержанный товар Лемке, но не захотел снова возвращаться к давно обсуждённому делу.

— Если купец неправильно оформил груз, пусть отвечает за ошибку. Но если ради проверки нескольких бочек задерживают всю партию, нужно установить, на каком основании это допускается. Иначе после одного разрешённого спора появится другой.

Один из рыцарей возразил:

— Купеческие дела не похожи на наши. У нас спорят о земле, повинностях и судебных привилегиях.

— Но порядок может быть одинаково несправедливым, — ответил Маттиас.

— И одинаково законным, — заметил другой участник. — Не всякое взыскание становится неправильным только потому, что человеку трудно его исполнить.

Байзен поддержал последнее замечание.

— Нам следует быть осторожными. Если станем требовать отмены всякого неприятного решения, перестанут доверять и тем случаям, когда нарушение действительно произошло.

Разговор продолжался. Сословные представители расходились во мнениях, каким должен быть общий судебный порядок. Городские советники хотели защитить компетенцию городских судов. Рыцарство требовало гарантий против произвольных действий комтуров. Некоторые участники настаивали на возможности обращаться непосредственно к великому магистру. Другие указывали, что подобное право уже существует, но часто оказывается бесполезным из-за длительности разбирательств. В какой-то момент один из представителей малого города заявил:

— Мы говорим об общем праве, но на деле каждый защищает собственный суд. Если город проигрывает спор, он требует вмешательства великого магистра. Если выигрывает, объявляет такое вмешательство незаконным.

Несколько человек возмутились. Торнский советник ответил, что речь идёт не о выгоде, а о соблюдении установленных полномочий.

— Тогда эти полномочия нужно определить так, чтобы человек заранее знал, куда обращаться, — сказал представитель малого города. — И чтобы проигравший не мог бесконечно искать нового судью.

Маттиас согласился. Байзен попросил записать предложение. К вечеру участники приняли решение подготовить несколько обращений, касавшихся судебного порядка и исполнения признанных привилегий. Отдельно договорились собирать сведения о случаях, когда жалобы оставались без рассмотрения или возвращались тем же должностным лицам, чьи действия оспаривались. Это не было большим политическим достижением. Никто не получил новых прав, ни один спор не разрешился окончательно. Но после долгих разногласий удалось хотя бы определить, какие вопросы следует поставить перед новым великим магистром.

Когда собрание закончилось, Маттиас вышел вместе с Байзеном. Улицы Торна были сырыми после дождя. Из лавок доносился запах свежего хлеба, возле мясных рядов торговцы собирали оставшийся товар. Несколько мальчишек бегали вдоль стены, бросая друг в друга грязными комьями земли, пока взрослый прохожий не прикрикнул на них. Байзен спросил, как идут дела торгового дома.

— Не хуже прежнего, — ответил Маттиас. — Хотя расходы растут.

— Хеннинг сумел бы удержать их?

Маттиас вспомнил привычную ворчливую интонацию Хеннинга; улыбка появилась сама собой.

— Он бы сначала сказал, что я слишком много плачу людям.

— А потом?

— Проверил бы книги и сам нашёл, кому следует прибавить.

Байзен рассмеялся. Они некоторое время шли молча. Затем рыцарь спросил:

— Ты ведь поддержал союз ещё при жизни Хеннинга?

— Да.

— Он одобрял?

Маттиасу потребовалось отделить то, что Хеннинг говорил при людях, от опасений, которыми делился только с ним.

— Считал, что без совместных действий города ничего не добьются. Но боялся, что люди начнут использовать союз для оправдания любого собственного требования.

— И был прав.

— Отчасти.

— Почему отчасти?

— Потому что теперь я вижу и другое. Некоторые люди никогда не добились бы даже рассмотрения своего дела, если бы за них не вступился кто-нибудь сильнее.

Байзен остановился возле поворота к площади.

— А разве так не было всегда?

— Было. Только теперь мы пытаемся установить порядок, при котором всё не должно зависеть от одного влиятельного человека.

Рыцарь некоторое время смотрел на него.

— Это труднее, чем кажется.

— Я уже заметил.

Они попрощались. Маттиас отправился к постоялому двору, где его ожидали спутники. Байзен задержался возле городской стены. На площади продолжали торговать, люди возвращались по домам, в окнах появлялся свет. Он наблюдал за обычной жизнью города и думал о том, сколько разных интересов собрались под одной союзной грамотой. Он не разделял уверенности некоторых участников, будто само объединение городов и рыцарства уже гарантирует справедливость. Но видел и другое: люди, прежде обращавшиеся к власти поодиночке, теперь получали возможность сравнивать свои обстоятельства, обнаруживать общие причины недовольства и требовать объяснений.

Для многих это было непривычно. Для орденского руководства — ещё более непривычно. Байзен направился к воротам. Его ждала дорога домой, где по-прежнему требовали ремонта мельничная плотина, хозяйственные постройки и несколько участков дороги, ведущей к владению. Вечером он получил известие, что вода возле мельницы снова поднялась. Пришлось выехать раньше, чем он собирался.

Когда Байзен прибыл к мельнице, вода уже переливалась через нижний край укреплённой насыпи. Поток не был настолько сильным, чтобы немедленно разрушить плотину, но управляющий опасался дальнейшего подъёма. Два дня шли дожди, ручьи переполнились, а земля ещё не успела впитать талую воду. Возле мельницы собрались работники с лопатами и топорами. Мельник вместе с двумя помощниками пытался освободить водосброс от принесённых течением ветвей. Байзен спешился и сразу направился к плотине.

— Что успели сделать?

Управляющий показал укреплённую часть насыпи.

— Подсыпали землю, поставили новые колья. Но вода продолжает прибывать.

— Почему не открыли дополнительный проход?

— Тогда затопит нижний луг.

— Чей?

— Наш. И часть земли арендатора за дорогой.

Байзен посмотрел вниз по течению. Между деревьями виднелась низина, в которой ещё лежали остатки прошлогодней травы. Весной там обычно пасли скот, а ближе к лету заготавливали сено. Если направить туда воду, почва надолго останется сырой и часть покоса может погибнуть.

— Если не откроем, что случится с мельницей?

Мельник ответил:

— Может прорвать всю насыпь. Тогда вода пойдёт прямо под колёса и смоет нижнюю стену.

Управляющий предложил подождать до утра. Возможно, дождь прекратится и уровень начнёт падать. Байзен спустился ближе к воде. Грунт под ногами был мягким. На краю насыпи уже образовалась длинная трещина. Из неё медленно сочилась вода. Один из работников попытался забить туда комья глины, но поток немедленно вымывал их.

— До утра не выдержит, — сказал Байзен.

Мельник прислушался к глухому шуму воды за стеной. Больше ждать было опасно, и он это понимал.

— Я тоже так думаю.

Управляющий возразил:

— Если открыть проход, арендатор потребует возмещения.

— Потребует.

— А если мы не согласимся?

Байзен повернулся к нему.

— Он имеет право требовать, когда мы намеренно направляем воду на его землю.

— Но мы спасаем мельницу.

— Его луг от этого не станет суше.

Управляющий не ответил. Байзен велел позвать арендатора, владевшего участком ниже плотины. Тот пришёл спустя некоторое время, когда рабочие уже начали готовить инструменты для вскрытия дополнительного водосброса. Это был человек средних лет, в грубом шерстяном плаще, с тяжёлыми сапогами, испачканными до колен. Он выслушал объяснение и сразу спросил:

— Сколько земли зальёт?

— Пока не знаем, — ответил Байзен.

— Тогда как я могу согласиться?

— Если не выпустить воду, она может прорвать плотину. Тогда пострадает и твоя земля, и мельница.

Арендатор следил за напором воды у шлюза. После открытия прохода она пойдёт прежде всего на его покос.

— Возможно. Но если откроете проход, мой покос затопит наверняка.

Байзен не стал отрицать очевидное.

— Мы составим запись о твоих потерях. Когда вода спадёт, осмотрим землю и определим, что повреждено. В этом году зачтём часть ущерба при расчёте аренды.

Управляющий встрепенулся.

— Господин, мы ещё не знаем размера убытка!

— Поэтому и будем определять после осмотра.

Арендатор нахмурился.

— А если потом скажут, что вода пришла сама?

Байзен почувствовал, как привычная жалоба обретает под собой настоящую причину: человек боялся остаться один на один с последствиями решения господ.

— Я сказал тебе, почему открываю проход. Управляющий и мельник это слышали. Запишем сейчас.

— Вы сами подтвердите?

— Подтвержу.

Человек некоторое время размышлял. Затем кивнул.

— Тогда открывайте.

Работа началась немедленно. Люди стали разбирать укрепление возле дополнительного водосброса. Сначала сняли несколько досок, затем вытащили удерживавшие их колья. Вода хлынула через узкий проход, ударила в нижний откос и начала быстро размывать рыхлую землю. Пришлось отступить. Один из работников поскользнулся и упал на колено. Двое

помогли ему подняться. Другой, пытаясь удержать тяжёлую балку, едва не выронил её в поток. Байзен сам подхватил конец верёвки, которой удерживали конструкцию, и вместе с людьми помог оттащить её в сторону.

Через некоторое время вода нашла новый путь. Она разливалась по низине, сначала узкой полосой, затем всё шире. Между деревьями быстро появились тёмные участки, отражавшие небо. На лугу вода окружила прошлогодние копны и подошла к небольшой изгороди. Арендатор наблюдал за происходящим с каменным лицом. Он не спорил и не пытался остановить работу. Но Байзен видел, как тот следит за каждым новым участком земли, исчезающим под водой. Когда основной напор на плотину уменьшился, мельник облегчённо вздохнул.

— Теперь удержим.

Байзен остался до тех пор, пока люди не укрепили края нового прохода и не убедились, что течение не разрушает соседнюю часть насыпи. К вечеру вода продолжала идти через низину, но плотина выдержала. Управляющий доложил, что для окончательного ремонта потребуется дополнительная древесина. Байзен велел подготовить расчёт и составить отдельную запись о затопленном луге. Арендатор подошёл к нему, когда остальные уже собирали инструмент.

— Вы действительно зачтёте ущерб?

— Мы его сначала установим.

— А если он окажется большим?

— Тогда будем решать, как возмещать.

Человек не выглядел удовлетворённым.

— Я не могу ждать до осени. Скот нужно кормить.

Байзен задумался. Он мог пообещать полное возмещение, но пока не знал, сколько земли будет потеряно. Мог сослаться на необходимость спасения мельницы и отказать, однако тогда арендатор справедливо счёл бы, что расходы большого хозяйства переложили на него.

— Завтра управляющий осмотрит с тобой участок, — сказал Байзен. — Если понадобится дополнительный корм, возьмём из наших запасов. Потом внесём его стоимость в общий расчёт.

Арендатор поклонился.

— Благодарю, господин.

Байзен вернулся к лошади. Управляющий догнал его возле дороги.

— Вы слишком много уступили.

— Мельница стоит дороже луга.

— Тогда зачем возмещать ущерб?

Байзен остановился.

— Потому что луг принадлежит не мне одному в том смысле, что я могу распоряжаться его урожаем без последствий для человека, который его обрабатывает.

— Но земля ваша.

— Арендатор кормит с неё семью и платит нам установленный взнос.

Управляющий хотел продолжить спор, но Байзен уже сел в седло.

— Подготовь запись, — сказал он. — Завтра проверю.

В дороге рыцарь чувствовал, как мокрая одежда тяжелеет на плечах. Сапоги набились грязью, руки болели после работы с верёвкой. Он устал сильнее, чем после продолжительного сословного собрания. Дома его ожидали письма. Среди них находилось очередное сообщение о подготовке избрания великого магистра. Байзен прочитал его, но отвечать сразу не стал. Прежде следовало сменить одежду, поесть и узнать, не появились ли новые повреждения у мельницы. Вечером управляющий сообщил, что вода больше не поднимается. Байзен велел утром проверить плотину ещё раз.

На следующий вечер управляющий принёс расчёт. Вода повредила луг арендатора сильнее, чем Байзен предполагал. Сено нельзя было убрать, часть травы уже лежала в грязи. По прежнему распоряжению хозяин мог потребовать полный установленный платёж, несмотря на потерю урожая. Иоганн перечитал условие и велел уменьшить арендный взнос на величину доказанного убытка. Управляющий напомнил, что этой осенью сам рыцарь рассчитывал купить новых лошадей.

— Купим одну, — ответил Иоганн. Управляющий сделал отметку. Спустя неделю арендатор поблагодарил не самого Байзена, а мельника, передавшего известие о решении. Для рыцаря это оказалось неожиданно болезненным: всё собрание в Торне он говорил о порядке, который не зависит от личной милости, а теперь человек мог сохранить хозяйство только потому, что владелец решил уступить часть причитавшегося дохода. Иоганн распорядился внести правило о возмещении подобного ущерба в арендные записи, чтобы следующий хозяин не мог отменить его молча.

В Мариенбурге тем временем завершалась подготовка к избранию нового великого магистра. Среди высших должностных лиц Ордена не было полного согласия относительно того, каким должно стать будущее управление. Споры, обострившиеся при Русдорфе, оставались болезненными. Важную роль продолжали играть отношения между прусскими конвентами и немецким магистром, вопросы назначения должностных лиц и толкования орденских установлений. Конрад фон Эрлихсхаузен, занимавший должность орденского маршала, принадлежал к числу наиболее влиятельных сановников. Он хорошо знал состояние прусских владений и понимал, насколько опасно продолжение внутреннего противостояния. Однако в кругу братьев существовали разные представления о том, каким способом следует восстанавливать порядок.

Маттиас фон Розенберг не участвовал в обсуждении кандидатур. Его работа заключалась в другом. Необходимо было подготовить документы, которые предстояло передать новому руководству, привести в порядок перечни текущих дел и установить, какие решения уже приняты действующими сановниками. В один из дней ему принесли окончательные материалы проверки по делу о дорожных повинностях в Кульмской земле. Маттиас отложил другие бумаги и начал читать. Проверка подтвердила, что в первоначальной ведомости действительно не были учтены дополнительные дни, отработанные сыном вдовы. Свидетельства жителей совпадали с записями старосты. Ошибка возникла при переносе сведений в общий перечень повинностей.

Служащий, проводивший проверку, предлагал исключить спорное взыскание и исправить запись. Но вопрос об оплате древесины, использованной при ремонте дороги, остался неразрешённым. Для него требовалось отдельно установить, какие материалы обязано было предоставить орденское хозяйство и какие расходы жители приняли на себя добровольно. Маттиас перечитал заключение. Получалось, что одно дело теперь можно закончить, другое придётся продолжать. Он направился к сановнику, которому прежде передавал жалобу.

Тот выслушал доклад, проверил необходимые записи и согласился отменить взыскание с вдовы.

— А остальное? — спросил он.

— Предлагаю рассматривать отдельно.

— Почему?

— Потому что речь идёт о разных обязательствах. Исполнение одного уже доказано. По другому ещё нужно установить размер расходов.

Сановник посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Ты готовишь эти бумаги с января?

— Да.

— И за три месяца разрешили только одно взыскание?

— Остальные обстоятельства требуют проверки.

— Ты понимаешь, сколько времени тратится?

— Понимаю.

— И считаешь это правильным?

Маттиас помедлил.

— Я считаю правильным не требовать долг с человека, который его не имеет.

Сановник ещё раз посмотрел в заключение.

— Хорошо. Подготовь распоряжение.

Маттиас поклонился. Вернувшись в канцелярию, он велел составить два документа. В первом подтверждалось, что взыскание с вдовы не подлежит исполнению, поскольку установленная повинность была выполнена. Во втором предписывалось продолжить рассмотрение вопроса о предоставлении древесины и распределении расходов на ремонт дороги. Молодой писарь принялся переписывать первый документ.

— Значит, они добились своего? — спросил он.

— По одному вопросу.

— А по другому?

— Будем разбираться.

Писарь вздохнул.

— Сколько же можно?

Маттиас отложил перо.

— Представь, что у тебя отнимают корову за уже отработанные дни. Разве ты не захотел бы, чтобы мы разобрались?

— Конечно.

— Тогда переписывай внимательно.

Писарь покраснел и вернулся к работе. Позднее Маттиас отнёс копию решения Герхарду. Старый служащий в тот день чувствовал себя немного лучше. Он сидел возле окна и наблюдал за людьми, проходившими по двору. Когда Маттиас прочитал документ, Герхард попросил повторить заключительную часть.

— Значит, взыскание отменили?

— Да.

— А древесина?

— Ещё рассматриваем.

Старик кивнул.

— Правильно.

Маттиас сел рядом.

— Вы ведь говорили, что люди должны иметь возможность доказать свою правоту.

— Говорил.

— Но если бы не дополнительные свидетельства, мы могли бы подтвердить взыскание.

Герхард повернул к нему голову.

— А теперь представь, сколько людей не сумели найти такие свидетельства.

Маттиас ничего не ответил. Старик медленно потянулся к столу и взял свою старую чернильницу. Она была невелика, с потемневшей крышкой и следами засохших чернил у горлышка.

— Возьми, — сказал он.

Маттиас удивился.

— Зачем?

— Мне больше не нужна.

— Она ещё пригодится вам.

Герхард покачал головой.

— Ты сам видишь, как я держу перо.

Маттиас принял чернильницу. Это был самый обыкновенный предмет, каким пользовались многие служащие. На крышке имелась небольшая вмятина, оставшаяся после давнего падения. У основания металл истёрся от постоянного прикосновения к деревянному столу.

— Я оставлю её здесь, — сказал Маттиас. — Если захотите написать, принесу.

Герхард не стал возражать. Он снова повернулся к окну. Во дворе проходили братья в белых плащах. Несколько человек направлялись к помещениям, где готовились совещания, связанные с предстоящими выборами. Из конюшни выводили осёдланных лошадей. У ворот ожидали новые посланники.

— Кто теперь станет великим магистром? — спросил Герхард.

— Пока не знаю.

— Конрад?

— Его называют среди возможных избранников.

Старик задумался.

— Знаю его. Служил при Русдорфе. Человек деятельный.

— Говорят, умеет договариваться.

— Это хорошо.

Герхард помолчал.

— Только договариваться придётся не с бумагами.

Маттиас убрал чернильницу в сумку.

— Мне пора.

— Иди.

Он поднялся, поправил покрывало на коленях старика и направился к двери.

— Маттиас, — окликнул Герхард.

Он обернулся.

— Что?

— Когда придёт новый великий магистр, покажи ему не только перечень незаконченных дел.

— А что ещё?

— Те, которые удалось закончить.

Маттиас кивнул. Герхард снова устроился возле окна. Солнце освещало его руки, лежавшие на покрывале. Он казался очень старым и утомлённым, но в тот день впервые за долгое время не попросил закрыть ставни от яркого света.

В Кульмской земле известие об отмене взыскания пришло в начале апреля. Староста получил письмо из управления и вечером собрал нескольких жителей, участвовавших в разбирательстве. Среди них были Петер Краузе, вдова и её старший сын. Письмо прочитали дважды. В нём подтверждалось, что дополнительные дни дорожной работы были исполнены и что прежняя запись о долге подлежит исправлению. Взыскание с вдовы отменялось. Женщина слушала, не перебивая. Когда староста закончил, она спросила:

— Значит, корову больше не заберут?

— За эту повинность — нет.

— А другого долга нет?

Староста проверил записи.

— Нет.

Она медленно опустилась на скамью. Старший сын стоял рядом. Он не улыбался. Возможно, до конца не верил, что дело действительно завершилось. За последние месяцы ему несколько раз говорили, что всё скоро разрешится, но каждый раз требовалась новая бумага или ещё одно свидетельство.

— Нужно что-нибудь заплатить за решение? — спросил он.

Староста покачал головой.

— Нет. Взыскание отменено.

Петер стоял у двери и слушал. Он был рад, что вдова сохранила корову. Но его собственное дело оставалось незаконченным. Расходы жителей на древесину ещё только предстояло проверить. Между тем весенний паводок снова повредил мост, и люди уже потратили новые дни на его укрепление. Когда собрание закончилось, староста попросил Петера задержаться.

— По остальному делу ответа пока нет.

— Знаю.

— Придётся ждать.

— А новый ремонт?

— Записи отправим отдельно.

Петер посмотрел на сельскую книгу, лежавшую на столе.

— Ты сделал копию?

Староста кивнул.

— Сделал. Как обещал.

— Хорошо.

Они вышли вместе. Вечер был тёплым. Земля ещё оставалась влажной, но на солнечных участках уже появилась молодая трава. Из соседних дворов доносились звуки работы: стучали топоры, скрипели телеги, кто-то звал корову с пастбища. Возле своего дома вдова остановилась и поблагодарила Петера. Он смутился.

— Не меня благодари. Староста тоже помог. И другие свидетели.

— Я их поблагодарю.

Она вошла во двор. Старший сын задержался у ворот.

— Можно сегодня прийти? — спросил он у Петера.

— Зачем?

— Вы обещали показать, как имя писать.

Петер вспомнил дощечку, оставленную возле очага.

— Приходи после ужина.

Молодой человек обрадовался и побежал вслед за матерью. Петер вернулся домой. Жена уже приготовила еду. Дети сидели за столом, младший сын рассказывал о сломанной деревянной игрушке, которую никак не мог починить. Петер вымыл руки, снял тяжёлую верхнюю одежду и сел.

— Что решили? — спросила жена.

— С вдовы взыскание сняли.

— Хорошо.

— Наше дело ещё не закончено.

Она кивнула.

— Я так и думала.

Петер усмехнулся.

— Почему?

— Если бы всё закончилось, ты вернулся бы раньше.

Они поужинали. Позднее пришёл сын вдовы. Он принёс небольшой кусок угля, аккуратно завёрнутый в тряпицу, чтобы не испачкать одежду. Петер достал деревянную дощечку. Сначала показал, как выводить первую букву имени. Молодой человек попробовал повторить, но линия получилась кривой. Он стёр её ладонью и начал снова. Петер велел не спешить. Юноша долго работал над первыми буквами, то и дело поворачивая дощечку ближе к огню. Несколько раз уголь ломался. Приходилось заострять его заново. К концу вечера удалось вывести имя целиком, хотя буквы получились неровными и слишком крупными.

— Вот, — сказал Петер. — Теперь попробуй без подсказки.

Молодой человек стёр написанное и начал сначала. На этот раз он ошибся в середине имени, остановился и посмотрел на Петера.

— Ничего, — сказал тот. — Исправь.

Юноша осторожно вывел недостающую букву. Потом ещё раз повторил всё имя. Он смотрел на дощечку с таким вниманием, словно перед ним лежал незнакомый инструмент, пользоваться которым он только начинал учиться. Жена Петера принесла гостю кружку тёплой воды и небольшой кусок хлеба.

— На сегодня хватит, — сказала она. — Завтра опять придёшь.

Юноша кивнул. Он уже собирался уходить, когда спросил:

— А если нужно будет подписать другую бумагу, я смогу?

— Сможешь, — ответил Петер. — Только ещё потренируйся.

Когда гость ушёл, Петер поставил дощечку возле стены. На ней оставалось неровно написанное имя. Жена начала убирать со стола. Дети уже спали. В очаге догорали поленья, из-за стены доносилось спокойное дыхание скота. Петер взял дощечку и ещё раз посмотрел на буквы. Затем положил её рядом с собственной сумкой, где хранились бумаги о дорожных повинностях. Утром предстояло рано вставать. Надо было подготовить плуг, проверить упряжь и отправиться в поле. Вода возле переправы постепенно спадала, и теперь можно было надеяться, что дорога останется проезжей хотя бы до лета.

Петер затушил лучину и лёг. В соседней комнате жена ещё некоторое время занималась домашними делами. Потом закрылась дверь, и дом погрузился в темноту.

Через несколько дней вдова сама пришла к Петеру с копией отменённого взыскания. Он уже собирался спросить, нужно ли помочь с новым письмом, но женщина остановила его: теперь она хотела разобраться, кому в деревне можно поручить проверять общие ведомости прежде отправления в замок. Староста согласился показывать записи двум избранным соседям, хотя сперва воспринял это как недоверие к собственной службе. Первый вечер они провели у него дома за тяжёлой книгой повинностей. Нашлось ещё несколько неверных дат, но ни одной чужой коровы в этот раз не тронули.

Петер видел, как старший сын вдовы старательно выговаривает записанные слова, и подумал о своём Мартине. Грамота могла защитить хозяйство не потому, что письменное слово сильнее человека, а потому, что человек научился спрашивать, кто и когда это слово написал. Вдова принесла хлеб и поставила его возле книги. Она больше не просила, чтобы за неё говорили другие; ей требовалось самой понимать запись, от которой зависела жизнь двора.

На следующий день сын вдовы снова пришёл учиться писать.

Глава 19. Конрад фон Эрлихсхаузен

Мариенбург — Кёнигсберг — Кульм — Торн — Данциг.

Апрель *1441 — январь 1443 года.*

Двенадцатого апреля 1441 года Конрад фон Эрлихсхаузен проснулся задолго до утреннего колокола.

Ночь он провёл в комнате, предоставленной ему по прибытии в Мариенбург. За узким окном лежала темнота, из нижнего двора доносился стук копыт: конюхи готовили лошадей для посланников, которым после завершения выборов предстояло разнести известия по орденским владениям. В коридоре негромко разговаривали двое братьев. Их голоса доносились сквозь дверь, но слов разобрать было невозможно. Конрад лежал неподвижно, прислушиваясь к замку.

Он прожил в Ордене большую часть жизни и давно привык к звукам больших крепостей. В Кёнигсберге, где он занимал должность верховного маршала, утро начиналось почти так же: шаги караульных, скрип ворот, голоса служителей, приходивших растапливать очаги. Различались только размеры помещений, расположение дворов и привычки людей, которым поруча-

лось следить за порядком. Но сегодня ему предстояло решить, готов ли он принять должность, от которой прежний великий магистр отказался всего за неделю до смерти.

Слуга принёс воду. Конрад поднялся, вымыл лицо и руки, оделся без помощи и вышел в коридор. Он не любил, когда возле него суетились без необходимости. Ещё в бытность комтуром привык сам проверять дорожные вещи, состояние оружия и конской упряжи, хотя по должности мог поручать подобные заботы другим. Эта привычка сохранилась и после того, как он вошёл в число высших сановников Ордена.

Конраду было около пятидесяти лет. Он не отличался ни особенной величавостью, ни стремлением производить впечатление. Лицо его казалось суровым скорее из-за привычки внимательно слушать, чем из-за природной жёсткости. Разговаривая, он редко повышал голос, не любил длинных объяснений и имел обыкновение задавать неожиданно простой вопрос тогда, когда собеседник уже считал своё доказательство завершённым.

За годы службы он успел побывать в разных частях Пруссии. Служил при Михаэле Кюхмайстере, занимал комтурские должности, входил в ближайшее окружение Русдорфа, а затем на время оказался в стороне от высшего руководства. Ему были хорошо знакомы Кульм и Торн, где сословное недовольство давно перестало ограничиваться жалобами отдельных землевладельцев. Он видел, как ведут переговоры городские советники, знал цену обещаниям комтуров и не питал иллюзий относительно того, что должность великого магистра позволит одним приказом устранить накопившиеся разногласия. Перед началом выборов ему удалось поговорить с несколькими братьями.

Один из них, занимавший высокое положение в орденском управлении, заявил, что теперь прежде всего необходимо восстановить дисциплину.

— Дисциплину кого? — спросил Конрад.

Собеседник удивился.

— Всего братства.

— Тогда придётся начать с тех, кто требует её от других.

Брат не понял, следует ли считать это упрёком. Конрад пояснил, что не намерен искать виновных среди одних только противников Русдорфа. За последние годы ошибки совершали обе стороны. Великий магистр слишком долго сопротивлялся некоторым требованиям конвентов, но и его противники использовали ссылки на устав там, где речь шла о должностях и влиянии.

— Если мы после выборов начнём награждать одних и наказывать других, — сказал Конрад, — спор продолжится. Только названия сторон изменятся.

— Но нельзя же оставить всё как было.

— И не оставим.

— Что ты намерен сделать?

Конрад поправил складку плаща.

— Сначала выясню, кто за что отвечает. Затем потребую, чтобы каждый занимался своим делом.

Собеседник ожидал более определённой программы, но Конрад не собирался её излагать. Он слишком часто наблюдал, как торжественные обещания, данные ради получения должности, впоследствии мешали человеку принять необходимое решение. Выборы прошли согласно установленному орденскому порядку. После продолжительных разногласий Конрад фон Эрлихсхаузен получил большинство голосов и был избран великим магистром. Он принял избрание без видимого торжества.

Присутствующие братья подходили поздравить его. Одни говорили о надежде на восстановление согласия, другие напоминали о необходимости защитить орденские права, третьи желали здоровья и долгого правления. Конрад благодарил каждого, но не задерживался на церемониальных разговорах. Его гораздо больше занимало, какие из присутствовавших санов-

ников ещё вчера не могли договориться между собой и насколько искренними окажутся сегодняшние заверения в повиновении. После установленного богослужения он попросил высших должностных лиц собраться для обсуждения текущих дел.

Некоторые рассчитывали, что новый великий магистр позволит им отдохнуть после долгого дня. Однако Конрад не видел причин откладывать работу. Избрание изменило его положение, но не отменило ни одного обязательства государства. В помещении, где собралось орденское руководство, на столе уже лежали перечни незавершённых дел. Великий магистр попросил начать не с общих сведений о состоянии Ордена, а с вопросов, требовавших решения в ближайшие недели. Первым назвали спор о назначении одного из должностных лиц.

— Сколько времени он продолжается? — спросил Конрад.

Ему ответили.

— И что произошло за это время?

Один из братьев начал объяснять обстоятельства прежнего назначения, принадлежность назначенного к определённому кругу сторонников Русдорфа и возражения нескольких конвентов. Конрад остановил его.

— Я спрашиваю, кто сейчас исполняет обязанности.

Назвали имя человека, временно управлявшего владением.

— Справляется?

Ответ оказался неуверенным.

— Тогда сначала выясним это. Если справляется, пусть продолжает до окончательного решения. Если нет, назначим другого. Но не станем держать должность незаполненной только потому, что несколько братьев не могут договориться, чей человек должен её получить.

Следующее дело касалось денежных обязательств. Казначей представил сведения о нехватке средств на содержание крепостей и уплату старых долгов. В перечне находились платежи, сроки которых уже наступили, и расходы, которые невозможно было отложить без ущерба для хозяйства. Конрад внимательно изучил записи.

— Сколько денег действительно имеется?

Казначей назвал сумму.

— А сколько ожидаем?

Последовал новый расчёт, значительно более благоприятный.

— Я не спрашиваю, сколько нам обещают, — сказал Конрад. — Сколько уже поступило?

Пришлось заново открыть книгу. Разница между ожидаемыми и полученными средствами оказалась существенной.

— Составьте два перечня, — распорядился великий магистр. — Один по деньгам, которые имеются. Другой по тем, которые ещё предстоит взыскать. И впредь не складывайте эти суммы вместе, когда объясняете мне, что казна способна оплатить.

Казначей записал требование. Один из сановников заметил, что подобное разделение усложнит расчёты. Конрад поднял голову.

— Расчёты от этого не станут сложнее. Станет труднее делать вид, что у нас больше денег, чем есть на самом деле.

Несколько братьев переглянулись. Один едва заметно улыбнулся, другой недовольно нахмурился. Новый великий магистр уже успел показать, что не намерен руководить только через общие указания. Заседание продолжалось до вечера. Когда сановники наконец разошлись, Конрад попросил оставить ему сведения о состоянии канцелярии. Он хотел знать, сколько дел поступило за последние месяцы, какие из них разрешены и кто отвечает за остальные. Ему принесли несколько книг. Великий магистр просмотрел первую, затем вторую. В них аккуратно значились даты, имена и краткие сведения о ходе разбирательств. Часть записей заканчивалась отметками об исполнении, но значительно больше дел оставалось открытыми.

Конрад закрыл книгу.

— Кто составляет эти перечни?

Ему назвали нескольких служащих. Среди них был Маттиас фон Розенберг.

— Пусть завтра придёт, — сказал великий магистр. — И принесёт не только список. Хочу увидеть несколько самих дел.

На следующее утро Маттиас фон Розенберг отправился к новому великому магистру, взяв с собой три папки. Он выбрал их не случайно. Первая касалась старого земельного спора между двумя владельцами. Решение было принято несколько лет назад, но исполнение затянулось из-за неточно обозначенной границы. Во второй находились документы о жалобе городского купца на действия орденского служащего. Третья содержала переписку о дорожных повинностях в Кульмской земле, которой Маттиас занимался вместе с Герхардом.

Конрад принял его в комнате, где уже работали двое писарей. Один сверял полученные письма с регистрационной книгой, другой готовил копии распоряжений. Великий магистр сидел за столом, на котором почти не было свободного места.

— Ты Маттиас фон Розенберг?

— Да, господин великий магистр.

— Служил при Русдорфе?

— Да.

— Кто тебя учил канцелярской работе?

— Герхард.

Конрад отложил перо.

— Старый Герхард ещё жив?

— Жив, господин. Но очень слаб.

— Помню его. Он работал здесь ещё тогда, когда я впервые приехал в Пруссию.

Маттиас подтвердил.

— Как он?

— Почти не читает и не пишет. Иногда помогает по памяти.

— Не заставляйте его работать больше, чем позволяет здоровье.

Маттиас поклонился. Конрад придвинул первую папку.

— Показывай, что принёс.

Они начали с земельного спора. Великий магистр быстро разобрался в обстоятельствах и спросил, почему решение не исполнено.

— Стороны не согласны с обозначением границы, — объяснил Маттиас.

— А решение суда?

— В нём использованы прежние описания участка. Они допускают разные толкования.

— Значит, нужно осмотреть землю.

— Такое распоряжение уже было.

— Осматривали?

— Да.

— И что установили?

Маттиас показал отчёт. Конрад прочитал несколько строк.

— Здесь сказано, что прежние свидетели умерли.

— Да.

— Тогда почему снова требуют их показаний?

Маттиас не нашёл ответа. Великий магистр взял следующий лист.

— Если люди умерли, их не привезут в Мариенбург даже по моему приказу. Найдите межевые знаки, прежние записи и тех, кто сейчас пользуется спорной землёй. Этого будет достаточно, чтобы определить, какое решение возможно.

Он передал папку обратно.

— Что дальше?

Второе дело оказалось сложнее. Купец требовал возмещения убытков, возникших после задержания товара. Орденский служащий утверждал, что действовал в пределах полномочий. Городской совет поддерживал жалобщика, но представленные расчёты не совпадали. Конрад попросил показать сам договор купли-продажи.

— Он находится в Данциге, — сказал Маттиас.

— Тогда почему здесь обсуждают убытки, не имея договора?

— Купец представил выписку.

— Кто её заверил?

Маттиас назвал городского служащего.

— А другая сторона признаёт выписку?

— Нет.

Конрад отложил бумаги.

— Сначала пусть представят договор. Не вижу смысла спорить о возмещении, пока неизвестно, какое обязательство было нарушено.

Маттиас запомнил это решение. Русдорф тоже требовал подробной проверки, но часто начинал с вопросов о полномочиях и соблюдении порядка. Конрад прежде всего искал обстоятельство, без которого невозможно было двигаться дальше. Он не стремился немедленно определить виновного и не интересовался политической принадлежностью участников спора, пока она не имела отношения к самому делу. Третью папку великий магистр изучал дольше. В ней находились документы о дорожных работах, показания сельских жителей, решение об отмене взыскания с вдовы и ещё не завершённое разбирательство о расходах на древесину.

— Сколько человек участвовало в ремонте? — спросил Конрад.

Маттиас назвал число, указанное в ведомости.

— Все жалуются?

— Нет. Несколько дворов.

— А остальные согласны с расчётом?

— Неизвестно.

— Почему?

— Их не спрашивали.

Конрад вновь посмотрел на разложенные требования. Решение, принятое за отсутствующих людей, трудно было представить им как справедливое.

— Но решение будет касаться всех, если мы изменим порядок повинности.

— Да, господин.

— Тогда выясните, как исполняли её остальные дворы. Возможно, одни действительно работали сверх установленного, а другие получили облегчение. Не хочу, чтобы, исправляя жалобу нескольких человек, мы создали новую для остальных.

Маттиас записал распоряжение. Великий магистр некоторое время рассматривал свидетельства Петера Краузе и его соседей.

— Здесь человек подписал своё имя, — заметил он.

— Да.

— А здесь поставлен знак.

— Этот свидетель не умеет писать.

— Но показание подтверждено старостой?

— Да.

Конрад вернул лист.

— Не требуйте от человека грамотности там, где закон требует свидетельства. Если его показания можно проверить, пусть их проверяют.

Маттиас не ожидал такого ответа. Конрад говорил не об одолжении жалобщику, а о границах самого требования к свидетельству.

— Вы разрешаете продолжить разбирательство?

— Разумеется. Зачем же вы собирали столько бумаг?

— Прежнее руководство опасалось расходов.

Конрад откинулся на спинку кресла.

— И правильно опасалось. Но теперь расходы уже понесены. Глупо остановиться, не получив результата.

Он велел составить сводный перечень сельских повинностей для нескольких соседних владений. Не только по жалобам, но и по обычному порядку их исполнения. Великий магистр хотел понять, насколько сильно различаются обязательства в близлежащих деревнях и не возникают ли новые споры из-за того, что местные служащие используют разные правила. Маттиас пообещал подготовить сведения. Уже возле двери Конрад остановил его.

— Скажи Герхарду, что я помню его службу. Если ему что-нибудь нужно, пусть обращается через тебя.

Маттиас поблагодарил. Когда он вернулся в канцелярию, молодой писарь спросил, как прошёл приём.

— Работы прибавилось, — ответил Маттиас.

— Он недоволен?

— Не знаю. По крайней мере, теперь ясно, что именно следует делать.

Писарь потрогал края трёх папок, словно от этого мог определить, сколько ещё раз придётся их открывать.

— Все эти дела снова открывать?

— Они и не были закрыты.

Маттиас сел за стол и начал составлять запросы. За окном раздавался шум весеннего двора. На кухню привезли овощи, к конюшне подвели новых лошадей, у ворот спорили о порядке разгрузки нескольких повозок. Замок продолжал жить обычной жизнью, хотя всего сутки назад в нём избрали нового великого магистра. Маттиас заметил, что впервые за долгое время не испытывает желания отложить трудное дело ради более простого. Он знал, какие сведения нужно получить, и мог объяснить, зачем они понадобятся.

В конце весны Конрад отправился в Кульмскую землю. Поездка не была торжественным объездом владений нового государя. Его сопровождали несколько орденских братьев, служители и небольшой конный отряд. Великий магистр намеревался посетить ряд замков, поговорить с местными должностными лицами и встретиться с представителями городов и рыцарства, которые уже прислали поздравления с избранием. Один из сопровождавших предложил заранее известить все комтурства о точном времени прибытия, чтобы они успели подготовить надлежащий приём. Конрад отказался.

— Предупредите, что я еду. Но не заставляйте людей прекращать работу ради того, чтобы стоять во дворе, пока мы проедем через ворота.

— Великий магистр должен быть встречен соответственно своему положению.

— Меня встретят. А вот состояние хозяйства лучше увидеть до того, как его приведут в порядок специально для моего приезда.

В одном из небольших орденских хозяйств они остановились ближе к полудню. Конрад попросил показать зерновые запасы. Местный управляющий провёл гостей к амбару, построенному из тяжёлых брёвен. Внутри пахло сухой соломой и старым деревом. Лучи света проникали сквозь узкие щели между досками, освещая поднявшуюся пыль. Мешки лежали ровными рядами. Возле стены стояли большие деревянные лари. Управляющий с удовлетворением назвал количество зерна. Конрад попросил открыть один из ларей. Зерно выглядело добротным. Он взял горсть, растёр несколько зёрен между пальцами, поднёс к лицу.

— Когда засыпали?

Управляющий ответил.

— А здесь?

Великий магистр указал на другой ларь. Тот помедлил.

— Из прежнего урожая.

— Откройте.

Когда крышку подняли, Конрад почувствовал слабый затхлый запах. Верхний слой казался сухим, но ближе к стенке зерно слежалось. В одном месте виднелись небольшие тёмные пятна. Управляющий поспешил объяснить, что сырость проникла после сильных дождей и что испорчена лишь небольшая часть запасов.

— Сколько именно? — спросил Конрад.

— Пока не проверяли.

— Почему?

— Надеялись, что до весны всё просохнет.

Конрад опустил крышку.

— Зерно не просыхает от надежды. Его нужно перебрать, амбар проветрить и починить крышу.

Управляющий начал рассказывать о нехватке работников. Великий магистр не перебивал, пока тот не закончил. Затем попросил показать, где протекает кровля. Они поднялись на деревянный настил, осмотрели стропила и обнаружили два повреждённых участка. Ремонт требовал нескольких досок и работы двух плотников.

— Почему этого не сделали осенью?

Управляющий объяснил, что плотников направили на строительство хозяйственной пристройки. Конрад попросил показать её. Пристройка оказалась просторной, но почти пустой. В ней предполагалось хранить дополнительные запасы, которых хозяйство пока не имело. Великий магистр прошёл вдоль стен и остановился возле недавно установленной двери.

— Кто приказал строить?

Управляющий назвал прежнего должностного лица.

— А кто решил, что новое помещение нужнее исправной крыши старого?

На этот вопрос ответа не последовало. Конрад не стал устраивать разнос. Он велел немедленно перебрать повреждённое зерно, проверить остальные запасы и отремонтировать амбар. Пристройку разрешил использовать, но запретил продолжать работы до составления нового расчёта расходов. Уже во дворе один из сопровождавших братьев заметил:

— За подобное упущение можно было бы наказать управляющего.

— Можно, — согласился Конрад.

— Вы не намерены?

— Сначала он исправит то, что испортил. Если после этого выяснится, что присвоил деньги или сознательно обманул нас, тогда будем решать о наказании.

— Но он скрывал повреждение.

— Он пытался сделать так, чтобы мы его не заметили. Это не одно и то же, что украсть зерно.

Брат не выглядел убеждённым. Конрад продолжил:

— Если каждый управляющий станет бояться сообщать о гнилой балке, у нас будут прекрасные отчёты и развалившиеся крыши. Пусть лучше принесёт плохую запись вовремя.

Они отправились дальше. В дороге великий магистр несколько раз останавливался, чтобы расспросить возчиков и местных жителей о состоянии дорог и перевозок. Он не обещал исправить всё немедленно, но внимательно слушал ответы. Некоторые узнавали его, другие не сразу понимали, кто перед ними. Конрад не требовал от каждого встречного почтительных обращений. На одной из переправ он заметил пожилого человека, пытавшегося вытащить повозку из глубокой колеи. Лошадь, утомлённая тяжёлой дорогой, не могла сдвинуть груз. Воз-

чик ругался, подталкивал колесо плечом и едва не упал под него. Конрад велел двум сопровождавшим помочь.

Повозку удалось вытащить, когда под колесо подложили толстую доску. Возчик поблагодарил братьев и начал заново закреплять груз.

— Что везёшь? — спросил великий магистр.

— Древесный уголь.

— Куда?

— В Кульм.

— Далеко ехал?

Возчик назвал селение.

— Часто здесь застреваешь?

— Когда дожди, всякий раз. После зимы ещё хуже.

Конрад осмотрел колею. Она образовалась там, где дорога проходила между двумя низкими участками. Вода стекала с обеих сторон и задерживалась в середине. Для ремонта требовалось не столько подсыпать землю, сколько отвести влагу.

— Кто отвечает за этот участок? — спросил он у сопровождавшего.

Брат назвал местное управление. Конрад попросил передать, что при следующем осмотре дороги следует обратить внимание на канавы. Возчик тем временем закончил поправлять мешки.

— Господин, — сказал он, — если канавы прочистят, мы сами дорогу поддержим. Только вода снова всё размывает.

Конрад оглядел размытый край дороги. Просьба сельских людей теперь звучала иначе, чем в аккуратном отчёте комтура.

— Понимаю.

Он уже собирался садиться в седло, когда возчик осторожно спросил:

— А кому вы прикажете?

Один из братьев хотел ответить за великого магистра, но Конрад остановил его.

— Тому, кто отвечает за дорогу.

Возчик удовлетворённо поклонился. Он так и не узнал, с кем разговаривал, пока орденский отряд не удалился. Сопровождавший брат улыбнулся.

— Нужно было назвать себя.

— Зачем?

— Он бы запомнил, что ему помог великий магистр.

Конрад поправил поводья.

— Если канавы прочистят, он и без этого поймёт, что кто-то услышал его просьбу.

На следующем повороте дорога поднялась на сухой холм. Отсюда открывался вид на поля, небольшие деревни и далёкие церковные башни. Земля лежала спокойная, обработанная, местами уже покрытая молодой зеленью. После долгих войн такие виды всё ещё казались людям утешительными. Но Конрад хорошо знал, сколько труда требовалось, чтобы хозяйство выглядело благополучным. Ему предстояло получить деньги именно с этой земли, содержать её дороги и замки, оплачивать служащих и одновременно убеждать жителей, что власть не требует от них больше возможного. Он велел ускорить движение. До следующего комтурства оставалось несколько часов пути.

Когда испорченное зерно вынесли на двор, выяснилось, что потери больше первоначальной оценки. Часть запасов уже нельзя было ни продать, ни сохранить для посева. Конрад приказал открыть соседний амбар и выдать пригодное зерно на нужды хозяйства, хотя его готовили к другой поставке. Приказчик предъявил договор: за просрочку Ордену грозила неустойка. Великий магистр прочитал лист, вернул его и всё равно распорядился прежде обеспечить людей, которые должны были работать здесь до зимы.

Через неделю в Мариенбург пришёл счёт за нарушение срока. Казначей показал его Конраду с явным неудовольствием. Тот признал убыток и потребовал записать его именно как следствие собственного распоряжения, а не переложить вину целиком на управляющего. Казначею такой ответ не нравился: он надеялся взыскать всю сумму с местного хозяйства. Но Конрад настоял, чтобы в книгах различали испорченное зерно, ошибку управления и принятое им решение исполнить один долг прежде другого.

Иоганн фон Байзен встретился с новым великим магистром в Кульме. Он приехал вместе с несколькими представителями рыцарства и городских сословий. Собрание готовилось заранее, однако окончательный порядок обсуждения определили лишь накануне. Одни участники хотели начать с подтверждения прежних привилегий, другие настаивали на рассмотрении жалоб, третьи считали необходимым прежде всего выяснить отношение Конрада к существованию Прусского союза. Байзен старался удержать их от поспешных требований.

Перед встречей Байзен попросил своих спутников не начинать с обвинений. Новый великий магистр долго служил в прусских землях и знал местные порядки; это не делало его решения справедливыми заранее. Один из рыцарей напомнил, что Конрад представляет тот же Орден, который многократно отказывал им в жалобах. Иоганн признал справедливость возражения, но настоял, чтобы сначала выслушать предложения нового правителя, а затем судить по делу, а не по белому плащу.

На собрании присутствовали и те, кто поддерживал Байзена, и его противники внутри самого сословного движения. Некоторые опасались, что рыцарь слишком доверяет великим магистрам. Другие видели в его осторожности единственную возможность добиться прочных соглашений без открытого разрыва. Конрад принял делегацию без излишней торжественности. Он начал с того, что подтвердил намерение соблюдать признанные права прусских земель и городов. Затем предложил представителям изложить наиболее важные вопросы, которые следовало рассмотреть. Один из торнских советников поднял дело о судебных полномочиях. Он говорил подробно, ссылаясь на прежние грамоты и решения. Конрад слушал, иногда задавал уточняющие вопросы, но не прерывал длинного объяснения.

Когда советник закончил, великий магистр спросил:

— Вы хотите, чтобы городской суд имел окончательное решение во всех делах, которые затрагивают горожан?

— В тех, что принадлежат его установленной подсудности.

— А если горожанин подаст жалобу на самого городского судью?

— Для этого существует соответствующий порядок.

— Какой?

Советник начал объяснять. Конрад попросил назвать конкретный случай, в котором этот порядок был применён. В комнате возникла пауза. Один из представителей вспомнил давнее разбирательство, но оказалось, что его обстоятельства отличались от обсуждаемого вопроса.

— Вот это нам и нужно установить, — сказал великий магистр. — Не право городского суда вообще, а границы его полномочий и порядок жалобы на его действия.

Рыцарь из Кульмской земли заметил, что подобная проверка должна распространяться и на орденских должностных лиц.

— Разумеется, — ответил Конрад.

Несколько человек удивлённо переглянулись. Великий магистр продолжил:

— Если комтур действует в пределах своих прав, его решение должно исполняться. Если выходит за их пределы, жалобу следует рассмотреть. Но я не соглашусь с тем, чтобы всякое недовольство автоматически приостанавливало распоряжение.

Байзен поднялся.

— Нам важно, чтобы жалоба действительно доходила до рассмотрения, а не возвращалась тому же должностному лицу, на которого подана.

Конрад узнал его сразу.

— Иоганн, ты говорил об этом ещё при Русдорфе.

— Да, господин великий магистр.

— Значит, дело не новое.

— К сожалению.

— Тогда покажи случаи, когда распоряжение о проверке не было исполнено. Не общие слова, а документы.

Байзен ответил, что необходимые сведения уже собираются.

— Хорошо. Передайте их в канцелярию. Я велю проверить.

Один из наиболее решительных представителей союза вмешался:

— Но если всё снова останется в руках орденских служащих, мы не получим гарантий.

Конрад повернулся к нему.

— А какие гарантии ты предлагаешь?

— Участие представителей сословий в рассмотрении дел.

— В каких именно?

— Там, где речь идёт о нарушении наших прав.

— И если жалоба окажется направлена против городского совета, в суде тоже должны участвовать представители того же совета?

Собеседник замялся.

— Это другой вопрос.

— Почему?

Началось новое обсуждение. Великий магистр не торопился завершить его. Он позволил представителям спорить между собой, внимательно следя за различиями в их требованиях. Ему были хорошо знакомы интересы больших городов, небольших поселений и землевладельческого рыцарства. За прошедшие годы он не раз видел, как люди, выступавшие совместно против орденского взыскания, расходились во мнениях, едва речь заходила о торговых преимуществах или распределении судебных полномочий. После перерыва обсуждали присягу. Большинство представителей было готово признать Конрада законным великим магистром. Но возник вопрос, сохраняется ли обязательство повиновения всему Ордену после смерти или ухода главы до избрания нового.

Некоторые настаивали, что присяга должна относиться прежде всего к личности правящего магистра, поскольку именно он обязуется соблюдать права подданных. Другие считали, что при таком толковании всякое междуцарствие создаёт опасную неопределённость. Конрад выслушал доводы и сказал:

— Вы присягаете мне не как частному человеку. Я принимаю управление Орденом по его установлениям. Если завтра я умру, его владения, долги, суды и обязанности не исчезнут. Кто тогда должен будет охранять дороги и крепости?

— Высшие сановники, — ответил один из рыцарей.

— От чьего имени?

Рыцарь замешкался. Следующий ответ обнаруживал различие между личной присягой магистру и обязанностями перед всем Орденом.

— От имени Ордена.

— Тогда нельзя отрицать существование обязанности перед ним только потому, что меня больше не станет.

Байзен предложил уточнить условия присяги так, чтобы они одновременно подтверждали права сословий и непрерывность законной власти. После продолжительного обсуждения участники согласились продолжить оформление соответствующих обязательств без отказа от уже признанных привилегий. Для Конрада это было важным результатом. Он добивался не личного почтения, а порядка, при котором каждое изменение главы Ордена не ставило бы под

сомнение законность существующего управления. Однако он прекрасно понимал, что представители союза согласились на такие условия не потому, что отказались от стремления ограничить произвольные действия власти. Они ожидали от него более внимательного отношения к своим правам.

Байзен не забывал, что пришёл сюда не только от имени городов и рыцарства. Большую часть жизни он провёл на службе великих магистров, ездил с их поручениями к чужим дворам и получал от них доверенные дела. Вступая в союз, он оговорил свою прежнюю присягу советника Ордена. Это различие не было для него словесной уловкой: он не мог обещать одним людям всё то, что уже обязался исполнять перед другими. Если бы Конрад предложил надёжное подтверждение сословных прав и действительно действенный порядок разбора жалоб, Иоганн допускал и прекращение союза по общему согласию. Но следовало сперва добиться условий, после которых слабому городу или отдельному рыцарю не пришлось бы снова стоять один на один с могущественным должностным лицом.

После окончания собрания Конрад попросил Байзена задержаться. Рыцарь вошёл в небольшое помещение рядом с залом, где стояли стол, несколько кресел и кувшин с водой. Великий магистр предложил ему сесть.

— Ты знаешь, что я не одобряю существование союза, — начал Конрад.

Байзен не стал изображать удивление.

— Знаю.

— Но я не намерен требовать его немедленного роспуска.

— Это облегчит переговоры.

— Возможно. Только мне хотелось бы понять, чего вы добиваетесь в действительности.

Байзен не изменил выражения лица. Собеседник стремился вывести его на признание более широких намерений, чем те, с которыми он прибыл.

— Мы уже говорили об этом.

— Говорили о правах, судах и повинностях. Всё это можно обсуждать. Но сам союз продолжает существовать даже тогда, когда отдельные жалобы разрешаются. Значит, дело не только в них.

Рыцарь некоторое время размышлял.

— Люди слишком долго обращались поодиночке. Теперь они убедились, что вместе их хотя бы выслушивают.

— А если я начну выслушивать их без союза?

— Тогда, возможно, у них станет меньше причин обращаться к нему.

Конрад чуть наклонил голову.

— Но распускать его они всё равно не захотят.

— Пока не будут уверены, что прежние обстоятельства не повторятся.

Великий магистр прошёл к окну.

— Я не могу дать обещания за каждого будущего магистра и каждого комтура. Ты сам понимаешь.

— Понимаю.

— Тогда почему требуете именно этого?

— Потому что отдельный хороший правитель не заменяет установленного права.

Конрад повернулся. Он не рассердился, но Байзен заметил, что ответ ему не понравился. Великий магистр не собирался передавать сословиям возможность самостоятельно определять пределы власти Ордена. Вместе с тем он видел, что попытка уничтожить союз силой лишь убедит его участников в необходимости сопротивления.

— Я готов подтвердить признанные права, — сказал Конрад. — Готов исправлять несправедливые решения. Но не могу согласиться, чтобы объединение подданных стало властью рядом с Орденом.

— Мы не просим такой власти.

— Пока не просите.

Байзен выпрямился.

— Господин великий магистр, если вы будете судить о наших требованиях по тому, чего мы ещё не сделали, договориться станет трудно.

Конрад сперва нахмурился, затем уступил доводу; Байзен говорил о том же правиле, которого великий магистр сам требовал от своих судей.

— Верно. Я сам не люблю, когда человека обвиняют прежде, чем он совершил проступок.

Он налил воды в две чаши и одну передал гостю. Разговор продолжался спокойнее. Они обсуждали порядок рассмотрения жалоб, необходимость ограничить злоупотребления отдельных служащих и трудности, возникавшие из-за разных привилегий городов и рыцарства. Ни один не изменил своих основных убеждений. Но оба согласились, что ближайшие вопросы можно разрешать без пересмотра всего государственного устройства. Когда Байзен уезжал, Конрад проводил его до двери.

— Если у тебя появится дело, которое можно решить без большой делегации, присылай его прямо мне, — сказал великий магистр.

— А если дело затронет весь союз?

— Тогда привози тех, кому поручено говорить от его имени.

Байзен поклонился. На этот раз он возвращался домой без тяжёлого чувства, сопровождавшего последние встречи с Русдорфом. Новый магистр не обещал больше предшественника, но задавал вопросы, на которые требовались определённые ответы, и не пытался сразу превратить разногласие в неповиновение. Байзен не знал, надолго ли сохранится подобный порядок. Однако несколько старых жалоб теперь имели шанс получить решение, и этого было достаточно, чтобы продолжать переговоры.

Летом 1441 года Маттиас из Данцига получил известие, что несколько прусских городских представителей, находившихся в Дании, добились подтверждения торговых привилегий и временного облегчения некоторых платежей, связанных с проходом судов. Новость обсуждали на пристанях с большим интересом, чем избрание нового великого магистра.

Для людей, живших морской торговлей, изменение условий прохода через проливы могло оказаться важнее десятка распоряжений, изданных в Мариенбурге. Купеческий доход зависел не только от цен в Пруссии. Суда проходили через воды, где власть принадлежала другим государям, останавливались в чужих портах, сталкивались с местными сборами и запретами. Иногда груз, выгодно приобретённый в Данциге, становился убыточным ещё до прибытия к покупателю. Маттиас хорошо знал эти опасности.

В конце июля в его контору пришёл капитан судна, готовившегося к плаванию на запад. Он намеревался взять зерно, воск и часть деревянных изделий. Договор был почти заключён, но капитан требовал пересмотреть плату за перевозку.

— В прошлый раз пришлось стоять у чужого берега шесть дней, — объяснил он. — Ветер был хороший, а нас не выпускали, пока не разобрались с торговыми грамотами.

Маттиас проверил расчёт.

— Ты уже получил подтверждение привилегий?

— Получил известие, что вопрос решён.

— Известие — не грамота.

Капитан раздражённо повёл плечом.

— Пока будем ждать каждую грамоту, пропустим время выхода.

Он был прав. Конец лета представлял благоприятный период для плавания, но задержка даже на несколько недель могла изменить условия торговли. На рынке колебались цены, покупатели находили других поставщиков, а судовые хозяева требовали оплатить простой. Маттиас предложил разделить риск. Если капитан представит надлежащие документы и сможет

воспользоваться торговыми привилегиями, плата останется прежней. Если возникнут дополнительные законные расходы, их распределят между сторонами согласно заранее установленным условиям. Капитан перечитал договор.

— Ты хочешь, чтобы я отвечал за то, что решают чужие государевы служащие?

— Нет. Я хочу, чтобы мы заранее определили, кто отвечает за задержку, если она произошла не по нашей вине.

— И кто?

Маттиас показал соответствующий пункт. Начался долгий спор. Капитан доказывал, что судовладелец уже несёт риск потери корабля, повреждения снастей и болезни команды. Купец отвечал, что его товар может погибнуть в пути или поступить к покупателю после окончания торгового сезона. Оба были правы, но уступка одного означала дополнительные расходы другого. Наконец договорились установить предел возможных доплат. Капитан подписал документ.

— При Хеннинге мы заключили бы договор быстрее, — сказал он, складывая бумаги.

Маттиас узнал в словах собеседника ту деловую насмешку, которую Хеннинг терпел лишь от людей, заслуживших его уважение.

— При Хеннинге ты бы сначала два часа рассказывал ему о ветрах.

— Он любил слушать о море.

— Любил. Но после этого всё равно заставил бы тебя считать деньги.

Капитан рассмеялся. Они знали друг друга ещё со времён старого хозяина. За многие годы между ними случались и ссоры, и взаимные уступки. Однажды судно капитана доставило груз с большим опозданием, однако Хеннинг не стал требовать полного возмещения: часть задержки произошла из-за непогоды. В другой раз сам купец заплатил больше оговорённого, потому что капитан сумел спасти товар во время шторма. После подписания договора они вместе отправились осмотреть груз.

На пристани было шумно. Рабочие переносили мешки, перекатывали бочки, укладывали тяжёлые доски в трюм. Возле сходней стоял судовой помощник и проверял, чтобы груз размещали равномерно. Капитан следил за осадкой корабля, опасаясь перегрузки. Маттиас заметил, что одну из бочек поставили возле самого края открытого трюма, где она могла сдвинуться при качке.

— Закрепи её, — сказал он молодому грузчику.

Тот ответил, что до отправления ещё далеко.

— Закрепи сейчас.

Парень недовольно взял верёвку, но выполнил приказ. Вскоре выяснилось, что капитан намерен принять ещё несколько мешков от другого купца. Маттиас потребовал сначала проверить общий вес. Капитан возразил, что судно выдержит дополнительную нагрузку.

— Возможно, — согласился Маттиас. — Но я не хочу выяснять это посреди моря.

Они снова начали считать. К вечеру оказалось, что часть груза придётся оставить до следующего рейса. Капитан был недоволен. Другой купец тоже. Однако Маттиас настоял на решении. Когда судно вышло из порта, он стоял на берегу вместе с приказчиком и наблюдал, как матросы ставят паруса. Ветер наполнял полотнища неровно, корабль медленно разворачивался, обходя стоявшие у причалов лодки. Затем поймал устойчивый поток воздуха и направился к выходу из гавани. Приказчик спросил:

— Думаешь, доберётся вовремя?

— Если погода позволит.

— А если снова задержат?

— Тогда будем читать договор.

Маттиас ещё некоторое время смотрел вслед кораблю. Он всё чаще замечал, что его работа состоит не столько в умении покупать дешевле и продавать дороже, сколько в спо-

собности предусмотреть последствия чужих решений. Капитан зависел от ветра, купец — от капитана, грузчик — от исправности сходней, городской совет — от торговых соглашений. Каждый отвечал лишь за часть огромного дела, но убыток мог понести человек, не имевший возможности повлиять на причину. По возвращении в контору Маттиас обнаружил письмо из Торна. Представители Прусского союза предлагали обсудить порядок участия городов в будущих переговорах о торговых сборах и правах купцов.

Маттиас отложил письмо до утра.

Сегодня ему достаточно было договоров.

Осенью Конрад фон Эрлихсхаузен получил из нескольких комтурств отчёты, которые его не удовлетворили. Поступления оказались ниже ожидаемых. Некоторые хозяйственные владения не могли покрывать собственные расходы, не говоря уже о платежах в общую казну. В нескольких местах требовался срочный ремонт укреплений. Содержание гарнизонов дорожало, а старые долги продолжали требовать выплат. Великий магистр приказал собрать сведения о состоянии наиболее затратных владений. Казначей предложил увеличить отдельные платежи.

— Какие? — спросил Конрад.

Тот назвал несколько возможных сборов.

— Их уже требуют?

— Нет. Но право установить некоторые из них у Ордена имеется.

Конрад просмотрел расчёт.

— И сколько принесут?

Казначей объяснил, что точная сумма зависит от урожая, торговли и способности местных служащих собрать причитающееся.

— Значит, снова считаем деньги, которых ещё нет.

— Другого источника пока не нашли.

Великий магистр не ответил. В тот же день он отправился осмотреть помещения, где содержались больные и престарелые орденские братья. Вопрос не имел прямого отношения к предложенному сбору, но Конрад хотел лично убедиться, насколько оправданными являются расходы, которые казначей предлагал сократить. В госпитальных помещениях пахло горячими травяными настоями, влажной шерстью и дымом от плохо тянувшего очага. За длинным столом сидели двое пожилых братьев. Один держал чашу обеими руками, другой пытался разрезать хлеб небольшим ножом, но пальцы плохо слушались его после давней раны. В соседней комнате лежал человек, который уже несколько недель не мог подняться.

Служитель объяснил, что ему требуется более тёплая постель и особое питание. Конрад осмотрел помещение.

— Почему здесь так холодно?

— Очаг плохо тянет, господин. Если положить больше дров, дым идёт в комнату.

— Давно?

— С осени.

— Чинили?

— Осматривали. Каменщик сказал, что нужно разбирать часть трубы.

Конрад попросил показать заключение. Его не оказалось. Служитель объяснил, что каменщик давал совет устно, а необходимые расходы обещали рассмотреть позднее. Великий магистр подошёл к очагу. Дым действительно выходил в помещение. На верхней части стены темнело пятно сажи.

— Почему больного не перенесли в другую комнату?

— Там находятся ещё двое. Один не переносит холода, другой почти не может двигаться. Свободное помещение есть, но в нём требуется заменить окно.

Конрад выслушал. Один из сопровождавших предложил временно увеличить количество дров. Служитель объяснил, что при сильном огне дым становится только гуще.

— Значит, будем чинить трубу, — решил великий магистр.

Он попросил сообщить, сколько требуется каменщику и какие материалы необходимы. Служитель назвал приблизительную сумму. Конрад удивился, насколько невелики были расходы по сравнению с некоторыми статьями общей сметы, однако даже такая работа оставалась невыполненной несколько месяцев. Позднее, вернувшись к казначею, он показал ему записи.

— Почему в перечне расходов на госпиталь указано, что помещения содержатся исправно?

Казначей просмотрел книгу.

— Так сообщил управляющий.

— Когда?

Оказалось, несколько месяцев назад.

— После этого никто не проверял?

— Нет.

Конрад положил перед ним список необходимых работ.

— Внесите. И не сокращайте расходы на отопление, пока не исправят очаг.

Казначей осторожно заметил, что подобные небольшие затраты постепенно складываются в значительную сумму.

— Знаю, — ответил великий магистр. — Но если человек лежит в холодной комнате, оттого, что мы запишем меньшую сумму, ему теплее не станет.

Затем Конрад попросил принести расчёт по крепостным ремонтам. Некоторые работы можно было отложить. Другие требовали немедленного исполнения. Он велел разделить их по степени необходимости, а не по тому, какой комтур настойчивее добивался средств. К вечеру стало ясно, что даже после сокращения расходов средств недостаточно. Казначей снова вернулся к вопросу о новых поступлениях. На этот раз Конрад не отказался обсуждать его. Он велел подготовить сведения о торговых сборах, существовавших прежде, и о доходах, которые государство получало от морской торговли до их отмены. Среди них особое место занимала фунтовая пошлина.

Конрад знал, насколько болезненно города воспринимают этот сбор. Отказ Русдорфа от него был одной из уступок сословиям, сделанных в последние месяцы правления. Возобновить пошлину означало снова поднять вопрос, который многие купцы считали уже разрешённым. Однако великий магистр не хотел подменять расчёт опасением вызвать недовольство.

— Подготовьте сведения, — сказал он. — Сначала посмотрим, что именно можем получить и сколько потеряют города.

Казначей поклонился. Конрад остался за столом, пока не закончил просмотр необходимых расходов. Снаружи поднимался ветер. В замке начинали закрывать ставни, служители разносили свечи, караульные готовились к ночной смене. Из госпитального двора доносились удары молотка: каменщик уже начал разбирать повреждённую часть трубы. Великий магистр прислушался, убедился, что работа продолжается, и вернулся к расчётам.

Зимой 1441–1442 годов Петер Краузе столкнулся с затруднением, которое не имело никакого отношения к жалобам на дорожные повинности.

У него заболела одна из лошадей.

Животное было уже немолодым, но до сих пор исправно работало в хозяйстве. Лошадь покупал ещё Миколай Краузе. Петер хорошо помнил тот день: отец долго торговался, осматривал зубы и ноги, заставил продавца несколько раз провести животное по двору. Потом привёз домой и объявил, что такую покупку следует беречь не меньше хорошего плуга. Первые признаки болезни появились после сильного похолодания. Лошадь стала хуже есть, тяжело дышала, неохотно выходила из стойла. Петер сначала решил, что животное утомилось после

перевозки древесины, но через два дня состояние ухудшилось. Пришлось пригласить человека, умевшего лечить скот.

Тот осмотрел лошадь, послушал дыхание, проверил копыта и посоветовал держать её в тепле, давать мягкий корм и не выводить на работу.

— Сколько? — спросил Петер.

— Пока не станет лучше.

— А если не станет?

Лекарь не ответил сразу.

— Она старая.

Петер и сам это знал. Несколько дней семья ухаживала за животным. Жена подогревала воду, старший сын чистил стойло, Петер вставал ночью, проверяя, не стало ли лошади хуже. Работы в хозяйстве приходилось выполнять другой упряжкой, а для перевозки тяжёлого груза просить помощи соседей. В один из вечеров Петер нашёл старшего сына возле стойла. Мартин сидел на перевёрнутом ведре и медленно гладил лошадь по шее. Животное стояло неподвижно, опустив голову.

— Иди в дом, — сказал Петер. — Замёрзнешь.

— Я не замёрз.

— Мать ищет тебя.

Сын неохотно поднялся.

— Она поправится?

Петер провёл рукой по шее лошади. Под пальцами ощущалась горячая, влажная шерсть.

— Постараемся.

— А если нет?

— Тогда придётся искать другую.

Мальчик нахмурился.

— Эту отец твоего отца купил?

— Да.

— Она его помнит?

Петер невольно улыбнулся.

— Не знаю.

Сын ещё раз погладил животное и вышел. Петер остался один. Он подложил свежей соломы, проверил воду, поправил попону. Лошадь не сопротивлялась. Её дыхание было тяжёлым, неровным.

Через несколько дней она умерла.

Петер обнаружил это утром, когда пришёл кормить скот. Он долго стоял возле неподвижного животного, затем позвал Мартина, старшего сына, и попросил привести соседа. Тело пришлось вытащить из стойла и убрать со двора. Работа оказалась тяжёлой. Когда всё закончили, сын Петера молча сел на порог сарая. Петер сел рядом.

— Жалко, — сказал Мартин.

— Жалко.

— Она ведь ещё могла работать.

— Могла бы, если бы поправилась.

Сын вытер рукавом глаза. Петер не стал его утешать общими словами. Он сам испытывал тяжёлое чувство потери, хотя понимал, что хозяйственное животное рано или поздно придётся заменить. Через неделю он отправился на рынок. Лошади стоили дорого. Особенно те, которые годились для тяжёлой полевой работы и перевозок. Продавцы внимательно следили за покупателями, расхваливали животных, показывали зубы, заставляли их ходить и тянуть пробную нагрузку. Петер осмотрел несколько лошадей, но ни одна не устраивала его одновременно по цене и состоянию. Наконец он нашёл подходящую, однако денег не хватало.

Продавец предложил отсрочку части платежа. Условия казались приемлемыми, но Петеру пришлось бы заложить будущий урожай. Он долго раздумывал, затем отказался. Если лето окажется неудачным, семья лишится возможности свободно распоряжаться зерном. По дороге домой он встретил знакомого землевладельца, связанного с Прусским союзом. Тот спросил, почему Петер возвращается без покупки. Петер рассказал. Землевладелец предложил помочь найти более дешёвую лошадь через знакомых хозяйственников.

— Иногда люди продают хороших животных не потому, что они плохи, — объяснил он, — а потому, что нужны деньги.

— И сколько придётся заплатить за помощь?

— Ничего. Если найду подходящую, сообщу.

Петер поблагодарил. Через несколько дней землевладелец действительно прислал человека с известием. В соседнем владении продавали рабочую лошадь после смерти хозяина. Наследники решили сократить хозяйство и распродавали часть имущества. Петер отправился туда, осмотрел животное и договорился о цене. Она была ниже рыночной, но всё равно значительной. Пришлось взять деньги из запасов, предназначенных для весенних расходов. Когда новую лошадь привели домой, дети собрались вокруг неё. Старший сын первым взялся за повод. Животное оказалось спокойным. Оно осторожно переступило порог стойла, понюхало кормушку и начало есть сено.

— Хорошая, — ответил Мартин.

Петер кивнул. Но весь вечер не переставал думать о потраченных деньгах. Теперь, чтобы восстановить запасы, необходимо было выгоднее продать часть зерна. А это зависело не только от урожая, но и от торговцев, дорог и сборов, которые приходилось платить по пути к городским рынкам. Жена заметила его беспокойство.

— Лошадь нужна, — сказала она.

— Знаю.

— Тогда не жалей о покупке.

Петер оглядел пустое место возле кормушки. После всех расчётов оставалась ещё потеря, которую нельзя было записать в хозяйственную книгу.

— Я жалею не о покупке. Я думаю, сколько зерна придётся продать, чтобы за неё расплатиться.

Она села рядом.

— Значит, будем беречь то, что осталось.

Он кивнул. На следующий день Петер начал готовить упряжь к весенней работе.

В марте 1442 года Конрад фон Эрлихсхаузен вынес на обсуждение вопрос о восстановлении фунтовой пошлины. К этому времени великий магистр получил достаточно сведений, чтобы убедиться: обычные доходы орденского государства не позволяют покрывать все необходимые расходы. Некоторые владения обеднели настолько, что едва содержали собственные хозяйства. Замки требовали ремонта, должностные лица жалованья, гарнизоны продовольствия. Земельные поступления зависели от урожая, а задолженности по отдельным платежам росли. Отмена фунтовой пошлины, которой Русдорф уступил городам, лишила казну одного из сравнительно постоянных источников денег. Конрад не собирался возвращать сбор одним распоряжением.

Он велел известить представителей городов и землевладельческого рыцарства, что хочет обсудить состояние государственных доходов и возможные способы их восстановления. В назначенный день в большом помещении Мариенбургского замка собрались люди, каждый из которых заранее приготовил возражения. Данцигские представители прибыли с расчётами торговых расходов. Торнские советники привезли выписки из прежних соглашений. Эльбингские купцы ссылались на состояние морской торговли и конкуренцию иностранных портов.

Рыцарство было озабочено тем, чтобы недостающие доходы Ордена не пытались возместить увеличением земельных повинностей. Конрад начал с объяснения финансового положения.

Он не стал говорить о величии Ордена или его прежней славе. Вместо этого назвал расходы на содержание крепостей, обязательные платежи, долги и состояние некоторых владений. Затем попросил казначея показать, какая часть этих сумм действительно обеспечена поступлениями. Разница оказалась значительной. Один из городских советников заметил, что государству следует прежде всего сократить расходы.

— Какие именно? — спросил Конрад.

— Содержание двора, ненужные строительные работы, излишние назначения.

— Согласен обсудить каждую из этих статей. Но покажите, какая сумма получится после сокращения.

Советник попросил время на расчёт. Великий магистр не возражал. Другой представитель предложил проверить, насколько исправно комтуры собирают установленные платежи. Конрад ответил, что такая проверка уже проводится, но в некоторых владениях взыскивать больше практически не с кого.

— Если человек разорён, — сказал он, — увеличение записи о его долге не увеличит доход казны.

Один из рыцарей поддержал его.

— Именно поэтому нельзя снова повышать повинности с земли.

— Я и не предлагаю этого, — ответил великий магистр.

Он изложил намерение восстановить фунтовую пошлину на морскую торговлю. В помещении сразу поднялся шум. Представитель Данцига заявил, что купцы уже несут значительные расходы и что прежний отказ от сбора был важной частью договорённостей с Русдорфом.

— Мы строим суда, содержим склады, оплачиваем перевозки, рискуем товаром, — говорил он. — Если к каждому грузу снова прибавить пошлину, часть торговли уйдёт в другие гавани.

— А если мы не будем содержать гавани и обеспечивать безопасность дорог? — спросил Конрад. — Куда тогда придёт ваш товар?

— За безопасность мы уже платим.

— Чем?

Советник перечислил городские расходы. Конрад выслушал.

— Это расходы Данцига. Я спрашиваю о содержании орденских владений, через которые проходят ваши товары.

— Но значительная часть торговли вообще не зависит от орденских дорог.

— Зависит от земель, из которых поступает товар.

Начался спор. Представители больших городов утверждали, что морская торговля приносит пользу всему государству и поэтому не должна облагаться чрезмерными сборами. Рыцарство возражало, что торговые преимущества достаются главным образом купеческим домам, тогда как землевладельцы вынуждены продавать зерно через посредников. Участники из небольших городов опасались, что новые условия позволят крупным портам получить дополнительные исключения и переложить часть расходов на остальных. Конрад не вмешивался, пока спор не начал повторяться. Затем попросил каждого изложить не общие принципы, а конкретные последствия предлагаемого сбора. Это оказалось труднее.

Данцигские купцы говорили о возможном сокращении торговли, но не могли назвать величину потерь. Представители рыцарства требовали справедливого распределения доходов, однако не имели общего мнения о том, кому именно следует распоряжаться поступлениями. Некоторые небольшие города были готовы поддержать пошлину, если часть средств пойдёт на общие нужды сословий. Байзен слушал и делал пометки. Он видел, что великий магистр хорошо подготовился. Конрад не требовал от участников немедленного согласия. Он вынуждал

их признать, что государственные расходы существуют независимо от отношения к Ордену. При этом каждое предложение о новом доходе затрагивало интересы определённой группы.

После перерыва Байзен попросил слова.

— Господин великий магистр, никто здесь не отрицает необходимости содержать замки и дороги. Но города опасаются, что после восстановления одного сбора последуют другие. Какую гарантию вы можете дать?

Конрад ответил:

— Я готов определить условия пошлины и порядок её взимания так, чтобы вы знали, чего ожидать.

— Этого недостаточно.

— Почему?

— Потому что сам порядок может быть изменён следующим распоряжением.

Великий магистр всмотрелся в текст предлагаемой гарантии: она могла сохранить доверие городов, но одновременно связать ему руки на годы.

— Ты предлагаешь связать мои полномочия обязательством, которое я не смогу изменить?

— Предлагаю дать городам уверенность, что они соглашаются на определённый сбор, а не открывают путь для новых требований.

Конрад задумался. Он понимал опасение Байзена. После многолетних войн и финансовых затруднений казна постоянно искала новые источники поступлений. Если сегодня города согласятся вернуть фунтовую пошлину, завтра их действительно могут попросить о дополнительном взносе. Даже самый осторожный правитель не способен полностью предвидеть будущие расходы.

— Я готов обсуждать такое обязательство на время моего правления, — сказал Конрад. — Но прежде нужно определить сам порядок сбора.

Данцигский представитель попросил уточнить, будет ли Орден распоряжаться всеми поступлениями. Великий магистр ответил, что вопрос распределения доходов открыт. После этого спор стал ещё напряжённее. Часть городских представителей потребовала вернуть им долю пошлины, которую они получали по прежним соглашениям. Некоторые рыцари возразили, что торговый сбор не должен превращаться в доход одних городских советов. Конрад попросил представить расчёты прежних поступлений и расходов на общие посольства. К концу дня стало ясно, что немедленного решения не будет. Великий магистр предложил продолжить обсуждение после того, как стороны уточнят свои требования и представят необходимые сведения.

Когда представители разошлись, Конрад остался с казначеем. Тот выглядел разочарованным.

— Они не хотят платить.

— Хотят, чтобы платил кто-нибудь другой, — ответил Конрад.

— Тогда мы не получим денег.

— Получим, если найдём условия, при которых согласие окажется для них выгоднее отказа.

Казначей начал объяснять, что время работает против Ордена. Несколько платежей необходимо было внести до осени, а задержка строительства грозила дополнительными расходами. Конрад выслушал и попросил вновь показать перечень обязательств. Ему не нравилось положение, в котором оказался. Ради восстановления дохода приходилось вести переговоры с теми самыми сословиями, самостоятельное политическое объединение которых он считал опасным. Но он не мог одновременно отвергать их участие и требовать, чтобы они добровольно согласились оплачивать государственные нужды. На следующий день великий магистр велел подго-

товить новый расчёт пошлины, предусматривавший участие городов в её взимании и расходовании части поступлений.

В Данциге известие о переговорах вызвало недовольство ещё прежде, чем стали известны предложенные условия. Маттиас услышал о намерении восстановить фунтовую пошлину от городского советника, зашедшего в его контору после возвращения из Мариенбурга. Купец занимался расчётом стоимости перевозки воска и льняного полотна. На столе лежали книги, письма покупателей и несколько небольших образцов ткани. Через открытое окно проникал холодный морской воздух. Советник сообщил, что великий магистр считает восстановление сбора необходимым для содержания государства.

— Русдорф отказался от пошлины, — заметил Маттиас.

— Новый магистр говорит, что казна не может существовать без постоянных поступлений.

— И что предлагают?

— Пока обсуждают.

Маттиас попросил уточнить, на какие товары предполагается распространить сбор и как будет определяться их стоимость. Советник развёл руками.

— Именно этого мы пока не знаем.

— Тогда о чём спорили?

— О праве Ордена вновь взимать пошлину.

Маттиас закрыл книгу.

— Прежде чем спорить о праве, неплохо узнать, сколько придётся платить.

Советник начал было возражать и остановился. Прежде ему хотелось понять, не предполагает ли новый порядок расходов, которых город не выдержит.

— Ты считаешь, что следует согласиться?

— Я считаю, что нужно знать условия.

— Если уступим сейчас, великий магистр решит, что города готовы оплачивать любую его нужду.

— А если откажемся от переговоров, он может попытаться взыскать сбор на основании прежних привилегий. Тогда условия будут определять без нас.

Собеседник задумался. Он приехал в Данциг с убеждением, что сопротивление пошлине должно быть единодушным. Теперь оказалось, что даже среди купцов существуют разные мнения. Маттиас предложил собрать людей, непосредственно занимавшихся перевозками, и выяснить, какое влияние новый сбор окажет на торговые расходы. Через несколько дней в конторе встретились несколько купцов и судовладельцев.

Один из них торговал зерном, другой — воском и мёдом, третий привозил иностранное сукно. У каждого были собственные расчёты и свои опасения. Судовладелец напомнил, что пошлина может затрагивать не только стоимость груза, но и само судно. Купец, торговавший сукном, опасался, что новые расходы сделают его товар слишком дорогим для покупателей внутри Пруссии. Маттиас попросил всех показать не ожидаемые убытки, а действительные расходы последних рейсов. Выяснилось, что положение различается.

На дорогом товаре небольшое увеличение расходов можно было распределить по цене продажи. На дешёвом зерне даже сравнительно скромный сбор мог уменьшить прибыль настолько, что перевозка оказывалась невыгодной. Для судовладельцев большое значение имели сроки стоянки и дополнительные расходы при осмотре груза.

— Если пошлину будут собирать быстро и по ясному порядку, — сказал один из капитанов, — я готов платить установленную сумму. Но если из-за каждого ящика придётся спорить со служащим, потеряем больше на простое, чем на самом сборе.

Другой возразил:

— Сегодня платим одну пошлину, завтра появится другая.

Маттиас напомнил о предложении получить гарантии против новых сборов.

— Обещание можно нарушить, — ответил купец.

— Можно. Но лучше иметь письменное обязательство, чем не иметь никакого.

Один из присутствующих раздражённо спросил:

— Ты вообще на чьей стороне?

Маттиас не отвёл взгляда. Ему надоело, что каждый спор о цене немедленно превращают в проверку верности одной из сторон.

— На стороне торгового дома, который должен отправить товар, получить деньги и выплатить жалованье работникам.

— Значит, готов уступить Ордену?

— Готов обсуждать расходы. Это не одно и то же.

Разговор продолжался до вечера. В конце концов участники договорились подготовить расчёт последствий пошлины и передать его городскому совету. Они не пришли к единому мнению о самом сборе, но согласились, что его условия должны быть ясными, а взимание — подконтрольным не только орденским служащим. Когда гости ушли, Маттиас остался разбирать записи. Старший приказчик принёс сведения о складах.

— Если введут пошлину, придётся повышать цены?

— На часть товара, вероятно.

— Покупатели будут недовольны.

— Знаю.

— Может, пока стоит задержать новые заказы?

Маттиас задумался. Некоторые купцы уже начали откладывать заключение договоров, надеясь дождаться окончательного решения. Но если все станут ждать, торговля остановится ещё до введения сбора.

— Нет, — сказал он. — Заключаем договоры. Только оговариваем возможность изменения государственных платежей.

Приказчик записал.

— А если покупатели откажутся?

— Найдём тех, кто согласится на ясные условия.

Он понимал, что подобная осторожность может стоить торговому дому нескольких выгодных сделок. Но Хеннинг Брант когда-то научил его не включать в будущую прибыль деньги, которые ещё никто не обещал заплатить. Маттиас продолжил расчёты. К вечеру стало холоднее. Из-за окна доносился шум ветра, заставлявшего скрипеть вывеску соседнего склада. Купец поднялся, закрыл ставни и велел принести светильник.

Работы оставалось много.

Летом 1442 года Петер Краузе впервые попытался продать значительную часть урожая не тому покупателю, с которым его семья торговала много лет. Причина была простой. После покупки новой лошади запасы денег заметно уменьшились. Хозяйство требовало расходов на инструмент, семена и содержание работников. Петер рассчитывал, что продажа зерна позволит восстановить прежнее положение, но обычный посредник предложил цену ниже ожидаемой.

— Почему так мало? — спросил Петер.

Купец объяснил, что в городе накопились запасы и что расходы на перевозку выросли.

— В прошлом году ты платил больше.

— В прошлом году мне и продавать было легче.

Петер попросил показать расчёт. Купец усмехнулся.

— С каких пор крестьяне проверяют мои книги?

— С тех пор как ты предлагаешь цену, которой не хватит на покрытие работы.

— Тогда продавай другому.

Петер не стал продолжать спор. На ближайшем рынке он действительно нашёл другого покупателя. Тот обещал заплатить больше, но требовал доставить зерно самостоятельно. Перевозка означала дополнительные расходы, к тому же приходилось оставлять поле и пользоваться собственной упряжкой. Петер вернулся домой и начал считать. Жена наблюдала, как он раскладывает на столе небольшие деревянные палочки, обозначая ими мешки зерна и будущие расходы.

— Опять считаешь?

— Хочу понять, сколько останется после перевозки.

— А если продать прежнему?

— Получим меньше.

— Но не придётся ехать.

Петер передвинул несколько палочек.

— Если дорога будет сухой, успеем за два дня. Если пойдут дожди, можем задержаться.

Жена прислушалась к каплям, падавшим с крыши после утренней сырости. Дорога могла перемениться быстрее, чем они соберут повозку.

— Погода пока хорошая.

Они договорились попробовать отправить часть зерна новому покупателю, не рискуя сразу всем запасом. На следующий день Петер вместе со старшим сыном начал готовить повозку. Проверили колёса, подтянули железные обручи, осмотрели упряжь. Новая лошадь уже привыкла к хозяйству и хорошо тянула груз, но Петер не хотел перегружать её. Он разделил зерно на две партии и попросил соседа помочь с перевозкой. Сосед согласился за плату. Через несколько дней они отправились в путь.

Дорога оказалась лучше, чем ожидали. Лишь в одном месте пришлось объезжать размытый участок. В остальном повозки шли спокойно. По пути встречались другие крестьяне, перевозившие зерно, древесину и домашние изделия. На рынке новый покупатель осмотрел товар и подтвердил цену. Петер почувствовал облегчение. Но при расчёте выяснилось, что из выручки необходимо вычесть несколько дополнительных расходов на перевозку и хранение. Покупатель объяснил, что такие условия действуют для всех, кто привозит товар самостоятельно. Петер возразил:

— Ты обещал другую сумму.

— За зерно — да. Но доставка и хранение оплачиваются отдельно.

— Я сам привёз товар.

— А место на складе?

Петер посмотрел на помещение, куда уже начали переносить мешки. Он мог отказаться, забрать зерно и искать другого покупателя. Но для этого потребовалось бы снова грузить повозки, платить соседу за дополнительный день и рисковать возвращением с непроданным товаром. После долгого спора удалось уменьшить часть расходов. Петер получил деньги и отправился домой. По дороге сосед спросил:

— Выгоднее вышло?

Петер пересчитал монеты.

— Немного.

— Стоило ради этого ехать?

Он задумался.

— Теперь хотя бы знаю, сколько на самом деле стоит такая продажа.

Сосед рассмеялся.

— Следующий раз опять поедешь?

— Посмотрим, какую цену предложат дома.

Вернувшись, Петер показал жене выручку. Она пересчитала деньги и положила часть в деревянный сундук.

— Больше, чем получили бы от прежнего купца?

— Больше.

— Намного?

— Нет.

Она улыбнулась.

— Тогда хорошо, что ты вернулся без сломанной повозки.

Петер тоже улыбнулся. Он был доволен не столько прибылью, сколько тем, что сумел самостоятельно договориться о продаже. Однако теперь понимал и другое: городские купцы обладали преимуществами, которых у сельского хозяина не было. Они располагали складами, знали рыночные цены, могли ждать подходящего покупателя и заключать договоры с дальними торговыми партнёрами. Петеру приходилось продавать тогда, когда нужны были деньги или освобождалось место в амбаре. На следующем собрании местных хозяев он рассказал о поездке.

Некоторые посоветовали впредь продавать зерно совместно, чтобы не зависеть от одного посредника. Другие возразили, что крупная партия потребует общего склада и человека, которому все доверят деньги.

— А кто будет отвечать, если товар испортится? — спросил один из соседей.

— Тот, кому поручим хранить, — ответил другой.

— А если он окажется виноват, кто возместит убытки?

Разговор затянулся. Петер слушал и вдруг понял, что люди спорят почти о том же, о чём он слышал от землевладельцев и представителей союза. Совместное действие обещало преимущества, но требовало доверия и ясных обязательств. В итоге решили не создавать общего торгового склада. Несколько хозяев договорились лишь обмениваться сведениями о ценах и вместе отправлять повозки, когда это окажется выгодным. Петер поддержал решение. Дома он рассказал жене, что теперь сможет заранее узнавать, сколько предлагают за зерно в разных местах.

— Хорошо, — сказала она. — Только не забудь, что осенью у нас ещё нужно чинить сарай.

Он посмотрел на старую крышу и согласился. В ближайшие дни Петер занялся ремонтом.

К осени 1442 года переговоры о фунтовой пошлине превратились в один из самых трудных вопросов отношений Конрада с прусскими городами. Великий магистр не отказывался от намерения восстановить сбор. Городские представители не желали признавать его безусловным правом Ордена. Обе стороны ссылались на прежние грамоты, соглашения и обстоятельства, при которых пошлина взималась или отменялась. Но за юридическими доводами стояли деньги.

Казначей почти на каждом совещании напоминал Конраду о нехватке поступлений. В городах купцы составляли новые расчёты, пытаясь определить, насколько увеличатся расходы на морскую торговлю. Некоторые продолжали заключать договоры на прежних условиях, другие требовали оговаривать возможное возвращение пошлины. Часть судовладельцев опасалась задержек при осмотре грузов. В Мариенбурге постепенно пришли к мысли, что спор не удастся разрешить одними ссылками на право великого магистра. Конрад поручил подготовить условия, которые позволили бы городам участвовать во взимании пошлины и получать определённую долю доходов. В декабре представители сторон вновь встретились для обсуждения предложений.

На этот раз переговоры проходили тяжелее прежнего. Городские посланники приехали с несколькими вариантами соглашения. Одни допускали восстановление сбора только на ограниченное время. Другие требовали постоянного участия городских советов в проверке поступлений. Данцигские представители особенно настойчиво возражали против того, чтобы Орден

самостоятельно определял стоимость товаров и распоряжался всеми собранными средствами. Конрад выслушал их требования.

— Вы хотите получать часть пошлины, — сказал он. — Для каких расходов?

Один из советников начал перечислять затраты на торговые посольства, поездки в иностранные города, содержание представителей на переговорах и защиту купеческих прав за пределами Пруссии. Великий магистр попросил представить расчёты. Они оказались значительными.

— Кто проверяет эти расходы? — спросил он.

— Городские советы.

— А если деньги собираются со всех портов, почему распоряжаться ими должны только отдельные города?

Советник объяснил, что именно большие порты несут основную часть затрат. Представитель одного из меньших городов немедленно возразил.

— Мы тоже отправляем людей, когда речь идёт об общих привилегиях. Но каждый раз должны просить помощи у Данцига или Торна.

Данцигский посланник ответил, что его город предоставляет средства на переговоры, от которых получают пользу все.

— Пользу получают все, — согласился его собеседник. — А решения принимаете вы.

Конрад не вмешивался. Он хорошо понимал, что спор внутри городского представительства может помочь ему добиться соглашения. Но одновременно видел, насколько опасно намеренно обострять эти разногласия. Если переговоры превратятся в борьбу между самими городами, решение снова будет отложено, а государственная казна продолжит терять необходимый доход. Байзен, присутствовавший при обсуждении, предложил вернуться к основному вопросу.

— Пусть города представят общий порядок расходования своей доли. Тогда не придётся решать всё здесь, при великом магистре.

— А если не договорятся? — спросил Конрад.

— Тогда сами будут отвечать за последствия.

Великий магистр посмотрел на него.

— Ты предлагаешь оставить им свободу распределения средств?

— В пределах тех целей, ради которых доля будет предоставлена.

Конрад задумался. Ему не нравилась возможность возникновения самостоятельной городской казны, распоряжения которой Орден не сможет контролировать. Однако расходы на посольства действительно существовали. Когда прусские купцы сталкивались с препятствиями за границей, городам приходилось самостоятельно искать способы их устранения. Орденское руководство далеко не всегда могло быстро вмешаться.

— Можно определить, что эта доля предназначена прежде всего для общих торговых нужд и посольств, — сказал он.

Данцигский представитель попросил уточнить размер доли. Конрад предложил вернуться к условиям прежних соглашений, по которым города получали треть поступлений. Начались новые расчёты. Казначей опасался, что после такого распределения доход Ордена окажется меньше ожидаемого. Городские представители, напротив, утверждали, что треть недостаточна для всех расходов. Некоторые рыцари возражали против самой возможности передавать часть государственных поступлений купеческим советам. Спор продолжался до вечера. В конце концов удалось согласовать основные принципы, но окончательное оформление отложили. Требовалось устранить разногласия в формулировках и добиться согласия тех городов, которые ещё сопротивлялись восстановлению сбора.

Конрад завершил заседание без видимого раздражения. Уже после ухода посланников казначей заметил:

— Мы снова уступаем больше, чем получаем.

Великий магистр снял тяжёлый плащ и передал служителю.

— Пока не получаем ничего. А если договоримся, получим две трети дохода, которого сейчас нет.

— Но города сохранят свою долю.

— Пусть. Им тоже нужны деньги на посольства.

Казначей покачал головой.

— Они станут ещё самостоятельнее.

Конрад остановился возле двери.

— Они уже самостоятельны в торговых делах. Вопрос в том, сумеем ли мы установить порядок, полезный и им, и государству.

— А если союз использует соглашение как доказательство, что может требовать уступок?

— Тогда придётся напомнить, что соглашение об одной пошлине не даёт права распоряжаться всем государством.

Он отправился к себе. В коридоре Конрада ожидал служащий с известием, что из Кульма поступило несколько жалоб на действия местного должностного лица. Великий магистр велел передать бумаги ответственному сановнику и представить ему результат проверки. Ему хотелось закончить день раньше обычного, но ещё оставались сообщения о положении в Новой марке и требования по старым долгам. Конрад задержался возле окна. Во дворе слуги расчищали снег. Один из них поскользнулся, выронил тяжёлое ведро и, получив замечание старшего, принялся собирать рассыпавшийся уголь. Великий магистр наблюдал несколько мгновений.

Затем позвал служителя и попросил распорядиться, чтобы возле прохода посыпали песком обледеневшие камни. После этого вернулся к делам.

В Данциге договорённости о пошлине уже обсуждали как вопрос о новых расходах. Маттиас Брантовой конторы получил перечень сборов и сравнил его с условиями отправки нескольких судов. Там, где прежде можно было надеяться на отсутствие пошлины, теперь возникал предсказуемый, но реальный платёж. Приказчик предложил немедленно прибавить его к цене воска. Маттиас отказался менять уже подписанные договоры. Они потеряли часть прибыли на двух отправлениях, зато сохранили слово перед покупателями; на следующие рейсы цены пришлось рассчитать заново.

Один из знакомых купцов сказал, что великий магистр победил, раз города снова платят. Маттиас показал ему книгу расходов. — Он получил деньги, — ответил он. — Мы получили определённый порядок. Кому это будет выгоднее, решит не одна грамота, а ближайшие корабли. В тот вечер Маттиас отложил покупку новых складских досок: деньги, приготовленные для ремонта, ушли на пошлину. Через несколько месяцев это решение снова заставило его выбирать между скоростью торговли и состоянием старого склада.

В январе 1443 года Маттиас прибыл в Мариенбург вместе с данцигскими представителями. Он не принадлежал к числу городских советников, уполномоченных заключать соглашение от имени города. Его пригласили как человека, хорошо знакомого с торговыми расчётами и последствиями изменения пошлин для крупных и небольших купеческих домов. Дорога оказалась тяжёлой. Морозы сменялись оттепелью, на открытых участках дул пронизывающий ветер. Повозки двигались медленно, лошади уставали, а возле некоторых переправ приходилось ждать, пока проверят состояние настила. Маттиас взял с собой тёплый плащ, дорожную сумку и несколько книг с расчётами торговых расходов.

В Мариенбурге его разместили вместе с другими сопровождающими делегацию людьми. Вечером перед очередным совещанием он встретился с одним из старших данцигских советников. Тот выглядел озабоченным.

— Великий магистр не отступит, — сказал он.

— Не похоже.

— А мы не можем согласиться на всё.

Маттиас разложил расчёты.

— Я посмотрел расходы за последние рейсы. Если сбор будет установлен по прежнему порядку, часть торговли останется выгодной. Но необходимо избежать задержек при оценке груза.

Советник ответил, что города требуют участия собственного представителя во взимании пошлины.

— Этого достаточно?

— Не полностью. Но если орденский брат и городской советник будут вести общий учёт, станет труднее произвольно изменять размер платежа.

— А если они поссорятся?

— Тогда понадобится установленный порядок разрешения спора.

Советник устало вздохнул.

— Ты всё сводишь к порядку.

Маттиас не обиделся.

— Я ежедневно имею дело с людьми, которые считают порядок хорошим только тогда, когда он приносит им выгоду.

— И сам такой?

— Иногда.

Советник улыбнулся, но почти сразу посерьёзнел.

— Больше всего меня тревожит другое. Сегодня согласимся на пошлину, завтра великий магистр потребует новый сбор.

— Поэтому и нужно письменное обязательство.

— А если понадобится война?

— Тогда он скажет, что обстоятельства изменились.

Советник посмотрел на него.

— Значит, никакой гарантии нет?

Маттиас задумался.

— Есть гарантия, что нарушение придётся объяснять. Это меньше, чем хотелось бы, но больше, чем отсутствие договора.

На следующий день переговоры возобновились. Конрад выслушал окончательные требования городских представителей. Они настаивали на сохранении установленного порядка сбора, участии городов в контроле поступлений, возвращении трети доходов и обещании не вводить новые пошлины в течение жизни великого магистра. Последний пункт вызвал особенно долгий разговор. Казначей опасался, что подобное обязательство ограничит возможность государства получать средства при непредвиденных обстоятельствах. Конрад выслушал его опасения.

— Если возникнет новая нужда, — сказал он, — придётся снова искать согласия.

— Но города могут отказать.

— Могут.

— Тогда мы окажемся связанными собственным обещанием.

Великий магистр ответил не сразу. Он хорошо понимал цену подобного ограничения. В то же время знал, что без него Данциг и другие города не согласятся восстановить пошлину.

— Значит, обещать придётся то, что действительно намерены соблюдать, — сказал он наконец.

После этого работа над окончательным текстом продолжилась. Писари сверяли формулировки, представители городов уточняли порядок участия в сборе, орденские сановники следили за тем, чтобы соглашение не затрагивало другие права великого магистра. Маттиас находился среди сопровождавших делегацию. Он не участвовал в подписании, но к нему несколько

раз обращались за объяснениями практического порядка оценки товаров и ведения торговых записей. Его особенно интересовало положение о совместном взимании пошлины.

По предлагаемому порядку в Данциге при сборе должны были участвовать орденский брат и представитель городского совета. Маттиас настаивал перед своими советниками, что необходимо вести записи так, чтобы каждый купец мог проверить основание платежа и получить подтверждение уплаты. Один из советников заметил:

— Это уже забота тех, кого назначат собирать деньги.

— Тогда объясните им заранее, чего от них будут требовать.

К вечеру основные разногласия удалось устранить. Оставалось оформить документ надлежащим образом.

Двадцать шестого января 1443 года в Мариенбурге был заключён договор о восстановлении фунтовой пошлины.

Соглашение закрепляло порядок её взимания с морской торговли. При сборе должны были участвовать представитель Ордена и представитель городов. Треть поступлений, собираемых в Данциге, предоставлялась прусским городам, прежде всего для расходов на общие посольства и торговые дела. Конрад обязался при своей жизни не вводить новых пошлин сверх согласованных условий. Текст подготовили в нескольких экземплярах. Городские представители внимательно проверяли формулировки. Орденские служащие сверяли имена и полномочия. Возле стола лежали печати, которыми предстояло удостоверить соглашение. Конрад присутствовал при окончательном оформлении.

Он выглядел уставшим, но довольным тем, что долгие переговоры наконец дали результат. Однако его удовлетворение не было безусловным. Великий магистр понимал, что восстановленный доход не избавит государство от всех денежных затруднений. Казне всё равно придётся тщательно распределять средства, следить за состоянием хозяйств и искать способы сократить ненужные расходы. Для городов соглашение тоже не означало полной победы. Они согласились платить сбор, против которого долго выступали. Данциг, сопротивлявшийся особенно настойчиво, вынужден был принять условия общего решения. Но города добились участия в управлении поступлениями и ограничили возможность появления новых пошлин.

После завершения формальностей Конрад попросил представить ему окончательный экземпляр. Он внимательно осмотрел печати. Затем передал документ ответственному служащему и распорядился изготовить необходимые копии для комтурств и городских советов. Один из данцигских представителей подошёл проститься.

— Господин великий магистр, надеемся, что этот договор будет соблюдаться.

Конрад ответил:

— Я тоже. И надеюсь, что города не станут препятствовать взиманию того, на что согласились.

Советник поклонился. Маттиас стоял немного в стороне. Он наблюдал за людьми, которые ещё несколько дней назад горячо спорили, а теперь обменивались обычными словами благодарности. Ему было интересно, насколько быстро недавнее соглашение начнёт действовать на практике. На бумаге всё выглядело достаточно ясно. Но на пристани появятся новые книги, служащие, вопросы о стоимости груза, споры из-за состояния товаров и расходов на перевозку. Он хорошо представлял себе эти затруднения. Когда делегация собралась уезжать, Маттиас попросил разрешения взять копию соглашения для торгового дома. Один из советников обещал предоставить её после возвращения в Данциг.

— Прежде город должен получить надлежащий экземпляр.

Маттиас согласился. На обратной дороге он почти не участвовал в разговорах. Сопровождавшие обсуждали, кто добился большей уступки, как городские советы станут распределять свою долю доходов и следует ли считать соглашение успехом сословного движения. Одни были довольны, другие жаловались, что Орден всё-таки восстановил ненавистный сбор. Мат-

тиас слушал и время от времени отвечал на вопросы. Он думал о товарах, которые ожидали отправки, о капитанах, уже заключивших договоры, и о том, сколько времени понадобится, чтобы привести торговые книги в соответствие с новыми условиями. Когда повозки остановились на ночлег, он достал небольшой дорожный блокнот и начал составлять перечень изменений.

Затем вспомнил, что у старого капитана, с которым он договорился прошлым летом, весной должен состояться очередной рейс. Договор заключили ещё до восстановления пошлины. Теперь предстояло выяснить, как распределить новый расход. Маттиас закрыл блокнот. Утром он решил прежде всего написать капитану и предложить встречу.

В Данциг делегация вернулась к концу января. Город встретил её холодным ветром и низкими облаками. На улицах лежал грязный снег, возле причалов вода покрылась тонким льдом, который ломался от движения лодок. Большие морские суда большей частью оставались на зимней стоянке. Матросы занимались ремонтом снастей, плотники меняли повреждённые доски, конопатчики проверяли швы обшивки. В складах продолжалась работа, но обычного летнего шума не было. Маттиас отправился в торговый дом сразу после прибытия.

Старший приказчик встретил его известием, что капитан, с которым они договаривались о весенней перевозке, уже приходил дважды. Он узнал о соглашении с великим магистром и хотел выяснить, на каких условиях теперь придётся отправлять груз.

— Где его найти? — спросил Маттиас.

— На судне. Они чинят кормовую обшивку.

Маттиас поел, сменил дорожную одежду и отправился к причалу. Корабль стоял возле деревянных мостков. Несколько досок обшивки были сняты, в открытом участке виднелись внутренние крепления. Плотники работали под навесом, защищавшим их от снега. Возле борта лежали сложенные доски, пропитанные смолой верёвки и инструменты. Капитан заметил Маттиаса и спустился по сходням.

— Ну что, договорились?

— Договорились.

— Значит, снова будем платить?

— Да.

Капитан выругался, но без настоящего гнева. Он ожидал такого ответа.

— И сколько?

Маттиас объяснил условия. Капитан выслушал, затем попросил повторить, кто будет собирать деньги.

— Орденский брат и представитель городов.

— Вместе?

— По установленному порядку.

Капитан задумался.

— А если один скажет, что груз стоит столько, а другой — больше?

— Тогда придётся разбираться до уплаты.

— Прекрасно. Будем стоять у причала и ждать, пока они договорятся.

Маттиас не стал спорить. Они поднялись на судно. В трюме пахло сырой древесиной и дёгтем. У кормы плотник снимал повреждённую доску. Капитан показал место, где во время последнего плавания обнаружили течь. Вода проникала медленно, но к концу рейса её приходилось регулярно откачивать.

— Новая обшивка обойдётся дорого, — сказал капитан. — А теперь ещё пошлина.

Маттиас осмотрел повреждение.

— Когда закончите?

— Если доставят доски, через неделю. Потом надо дать смоле закрепиться, проверить швы и снова осмотреть весь низ.

— Успеете до начала плаваний?

— Если не возникнет новых неприятностей.

Они поднялись на палубу. На берегу двое рабочих тащили тяжёлую балку к соседнему судну. Один поскользнулся, но удержал груз. Старший плотник закричал на них, требуя двигаться осторожнее. Капитан проводил рабочих взглядом.

— С каждым годом ремонт становится дороже.

— Суда тоже стареют.

— Моё ещё послужит.

— Если не пытаться выйти в море с открытым швом.

Капитан рассмеялся. Они вернулись к разговору о договоре. Возможность изменения государственных сборов была предусмотрена заранее, но теперь требовалось определить действительный размер доплаты. Маттиас предложил не возлагать весь расход на судовладельца. Часть относилась к стоимости груза, часть — к установленным платежам за само судно. Придётся проверить окончательный порядок взимания и внести соответствующие изменения в расчёт перевозки. Капитан был недоволен.

— Выходит, мы всё равно потеряем деньги.

— Возможно, меньше, чем рассчитывали заработать.

— А ты?

— Тоже.

Они некоторое время стояли у борта. Ветер усилился. На открытой воде появились короткие тёмные волны. У причала скрипели верёвки, удерживавшие соседнее судно. Матросы спешили закрепить снятый парус, чтобы его не намочило снегом. Наконец капитан спросил:

— И что теперь делать?

— Чинить корабль.

— А потом?

— Грузить товар и идти, когда море позволит.

Капитан посмотрел на него, ожидая продолжения. Маттиас добавил:

— Если окажется, что перевозка больше не приносит прибыли, пересчитаем цену следующего рейса. Но этот договор исполним.

— Даже если придётся уступить?

— Мы уже согласовали условия.

Капитан протянул руку. Маттиас пожал её. Затем они спустились к плотникам. Капитан объяснил, какие доски ещё требуются для ремонта. Маттиас пообещал проверить, можно ли быстрее доставить подходящую древесину с одного из складов торгового дома. На берегу его остановил молодой плотник.

— Господин, это ваши доски пойдут на судно?

— Возможно. Сначала посмотрим размеры.

— Нам нужны длинные. Без трещин возле креплений.

Маттиас попросил назвать длину и толщину. Плотник показал старую доску, уже снятую с корпуса. На одном конце древесина потемнела от влаги, вокруг нескольких отверстий появились глубокие трещины.

— Вот здесь разошлось, — объяснил он. — Если поставить короткую, придётся делать лишний стык.

Маттиас осмотрел образец.

— Пришли человека на склад. Подберём.

Плотник поблагодарил и вернулся к работе. Когда Маттиас пришёл в торговый дом, день уже клонился к вечеру. Приказчик ожидал его с новыми расчётами.

— Ну что, капитан согласился?

— Согласился.

— Придётся добавить к расходам?

— Да.

— И кто заплатит?

Маттиас снял плащ и повесил его возле двери.

— Часть мы, часть судовладелец. По договору.

Приказчик нахмурился.

— Если всё время уступать, прибыль исчезнет.

— Тогда будем искать, на чём её заработать. Не станем менять уже заключённый договор только потому, что появилась новая пошлина.

Они проверили запасы древесины. Подходящие доски нашлись, но часть требовала дополнительной обработки. Маттиас велел отложить несколько лучших и отправить их плотникам утром. Приказчик удивился.

— Разве капитан уже заплатил?

— Заплатит по обычному счёту.

— А если откажется?

— Тогда не получит остальных.

Работа продолжалась до темноты. Когда последние записи были закончены, Маттиас вышел во двор проверить, подготовлен ли груз древесины. Работники уже складывали доски на телегу. Один держал фонарь, другой помогал закреплять верёвки. Под колёсами скрипел замёрзший снег. Маттиас подошёл и осмотрел груз. Верхняя доска оказалась с трещиной возле края.

— Эту замените.

Старший работник поднял фонарь.

— Трещина небольшая.

— Она пойдёт на обшивку судна. Возьми другую.

Доску сняли. Маттиас дождался, пока уложат новую, проверил крепления и велел отправляться утром, когда станет светло. Потом вернулся к складу. На двери по-прежнему висела старая железная скоба, которую когда-то заказал Хеннинг Брант. Маттиас сам несколько раз собирался заменить её, но она служила исправно. Он снял с пояса ключ, повернул его в замке и потянул дверь на себя, убеждаясь, что запор вошёл в гнездо. Во дворе работники погасили фонарь. Маттиас направился к дому.

Утром доски доставили к кораблю. Плотники сразу принялись подгонять их к корпусу, а капитан проверял, чтобы работа шла без задержки. Маттиас ненадолго остановился возле причала по дороге в контору. Он увидел, как молодому плотнику удалось поставить первую доску. Тот прижал её к креплениям, проверил прилегание, затем позвал помощника с деревянным молотком. Капитан стоял рядом. Заметив Маттиаса, он поднял руку. Купец ответил тем же и продолжил путь.

За спиной раздались первые удары молотка. Маттиас задержался ещё на несколько мгновений, прислушиваясь, как плотник подгоняет новую доску к старому корпусу. Хеннинг когда-то непременно подошёл бы проверить шов сам. Теперь на пристани всё чаще оставались дела, которые Маттиас мог либо поручить другому, либо не успеть закончить до темноты. Он пошёл в контору, но по дороге остановил мальчика-посыльного и велел передать капитану: оплату плотникам следует сверить до выхода в море, чтобы не пришлось расплачиваться на чужом берегу.

Глава 20. Города становятся сильнее

Данциг — Кульмская земля — Торн — Эльбинг — Мариенбург — Жемайтия.

1443–1447 годы.

Весной 1444 года в Данциге поднимали тяжёлую дубовую балку, когда лопнула одна из верёвок.

Рабочие заметили повреждение слишком поздно. Волокна разошлись возле места, где канат огибал деревянный блок, и тяжёлая балка, предназначенная для нового портового подъёмного устройства, внезапно накренилась. Один конец ударился о строительные леса, другой повис над настилом, по которому двое плотников переносили инструмент. Раздался треск. Люди бросились в стороны. Один из плотников успел отскочить к стене, второй упал, зацепившись сапогом за выступающую доску.

Балка рухнула на настил.

Удар был настолько силён, что несколько досок раскололись, а железные скобы вылетели из креплений. Над рекой поднялось облако древесной пыли. Кто-то закричал, требуя остановить работу. Люди, находившиеся внутри ещё не законченной деревянной конструкции, перестали вращать большое ступальное колесо. Канаты обмякли. На мгновение возле строительной площадки наступила тишина, нарушаемая только шумом воды и стонами пострадавшего. Маттиас услышал треск со стороны складов.

Он как раз проверял погрузку партии воска, приготовленной к отправке на запад. Вместе со старшим приказчиком стоял возле причала, когда над строившимися воротами поднялась пыль и люди побежали к месту падения.

— Что там случилось? — спросил приказчик.

Маттиас уже направлялся к строительным лесам. Новое портовое сооружение возводили на месте старого деревянного крана, уничтоженного пожаром двумя годами раньше. Город не мог обходиться без устройства, позволявшего поднимать тяжёлые грузы и устанавливать корабельные мачты. За время строительства пришлось использовать временные приспособления, разделять большие партии товаров между несколькими причалами и нередко привлекать больше грузчиков, чем прежде.

Теперь над Мотлавой поднималась внушительная постройка из кирпича и дерева. Её основание связывали с городскими укреплениями, а внутри должны были работать огромные колёса, приводившие подъёмный механизм в движение силой человеческих ног. Снаружи устройство казалось почти неподвижной крепостью. Но в дни строительства оно напоминало огромный корабль, поднятый на берег и ещё не получивший ни обшивки, ни снастей. Маттиас протиснулся между собравшимися. Пострадавший лежал на боку. Его правая нога оказалась придавлена обломком доски. Двое рабочих пытались освободить её, но опасались сдвинуть тяжёлый конец балки, лежавший неподалёку. Руководивший работами мастер Бертольд, высокий широкоплечий человек с густой седеющей бородой, отдавал распоряжения.

— Не тяните его! Сначала уберите доску. И принесите лом!

Маттиас остановил одного из помощников.

— За лекарем послали?

— Послали, господин.

— Кто-нибудь знает, где его дом?

Молодой рабочий показал в сторону ближайшей улицы. Маттиас велел ему бежать следом за посланным и передать, что человека придавило деревянной конструкцией. Затем вместе с мастером осмотрел обломки.

— Балка ещё может сдвинуться? — спросил он.

Бертольд присел у крепления и осторожно потянул оборванный конец каната. Держаться за одну оставшуюся снасть было опасно.

— Может. Пока держится на другом канате, но полагаться на него нельзя.

Рабочие принесли толстые деревянные подпорки. Их осторожно установили под висящий конец. Затем при помощи рычагов освободили проход к пострадавшему. Когда человека перенесли под навес, оказалось, что нога сломана. На лбу выступил холодный пот, губы побе-

лели. Он пытался отвечать на вопросы, но от боли не мог связно говорить. Маттиас узнал его: это был один из плотников, несколько раз работавших на складах торгового дома Бранта.

— Где его семья? — спросил он.

Бертольд назвал улицу. Маттиас поручил приказчику сообщить родным о случившемся и проследить, чтобы пострадавшего доставили домой только после осмотра лекарем. Мастер тем временем уже осматривал оборванный канат. Он поднял свободный конец, провёл ладонью по распустившимся волокнам и сердито позвал помощника, отвечавшего за снасти.

— Когда проверяли?

— Вчера.

— Кто?

— Я.

— И не увидел?

Помощник побледнел.

— Снаружи ничего не было заметно.

Бертольд поднёс верёвку ближе к свету. Повреждение действительно находилось внутри туго стянутого участка. Часть волокон истёрлась, но снаружи канат выглядел почти исправным.

— Надо было распустить и проверить, — произнёс мастер.

— Тогда пришлось бы останавливать работу.

— Теперь остановили.

Маттиас не вмешивался. Он понимал, что мастер отвечает за безопасность людей и сохранность дорогостоящих материалов. Но видел и другое: строители торопились закончить сооружение к началу наиболее оживлённого торгового сезона. Городские советники постоянно спрашивали о сроках, купцы жаловались на задержки, а всякий день простоя требовал дополнительных расходов. Бертольд приказал заменить все канаты, использовавшиеся для подъёма больших балок. Помощник возразил, что новые ещё не доставлены.

— Значит, будем ждать.

— Совет требует закончить устройство до следующего месяца.

Мастер резко повернулся к нему.

— Тогда пусть совет пришлёт людей, которые смогут удерживать балки руками.

Работы прекратили.

Маттиас вернулся к своим складам, но происшествие не выходило у него из головы. Вечером он узнал, что пострадавшему плотнику вправили ногу и наложили деревянные шины. Лекарь не мог обещать полного выздоровления. Несколько недель человек не сумеет работать, а возможно, хромота останется надолго. На следующий день Маттиас отправился к нему домой. Жилище находилось в узком переулке, где низкие деревянные пристройки теснились возле каменных домов более состоятельных горожан. Во дворах сушилась одежда, возле дверей стояли бочки с водой, пахло дымом, мокрой древесиной и варёной капустой.

Плотник лежал на широкой деревянной постели. Повреждённая нога была приподнята на свёрнутом одеяле. Рядом сидела жена, женщина с усталым лицом и огрубевшими от работы руками. Двое детей выглядывали из-за двери. Увидев Маттиаса, пострадавший попытался приподняться.

— Лежи, — сказал купец. — Я ненадолго.

Он принёс хлеб, немного сушёного мяса и небольшую сумму денег. Женщина посмотрела на свёрток, но не протянула руку.

— Город будет платить за увечье? — спросила она.

— Не знаю. Нужно выяснить, на каких условиях он работал.

— Муж сказал, что верёвки давно следовало заменить.

Плотник сердито повернул голову.

— Я такого не говорил.

— Говорил вчера, когда тебя принесли!

— Я сказал, что они старые.

Маттиас сел возле постели.

— Ты предупреждал мастера?

Плотник отвёл взгляд. Ответ мог повредить не только мастеру, но и его собственному месту на стройке.

— Нет.

— Почему?

— Там у всех работы по горло. Если станешь жаловаться на каждую верёвку, тебя быстро заменят.

Жена больного повернулась к очагу, чтобы скрыть слёзы. Маттиас видел, что пострадавший больше боится потерять заработок, чем жалуется на боль.

— Мастер сам приказал заменить канаты. Он понимает, что произошло.

— Понимать-то понимает. Только мне от этого легче не станет.

Маттиас положил деньги на стол.

— Это не вместо того, что тебе причитается. Я поговорю с людьми из совета.

Плотник поблагодарил. Уже у двери женщина остановила гостя.

— Господин, а если он больше не сможет подниматься на леса?

Маттиас не стал обещать, что всё обойдётся.

— Тогда придётся искать ему другую работу.

— Кто возьмёт плотника, который не может ходить?

— Сначала пусть нога заживёт. Потом решим.

На улице он задержался возле дома. Дети пострадавшего уже вернулись к своим занятиям. Один мальчик пытался поправить деревянное колесо небольшой тележки, другой подбирал обломки досок возле сарая. Их мать вышла к колодцу, набрала воды и понесла тяжёлое ведро в дом. Маттиас смотрел, как она поднимается по неровным ступеням. Новый кран обещал сделать порт сильнее и богаче. Но для семьи плотника строительство пока принесло только боль, потерянный заработок и тревогу.

На следующий день Маттиас отправился в городскую управу с именем пострадавшего плотника и свидетельствами о состоянии каната. Он просил не только помощи семье, но и остановки подъёмных работ до полной проверки. Один из советников напомнил, что купцы сами требовали скорее закончить кран: дополнительные недели задержки оплачивать придётся городу, а потерянные рейсы — торговым домам. Маттиас узнал собственную прежнюю просьбу ускорить работы в перечне обращений, лежавшем перед советником. Он уже не мог сказать, будто к спешке не имел отношения.

Совет потребовал объяснений мастера Бертольда и распорядился осмотреть канаты, но часть торговцев обвинила Маттиаса в том, что он желает устранить конкурентов от нового подъёмного устройства. Его дому на время отказали в первоочередной разгрузке партии древесины. Маттиас принял потерю, хотя приказчик всю неделю напоминал о простое. Он не знал, вернёт ли это плотнику здоровье; знал лишь, что молчать после увиденного было бы удобнее и дешевле.

Через несколько недель портовый кран снова начал работать. Заменили повреждённые канаты, укрепили настилы, проверили колёса и подъёмные механизмы. Мастер Бертольд заставил помощников несколько раз испытать устройство на грузе, значительно меньшем предельного, и только затем разрешил поднимать тяжёлые бочки и корабельные детали. В день первого большого испытания у причала собралось немало людей. Городские советники наблюдали за работой с возвышения возле ворот. Купцы пришли посмотреть, насколько быстрее теперь можно будет разгружать суда. Плотники и кузнецы следили за поведением деревянных и желез-

ных креплений. Простые горожане стояли вдоль берега, откуда хорошо виднелась большая балка, выступавшая над водой. Внутри сооружения начали вращаться ступальные колёса.

Люди шли по их внутренним перекладинам, заставляя огромные деревянные ободы медленно поворачиваться. Канат натянулся, блоки заскрипели. Тяжёлый груз, прежде требовавший усилий множества грузчиков, отделился от настила и поднялся над бортом судна. На берегу раздались одобрительные возгласы. Маттиас стоял рядом с одним из городских советников.

— Теперь можно будет принимать гораздо более тяжёлые партии, — сказал тот. — И меньше времени тратить на каждую разгрузку.

— Если устройство будет исправно, — заметил Маттиас.

Советник посмотрел на него.

— Ты всё ещё вспоминаешь тот случай?

— Плотник до сих пор лежит дома.

— Город помогает ему.

— Знаю. Я сам разговаривал с людьми, которые это устроили.

Советник не стал продолжать спор. Он указал на груз, уже опускавшийся к причалу.

— Подумай, сколько товаров теперь сможем принимать. Купцам не придётся держать суда по нескольку дней, ожидая освобождения подъёмных приспособлений.

Маттиас согласился.

Маттиас обошёл сооружение со стороны улицы. За подъёмным механизмом поднимались две тяжёлые кирпичные башни, и в их стенах оставили узкие отверстия, через которые при необходимости можно было защищать подходы с воды. Воротам предстояло служить не только купцам. Именно это больше всего раздражало орденских представителей. После пожара прежних деревянных ворот бургомистр Генрих Ворrат добивался строительства прочного каменного сооружения. Орден настаивал, чтобы новый кран оставался хозяйственным устройством и не превращался в укрепление возле его собственных владений. Городские советники не пожелали отказаться от оборонительных башен; ради ускорения строительства в 1443 году им пришлось установить особый сбор.

Один из советников, заметив его взгляд на узких окнах, сказал тише: — Замковым братьям не нравится, что отсюда можно видеть реку и удерживать воротный проход. Маттиас провёл ладонью по новой кладке. — Купцы платили не только за подъём бочек? — За сохранность гавани тоже. Маттиас не стал отвечать. На причале всё ещё трудились люди, получавшие плату за перенесённый груз, а над ними стояли стены, о которых уже спорили те, кто распоряжался городом и замком. В счётах эти разногласия не помещались в одну строку.

Он сам рассчитывал увеличить оборот торгового дома. Новый кран позволял быстрее перегружать крупные партии, облегчал работу с тяжёлыми корабельными мачтами и сокращал расходы на часть операций. Но преимущества не распределялись поровну. Большие купцы могли оплачивать хранение товара и заранее заказывать услуги подъёмного устройства. Небольшим торговцам приходилось ждать, пока освободится время между крупными поставками. Город устанавливал плату за работу крана, а расходы на его содержание включались в общие портовые расчёты. Маттиасу пришлось убедиться в этом уже через несколько дней.

К нему пришёл купец из небольшого прусского города, доставивший по реке партию древесины и бочки с льняным маслом. Он хотел воспользоваться новым устройством, но выяснил, что ближайшие сроки заняты.

— Мне сказали ждать четыре дня, — сообщил он.

— Груз большой?

— Для меня большой. Для Данцига, наверное, ничтожный.

Маттиас попросил показать записи. Оказалось, что крупные торговые дома заранее заказали подъём тяжёлых грузов. Их договоры занимали почти всё доступное время.

— Ты обращался к смотрителю? — спросил Маттиас.

— Обращался. Он предложил заплатить больше за внеочередную работу.

— Насколько больше?

Купец назвал сумму. Маттиас нахмурился.

— Это почти столько же, сколько ты сэкономишь на разгрузке.

— Вот именно. Получается, город построил кран для себя, а нам оставил старые причалы.

Маттиас предложил проверить возможность разгрузки обычным способом, но купец возразил, что тогда потеряет ещё больше времени. В конце концов удалось договориться о совместной разгрузке с другим торговым домом, чья партия занимала лишь часть заказанного времени. Купец заплатил меньше первоначально названной суммы, однако расходы всё равно оказались выше ожидаемых. Позднее на городском собрании Маттиас поднял вопрос о порядке пользования новым подъёмным устройством. Он не требовал отменить преимущество тех, кто заранее заказывал работу. Без определённого расписания порт быстро погрузился бы в беспорядок. Но считал необходимым оставить время для небольших партий, которые нельзя было предвидеть за несколько недель. Некоторые советники поддержали предложение.

Другие возразили, что содержание крана требует больших средств и что состоятельные торговые дома дают городу постоянный доход.

— Значит, — сказал один из них, — мы должны предпочесть человека с пятью бочками тому, кто привёз пятьдесят?

— Нет, — ответил Маттиас. — Но если всегда будем обслуживать только пятьдесят, обладатель пяти бочек однажды перестанет приходить в нашу гавань.

— И куда пойдёт?

— В Эльбинг. Или найдёт другой способ отправить товар.

Советник усмехнулся.

— Пусть попробует. Там тоже не станут разгружать бесплатно.

— Бесплатно никто не просит.

Разговор продолжался долго. Маттиас возвращался домой раздражённым. Он понимал доводы городских советников, но всё яснее замечал, что богатство Данцига само по себе не делает всех его жителей богаче. У причала работали люди, которым платили за день или выполненную работу. В городских домах жили ремесленники, зависевшие от заказов. Небольшие торговцы вкладывали в один рейс почти всё состояние. Для них задержка на несколько дней могла оказаться гораздо тяжелее, чем для купца, имевшего несколько складов и множество договоров. Вечером Маттиас открыл торговые книги Хеннинга Бранта и просмотрел последние расчёты. Дом действительно получал выгоду от нового крана.

Он мог быстрее принимать товар, уменьшать расходы на погрузку и сокращать время простоя судов. Доходы росли, а вместе с ними увеличивалась способность участвовать в городских делах и оплачивать сословные посольства. Маттиас закрыл книгу. Он не собирался отказываться от этой выгоды. Но на следующий день попросил приказчика составить отдельные условия для небольших поставщиков, с которыми торговый дом работал много лет. Если их груз можно было объединить с собственной партией, расходы на подъём следовало распределять соответственно фактическому объёму товара. Приказчик предупредил, что это уменьшит прибыль.

— Немного, — ответил Маттиас.

— Зачем?

— Потому что иначе через год нам придётся искать новых поставщиков.

Они начали пересматривать договоры.

Через несколько дней выяснилось, что один из небольших купцов, которому не досталось места у крана, нанял людей перегружать бочки на старой пристани. На мокром настиле разбили две ёмкости с льняным маслом. Городской смотритель не счёл себя ответственным: купцу ведь

предлагали ждать. Маттиас увидел лужу на досках, услышал, как хозяин ругает измазанных маслом работников, и предложил совету на время отвести определённые часы подъёма для небольших партий. Старший торговец возразил, что корабли с большим грузом не могут ждать ради нескольких бочек.

Маттиас знал, что и его дом потеряет удобное время у крана. Он всё же подтвердил предложение собственным именем. Вечером приказчик показал, сколько придётся заплатить за дополнительный день стоянки их судна. Купец проверил счёт, подписал и долго слушал, как по ту сторону склада перекатывают пустые бочки. Городское сооружение стало причиной спора не потому, что плохо работало; оно работало так хорошо, что каждому хотелось пользоваться им прежде соседа.

Осенью того же года Петер Краузе столкнулся с тем, что городские торговые порядки могут быть не менее обременительными, чем орденские повинности. Урожай оказался лучше прошлогоднего. Весной хватило влаги, летние дожди не затянулись, а в конце августа установилась погода, позволившая убрать зерно без больших потерь. В амбаре лежали мешки ржи, овса и ячменя. Часть следовало оставить на семена, часть — на корм скоту, остальное можно было продавать. Новая лошадь исправно работала всё лето. Петер уже не сожалел о деньгах, потраченных на её покупку. Без хорошей упряжки он не успел бы закончить полевые работы вовремя. Но теперь возник другой вопрос: кому продавать зерно.

На ближайший рынок приехал чужеземный торговец, сопровождавший небольшую группу купцов, занимавшихся закупками для морской перевозки. Человек говорил на понятном немцам языке, хотя некоторые слова произносил непривычно. Он расспрашивал о количестве свободного зерна, состоянии дорог и возможности доставлять большие партии по воде. Петер услышал о нём от соседа.

— Платит больше наших, — сообщил тот.

— За какое зерно?

— За хорошую рожь. И ячмень берёт.

— Сколько обещает?

Сосед назвал цену. Петер удивился. Она действительно была выше обычной.

— И где принимает?

— Хочет договориться прямо с хозяевами.

Петер задумался. Покупатели, приезжавшие из городов, нередко предлагали более высокую цену за лучшие партии. Но если товар приходилось доставлять далеко, выгода уменьшалась из-за расходов на перевозку. Здесь же чужеземец обещал прислать собственные повозки и забрать зерно неподалёку от деревни.

— Кто его знает? — спросил Петер.

Сосед назвал местного землевладельца, у которого торговец уже побывал. На следующий день Петер отправился на встречу. Чужеземец остановился в большом хозяйственном дворе, где несколько работников разгружали мешки с зерном. Рядом стояли повозки. У ворот собрались крестьяне из соседних селений. Одни пришли узнать цену, другие привезли образцы товара. Петер дождался своей очереди. Торговец осмотрел рожь, потёр зерно между пальцами, понюхал и спросил, сколько мешков хозяин готов продать. Петер назвал количество.

— Могу взять всё, — ответил купец.

— По той цене, которую обещал?

— Если зерно такого же качества.

Петер попросил уточнить условия. Выяснилось, что покупатель готов заплатить часть суммы сразу, а остальное после проверки всей партии. Если обнаружится сырость или примесь плохого зерна, цену пересмотрят. Петер не возражал против осмотра, но хотел знать, кто будет решать, соответствует ли товар образцу.

— Мой приказчик, — ответил купец.

— А если мы не согласимся?

Чужеземец развёл руками.

— Тогда заберёшь зерно обратно.

— Но оно уже будет у тебя.

— Мы составим договор.

Петер посмотрел на привезённый образец.

— Мне нужно подумать.

Купец не стал уговаривать. На обратном пути Петер встретил городского торгового посредника, с которым прежде имел дело. Узнав о переговорах с чужеземцем, тот нахмурился.

— Не советую продавать ему.

— Почему?

— Он не имеет права покупать зерно где ему вздумается.

— Откуда ты знаешь?

— Есть установленные торговые порядки. Чужие купцы должны пользоваться городскими рынками.

Петер удивился.

— Значит, если он предложит мне больше денег, я всё равно должен везти зерно к тебе?

— Не ко мне. На законный рынок.

— А там ты предложишь меньше.

Посредник сердито ответил, что сам несёт расходы на перевозку, хранение и уплату сборов. Петер слушал.

— Чужеземец тоже должен будет везти зерно, — заметил он.

— Но он пытается обойти городские права.

— А мне что от этих прав?

Купец постучал пальцем по краю весов. Он видел за зерном прежде всего стоимость закупки и перевозки, тогда как Петер считал собственные месяцы работы.

— Без городов ты вообще не продашь урожай за море.

— Я и не собираюсь ехать за море.

— Но покупатель собирается. И если каждому позволят торговать где угодно, кто будет содержать рынки, склады и дороги?

Петер не ответил. Он впервые услышал довод, похожий на объяснения орденских служащих, с которыми спорил из-за дорожных повинностей. Те тоже напоминали, что без обязательных работ невозможно поддерживать переправы и дороги. Теперь городской купец говорил о складах и рынках. Разница заключалась в том, что сам посредник получал доход от установленного порядка, тогда как Петеру приходилось соглашаться на предложенную цену. Вечером он рассказал о случившемся жене. Она выслушала и спросила:

— Чужеземцу можно доверять?

— Не знаю.

— А прежнему купцу?

— Его хотя бы знаем.

— Тогда зачем рисковать всем зерном?

Петер достал из сундука небольшую книгу, в которой записывал доходы и расходы хозяйства. Писать он умел медленно, поэтому многие сведения обозначал короткими словами и условными знаками. Иногда ему помогал старший сын, уже научившийся считать достаточно хорошо, чтобы проверять количество мешков.

— Если продать половину чужеземцу, — сказал Петер, — получим больше. Остальное можно оставить прежнему покупателю.

Жена задумалась.

— А если чужеземец не заплатит?

— Тогда потеряем половину.

— Много.

— Много.

Они долго обсуждали возможные решения. Наконец договорились не отдавать товар без достаточного обеспечения. Петер хотел получить большую часть денег при передаче зерна, а остаток — только после проверки, проведённой в присутствии представителя обеих сторон. Утром он отправился к землевладельцу, у которого остановился купец, и попросил помочь составить договор. Тот выслушал условия.

— Ты собираешься торговать самостоятельно?

— Хочу попробовать.

— Понимаешь, что городские купцы будут недовольны?

— Понимаю.

— Они могут ссылаться на свои привилегии.

Петер упёрся ладонями в край стола. Ему было трудно принять, что право продать урожай может зависеть от выгоды человека, предлагающего меньшую цену.

— Значит, моим зерном будет распоряжаться тот, кому выгодно заплатить за него меньше?

Землевладелец не стал отвечать сразу.

— Дело сложнее. Города содержат торговые учреждения, через которые идёт значительная часть товаров. Они имеют признанные права. Если позволить чужим купцам свободно покупать в деревнях, некоторые городские доходы уменьшатся.

— А наши увеличатся.

— Возможно.

— Тогда почему мы не можем хотя бы обсудить это?

Землевладелец некоторое время разглядывал Петера.

— Именно об этом мы и спорим с городами на сословных собраниях.

Петер удивился.

— Вы же вместе состоите в союзе.

— Вместе.

— И всё равно спорите?

Землевладелец усмехнулся.

— Иногда больше, чем с Орденом.

Он согласился помочь составить договор, но предупредил, что прежде необходимо проверить допустимость сделки по действующим торговым порядкам. До выяснения этого вопроса зерно передавать не следовало. Петер вернулся домой без окончательного решения. Чужеземный купец вскоре уехал, пообещав вернуться, если условия торговли будут улажены. Несколько соседей поспешили продать зерно обычным посредникам, опасаясь падения цены. Другие решили подождать. Петер оставил большую часть товара в амбаре.

Через две недели начались дожди.

Пришлось снова проверять крышу, переставлять мешки и следить, чтобы зерно не отсырело. Каждый день ожидания увеличивал риск потери. Более высокая цена, обещанная чужеземцем, теперь казалась не такой несомненной выгодой. Однажды утром Петер обнаружил сырость возле стены амбара. Несколько мешков намокли снизу. Он позвал сына и велел перенести их на сухой настил. Потом сам поднялся на крышу, нашёл повреждённый участок и заменил две доски. Вечером жена спросила:

— Может быть, пора продать?

Петер задержался у сложенных мешков. Продать всё сейчас означало не опасаться сырости, но отказаться от возможной прибавки к цене.

— Часть продам. Остальное пока оставим.

Он понимал, что упустил возможность получить деньги раньше. Но не считал попытку бесполезной. Теперь он лучше представлял, какие ограничения мешают сельским хозяевам распоряжаться собственным урожаем и почему городские купцы защищают существующий порядок. На следующем собрании местных хозяев он передал через знакомого землевладельца просьбу обсудить право продажи зерна непосредственно чужеземным торговцам. Петер не ожидал, что его имя будет названо перед большим собранием. Но через несколько недель узнал, что подобные требования выдвигают и другие сельские хозяева.

В Торне Иоганн фон Байзен выслушал жалобы землевладельцев на городские торговые порядки после долгого заседания, посвящённого совершенно другим делам. Сначала обсуждали судебные обращения. Затем перешли к расходам на содержание посольств. Лишь под вечер один из рыцарей попросил слова и поднял вопрос о продаже зерна.

— Мы производим товар, — сказал он, — но не всегда вправе продать его тому, кто предлагает лучшую цену.

Торнский советник возразил, что право свободной торговли должно соответствовать признанным городским привилегиям.

— Эти привилегии существуют не для того, чтобы обманывать землевладельцев, — добавил он. — Они позволяют поддерживать торговый порядок.

Рыцарь раздражённо ударил ладонью по столу.

— Вы называете порядком то, что заставляет нас продавать дешевле.

— А вы называете свободой возможность обойти городские рынки и оставить нас без дохода.

— Если ваши рынки действительно полезны, люди сами станут ими пользоваться.

Советник покраснел.

— Без установленных правил чужеземные торговцы скупят зерно на месте, а потом продадут его через другие порты. Наши склады опустеют, суда останутся без груза.

— Значит, весь край должен содержать ваши склады?

Байзен остановил спор. Он попросил обоих объяснить, какие именно права затрагиваются и какие торговые обычаи действуют в отдельных землях. Выяснилось, что даже среди городов не существует полного согласия. Большие порты заинтересованы в сохранении контроля над главными потоками товаров. Малые города опасаются, что сами окажутся зависимыми от Данцига, Торна и Эльбинга. Один из представителей небольшого города поднялся.

— Когда спорим с Орденом, вы говорите, что мы должны защищать общие свободы. Но как только речь заходит о торговле, каждый большой город вспоминает только собственную грамоту.

Данцигский советник ответил:

— Наши права подтверждены законными государями.

— И наши тоже.

— Тогда покажите документы.

— Покажем. Но вы не захотите признать их, если они ограничат вашу выгоду.

Байзен слушал всё более внимательно. Впервые за долгое время ему показалось, что опасность для союза исходит не от великого магистра. Представители, ещё недавно единодушно требовавшие справедливого суда, теперь готовы были обвинять друг друга в корысти. Каждый ссылался на законные права, однако содержание этих прав зависело от положения человека, произносившего слова. После заседания Байзен пригласил нескольких участников остаться. Он предложил не принимать поспешного решения, а собрать сведения о действительном порядке торговли в разных землях. Требовалось выяснить, какие городские права подтверждены грамотами, какие обычаи сложились позднее и какие ограничения возникли из-за действий отдельных советов.

— Это займёт месяцы, — возразил рыцарь.

— Вероятно.

— А люди будут продолжать продавать зерно дешевле.

— Если сейчас объявим городские права недействительными, мы сами нарушим те основания, ради защиты которых создали союз.

Торнский советник впервые за день согласился с Байзеном без оговорок. Рыцарь из Кульмской земли раздражённо отодвинул стул.

— Выходит, когда Орден требует соблюдения собственных прав, мы должны спорить. Когда того же требуют города, нам следует ждать.

Байзен поднялся.

— Нет. Я предлагаю требовать доказательств от всех одинаково.

Собеседник хотел возразить, но Байзен продолжил:

— Если право города подтверждено, нельзя просто объявить его несправедливым потому, что оно нам невыгодно. Тогда придётся договариваться об изменении. Если же совет требует больше, чем ему предоставлено, он должен это исправить.

— А кто заставит?

— Сначала попробуем убедить.

Рыцарь недовольно покачал головой.

— Ты всё ещё веришь в убеждение.

Байзен чувствовал усталость от разговора, но больше — от того, что брат всякий раз принимает осторожность за слабость.

— Я вижу, чем заканчиваются дела, когда люди перестают разговаривать раньше, чем выяснят предмет спора.

Они разошлись без согласия. На следующий день Байзен получил письмо от одного из представителей малого города. Автор сообщал, что совет обсуждает возможность сократить участие в общих расходах союза, если большие города продолжат отстаивать только собственные торговые преимущества. Байзен перечитал письмо и поручил подготовить ответ. Он просил не принимать решения до следующего общего собрания и обещал поставить вопрос о торговых правах в повестку. Потом отправился в хозяйственный двор, где его ожидала лошадь. По дороге домой он остановился возле небольшой мельницы. Управляющий сообщил, что арендаторы жалуются на высокую плату за помол. Байзен попросил показать расчёты.

Оказалось, что часть платы установлена по старому обычаю, а часть появилась после недавнего ремонта оборудования.

— Кто разрешил прибавить? — спросил он.

Мельник назвал управляющего. Тот объяснил, что без дополнительных поступлений не сможет покрыть расходы. Байзен осмотрел новые жернова, проверил записи о ремонте и велел временно оставить прежнюю плату до выяснения условий договора. Управляющий возразил:

— Тогда мы будем работать в убыток.

— Подготовь расчёт.

— Я уже показывал.

— Показывал расходы. Теперь покажи, сколько получаешь от помола.

Байзен остался до вечера. Пока разбирали записи, крестьяне продолжали привозить зерно. Возле мельницы стояла очередь из нескольких повозок. Люди ждали, когда освободится место для разгрузки, переговаривались, кормили лошадей. Один из них спросил служителя, почему работа задерживается. Тот ответил, что господин разбирается с платой.

— Хорошо бы разобрался быстрее, — заметил крестьянин. — Мне ещё домой ехать.

Байзен услышал замечание через открытое окно. Он велел закончить расчёты утром и разрешил мельнику продолжать работу по прежнему порядку. Вечером управляющий спросил:

— А если арендаторы снова потребуют уменьшить плату?

— Тогда выслушаем.

— И каждый раз будем считать заново?

Байзен постучал костяшкой пальца по расчётам. За числами стояло не личное преимущество, а возможность однажды прекратить этот спор.

— Нет. Один раз установим ясно, сколько и за что следует платить. Затем будем соблюдать.

Он сел в седло и направился домой. За последние месяцы ему не раз приходилось произносить подобные слова. Но теперь он всё лучше понимал, почему на практике это оказывается так трудно. Даже небольшая мельница существовала за счёт труда и платежей нескольких десятков людей, чьи интересы далеко не всегда совпадали.

А в Прусском союзе таких людей были тысячи.

Весной 1445 года Маттиас из Данцига впервые столкнулся с открытым недовольством собственных работников из-за устройства, которое ещё недавно считалось главным достижением городского порта. Новый подъёмный кран действовал исправно. Тяжёлые грузы перемещали быстрее, разгрузка больших судов занимала меньше времени, а на наиболее удобных причалах теперь можно было принимать партии, которые прежде требовали особой подготовки. Для торгового дома Бранта это означало заметное увеличение оборота.

Маттиас расширил один из складов, нанял дополнительных людей для учёта товаров и договорился о постоянных поставках древесины. Приказчик предложил приобрести ещё одну речную лодку, чтобы не зависеть от перевозчиков при доставке товара с верховьев Вислы. Расчёты показывали, что вложение может оправдаться за несколько торговых сезонов. Но в начале мая группа грузчиков попросила пересмотреть плату за работу. Маттиас принял их во дворе склада. Пришли пятеро. Среди них находился старый работник, служивший ещё Хеннингу Бранту. Остальные были моложе. Один совсем недавно женился, другой имел троих детей, третий подрабатывал зимой ремонтом рыболовных лодок. Говорил за всех старший.

— Господин Маттиас, мы теперь разгружаем больше товара, чем прежде.

— Знаю.

— А получаем почти столько же.

Маттиас попросил объяснить. Оказалось, что после введения нового подъёмного устройства часть работ стала выполняться быстрее. Заказы следовали один за другим, грузчики почти не имели прежних перерывов между судами. При этом плата оставалась прежней, хотя объём перенесённого и размещённого товара увеличился. Старший приказчик вмешался:

— Вы работаете столько же часов, сколько раньше.

— Но теперь не успеваем даже передохнуть, — ответил один из молодых. — Раньше, пока ждали подъёма тяжёлой бочки, можно было хотя бы выпрямить спину. Теперь она сразу идёт на склад, за ней другая.

— За это вам и платят.

— Нам платят за работу, а не за то, чтобы мы падали от усталости.

Приказчик рассердился. Маттиас остановил его.

Маттиас попросил назвать прежнюю и нынешнюю дневную выработку. Грузчики сначала отвечали неуверенно: каждый помнил наиболее тяжёлый день. Когда принесли складские книги, выяснилось, что через причал действительно проходит больше товара, но часть старой работы выполняет кран. На месте, где раньше требовалось восемь человек, теперь часто хватало пятерых. Приказчик указал на эту разницу как на доказательство снижения расходов.

Старший грузчик отвёл купца к складу и показал бочки, которые механизм поднимал с корабля, но не мог расставить по местам. Плечи работников оставались натруженными, а опасные повороты на мокром настиле никуда не исчезли. Маттиас попросил отдельно подсчитать время на подъём и время на укладку: только после этого имело смысл менять плату.

— За то, что мы пришли вместе, нас не прогонят? — спросил самый молодой. Маттиас не стал обещать ничего сверх своей власти, но велел приказчику не увольнять людей за участие

в нынешнем разговоре. Теперь ему приходилось отвечать не только за цифры, но и за слово, произнесённое при всей бригаде.

Разговор продолжился спокойнее. Маттиас предложил изменить порядок оплаты. За обычную работу сохранялась прежняя плата. При значительном увеличении дневного объёма предусматривалась доплата. Отдельно следовало оплачивать работу, связанную с особыми трудностями и риском, если её нельзя было выполнить обычным способом. Приказчик возразил, что такой порядок усложнит расчёты.

— Составим перечень, — ответил Маттиас.

— Каждому придётся записывать количество товара.

— Мы и так его записываем.

Старший грузчик попросил уточнить, как будут определять доплату, если работа зависит от нескольких человек сразу. Маттиас предложил учитывать бригаду, а не каждого отдельно, и позволить работникам самим согласовать распределение дополнительной суммы при условии, что никто не будет лишён установленной платы. Молодые грузчики переглянулись. Один спросил:

— А если старший заберёт больше остальных?

Старший резко повернулся к нему.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что. Просто спрашиваю.

Маттиас увидел, что новая ссора может начаться уже между самими работниками.

— Тогда распределение следует записывать заранее, — сказал он. — И каждый должен знать, сколько получит.

Согласие удалось получить не сразу. Один грузчик хотел одинаковую доплату всем, другой настаивал, что опытный работник должен получать больше. Третий напомнил, что во время погрузки тяжёлого железа риск выше, чем при переноске лёгкого полотна, хотя общее число грузовых мест может быть меньше. В конце концов решили испытать новый порядок в течение месяца. Маттиас не стал требовать от работников обещания, что больше никаких жалоб не последует. Он распорядился вести отдельные записи о времени, количестве груза и повреждениях инструмента, чтобы после испытательного срока можно было сравнить действительные расходы. Когда люди разошлись, приказчик сердито сказал:

— Теперь они будут приходить с требованиями каждый месяц.

— Если найдут основания, придётся слушать.

— А если не найдут?

— Тогда покажем расчёт.

Приказчик указал на книги.

— Ты понимаешь, что мы только что увеличили расходы?

— Понимаю.

— И всё это потому, что город построил кран, который должен был сделать работу дешевле.

Маттиас закрыл книгу.

— Он сделал дешевле подъём тяжёлых грузов. Но людей от этого не стало меньше уставать.

Приказчик хотел возразить, затем передумал. Вечером Маттиас вновь встретил мастера Бертольда. Тот пришёл договариваться о поставке древесины для ремонта портовых сооружений. После окончания дел разговор зашёл о плотнике, пострадавшем при строительстве крана.

— Как он? — спросил Маттиас.

— Ходит, — ответил Бертольд. — Но хромает. На высокие леса больше не поднимается.

— Работу нашёл?

— Помогает мне осматривать древесину и готовить детали. По лестницам ходит плохо, зато видит трещины в досках лучше молодых.

Маттиас обрадовался.

— И получает достаточно?

Мастер бросил взгляд на устроенное для плотника место. Работа не приносила прежнего заработка, зато больше не требовала стоять на повреждённой ноге.

— Меньше прежнего. Но работа постоянная.

— Я могу поручить ему осмотр дерева, которое поступает в мои склады.

— Поговори с ним. Только не обещай, пока не узнаешь, сможет ли выполнять.

Маттиас согласился.

На следующий день он отправился к плотнику. Тот встретил его возле мастерской. Нога действительно плохо сгибалась, но человек работал, сидя на низкой скамье и подгоняя деревянную деталь рубанком. Рядом лежали доски, разложенные по длине и качеству. Маттиас предложил ему дополнительную работу. Плотник выслушал и спросил:

— Вы хотите, чтобы я каждую доску проверял?

— Не каждую. Прежде всего те, что идут на суда и тяжёлые конструкции.

— А если найду плохую?

— Отложишь.

— Даже если поставщик станет ругаться?

— Особенно тогда.

Плотник оглядел тщательно разложенные брёвна. Проверять их качество он теперь мог лучше, чем многие здоровые подручные.

— Это я умею.

Они договорились. С того дня человек, потерявший прежнюю способность работать на высоте, начал помогать торговому дому проверять строительную древесину. Его жалованье стало более постоянным, хотя и не достигало прежнего заработка опытного плотника. Через месяц Маттиас обнаружил, что количество жалоб на некачественные доски уменьшилось. Поставщики начали внимательнее отбирать дерево, зная, что повреждённые партии вернут. Однажды приказчик заметил:

— Выходит, старый плотник приносит нам больше пользы, чем я ожидал.

Маттиас не ответил сразу. Он вспомнил сломанную ногу, испуганную жену и детей, стоявших возле двери. Почти год понадобился, чтобы человек смог снова зарабатывать ремеслом.

— Хорошо, что Бертольд не отказался от него, — произнёс он.

Больше они к этому не возвращались.

Соглашение с грузчиками пришлось испытать уже на следующей крупной разгрузке. Старший бригады предложил делить доплату поровну, но двое работников, переносивших железные слитки, требовали большей доли за опасную работу. Один отказался выйти на настил до пересчёта. Корабельный приказчик грозился искать людей на соседней пристани. Маттиас подошёл не с книгой, а с двумя проверенными рабочими и сам посмотрел, как закрепляют тяжёлый груз. Затем велел прекратить переноску железа до замены повреждённой верёвки. Капитан потерял половину дня и предъявил торговому дому счёт.

Потом Маттиас добился, чтобы бригада сама, при свидетелях, согласовала распределение платы за опасные работы. Не все остались довольны. Старший грузчик перестал заходить в контору с прежней готовностью, а приказчик ещё долго напоминал о расходах. Но когда спустя неделю новый тяжёлый груз прибыл на причал, рабочие вышли вместе и не стали спорить возле незакреплённой балки. Маттиас заметил это, не произнёс ни слова и подписал ведомость.

В Мариенбурге Конрад фон Эрлихсхаузен в те же месяцы пытался упорядочить торговые отношения, всё чаще вызывавшие жалобы сословий. Ему представляли проекты распоряжений о рынках, продаже зерна, движении чужеземных купцов по сельским местностям и пределах

городских привилегий. Каждый проект имел сторонников и противников. Большие города требовали защищать торговлю, на которой держалось их благосостояние. Землевладельцы хотели свободнее распоряжаться урожаем. Небольшие города опасались, что сильные соседи отнимут у них последние возможности самостоятельной торговли. Конрад поручил собрать сведения о действовавших правах. Однажды во время совещания ему представили проект, предусматривавший ограничение закупок чужеземными торговцами непосредственно в сельской местности. Великий магистр прочитал документ и спросил:

— Кто его требует?

— Города, господин.

— Все?

— Большинство крупных.

— А землевладельцы?

— Возражают.

Конрад попросил объяснить, как предполагается исполнять распоряжение. Один из советников ответил, что городские служащие смогут проверять происхождение товара и законность заключённых сделок.

— Где?

— На рынках и при перевозке.

— Значит, если человек купил зерно в деревне, его остановят на дороге?

— При необходимости.

— Кто определит необходимость?

Советник начал ссылаться на прежние торговые обычаи. Конрад остановил его.

— Я спрашиваю, кто будет останавливать повозку. Орденский служащий или городской?

Вопрос оказался неожиданным. Если городским представителям предоставить право самостоятельно проверять сделки за пределами их обычной юрисдикции, землевладельцы получат новые основания для жалоб. Если поручить проверки орденским служащим, государству придётся содержать дополнительных людей и нести ответственность за все ошибки.

— Можно ограничиться установленными местами торговли, — предложил другой сановник.

— Тогда сначала нужно выяснить, какие права уже признаны.

Конрад отложил проект. Он не хотел принимать распоряжение, которое удовлетворит одну часть сословий только ценой немедленного недовольства другой. Но и бездействие становилось опасным. Большие города всё чаще требовали подтверждения своих привилегий, а рыцарство воспринимало ограничения торговли как препятствие хозяйственному развитию. Великий магистр распорядился продолжить рассмотрение вопроса на ближайшем сословном собрании. Один из советников заметил:

— Мы опять передаём спор тем, кто не может договориться между собой.

Конрад ответил:

— Они должны хотя бы назвать цену своих требований.

Вечером ему принесли письмо Иоганна фон Байзена. Рыцарь сообщал о разногласиях внутри союза и предлагал обсудить торговые вопросы отдельно от судебных жалоб. Он опасался, что смешение разных интересов сделает общие переговоры бесплодными. Конрад прочитал письмо с интересом. Он хорошо представлял положение Байзена. Человек, прежде много лет служивший Ордену, теперь пытался удержать вместе города и рыцарство, которые далеко не всегда доверяли друг другу. Для великого магистра это имело двойственное значение. С одной стороны, внутренние противоречия ослабляли союз. С другой — если недовольство городов и землевладельцев получит отдельные направления, управлять им станет ещё труднее. Он не собирался использовать каждую ссору противников.

Но понимал, что и помогать им преодолевать все разногласия не обязан. В ответном письме Конрад согласился продолжить обсуждение торгового порядка на общем собрании с участием заинтересованных сторон. При этом потребовал, чтобы представители заранее получили полномочия принимать решения, а не ограничивались передачей предложений своим городским советам. Письмо отправили утром. Через несколько дней пришёл ответ из Торна. Городские представители готовы были обсуждать отдельные условия, но не имели полномочий окончательно изменять признанные привилегии без согласия своих советов. Конрад приказал хранить ответ вместе с другими материалами. На ближайшем заседании он показал его советникам.

— Вот почему наши переговоры длятся месяцами, — сказал он. — Каждый приехавший требует решения от великого магистра, но сам не может принять его без нового обращения домой.

Сановники предложили ограничить обсуждение только теми вопросами, по которым представители имели достаточные полномочия. Конрад согласился. В результате на следующем собрании удалось разрешить несколько частных торговых споров, но общий вопрос о правах чужеземных купцов остался открытым. Великий магистр счёл это неудовлетворительным, однако не стал объявлять решение там, где не удалось установить согласованный порядок. Он видел, что сословия постепенно учатся пользоваться коллективным представительством, и всё отчётливее понимал: отныне даже обычный торговый вопрос способен превратиться в спор о границах государственной власти.

В ноябре 1445 года Маттиас фон Розенберг получил от служителя известие, что Герхард почти перестал вставать с постели. Старый работник канцелярии слабел уже давно. После смерти Русдорфа ему становилось всё труднее передвигаться даже по собственной комнате. Летом он ещё иногда выходил во двор, если погода позволяла, но с наступлением холодов почти не покидал постели. Пища всё чаще оставалась нетронутой. Он много спал, а во время бодрствования подолгу смотрел в окно. Маттиас посещал его почти каждый день.

В тот вечер он принёс тёплую одежду и немного хлеба, испечённого на замковой кухне. Герхард лежал на боку, укрывшись двумя одеялами. Лицо его стало совсем худым, а голос звучал настолько тихо, что приходилось наклоняться, чтобы разобрать слова.

— Сегодня опять принесли письма из Торна, — сказал Маттиас, садясь возле постели.

Герхард слегка повернул голову.

— Из Торна?

— Да. О торговых спорах.

Старик закрыл глаза.

— Всё ещё спорят?

— Всё ещё.

У Герхарда на мгновение оживилось лицо. Названия городских улиц всё ещё находили отклик в его памяти.

— Значит, город живёт.

Маттиас поставил хлеб на столик.

— Конрад требует собрать прежние грамоты о торговых правах. Пришлось искать документы ещё времён Юнгингена.

— Нашли?

— Почти все.

— А один потеряли?

Маттиас удивился.

— Почему вы так решили?

— Всегда один теряется.

Старик тихо рассмеялся, но почти сразу закашлялся. Маттиас помог ему приподняться и подал воды. Пить оказалось трудно. Несколько капель пролились на одеяло.

— Хватит, — прошептал Герхард.

Он снова лёг. Маттиас поправил подушку. Некоторое время они молчали. Из соседнего помещения доносились шаги служителя. За окном шумел ветер. В очаге горели дрова, но возле двери всё равно чувствовался холод. Герхард открыл глаза.

— Ты принёс бумаги?

— Нет. Сегодня не принёс.

— Почему?

— Хотел просто посидеть с вами.

Старик долго смотрел на него.

— И правильно.

Маттиас не знал, что сказать. За годы службы он привык разговаривать с Герхардом о документах, решениях, распоряжениях и людях, приходивших в канцелярию. Старый служащий знал столько обстоятельств прежних правлений, что Маттиас иногда забывал о его возрасте. Теперь же перед ним лежал человек, которому уже не требовалось разбирать чужие жалобы.

— Помните, как вы впервые поручили мне вести книгу? — спросил Маттиас.

Герхард прикрыл глаза, перебирая в памяти долгие годы службы и бесчисленные регистрационные книги.

— Какую?

— О судебных обращениях.

Старик слабо качнул головой.

— Не помню.

— Я тогда перепутал два имени.

— Наверное.

— Вы заставили меня переписать целую страницу.

Герхард попытался улыбнуться.

— Значит, сильно перепутал.

Маттиас тоже улыбнулся. В комнате стало теплее. Служитель подложил дров в очаг и предложил принести ещё воды. Герхард отказался. Когда они снова остались одни, старик спросил:

— Ты всё ещё пользуешься моей чернильницей?

Маттиас кивнул.

— Пользуюсь.

— Не протекает?

— Нет.

— Хорошая была вещь.

Он закрыл глаза. Маттиас сидел рядом ещё долго. В какой-то момент Герхард заснул, и он уже собирался уходить, но старик неожиданно открыл глаза и попросил:

— Принеси завтра ту книгу, где записывали старые земельные дела. Не всю. Один лист хотел посмотреть.

— Какой?

Герхард попытался объяснить, но не смог вспомнить название.

— Там ещё при Кюхмайстере было, — произнёс он. — Два брата спорили о наследстве. Один в Торне жил.

Маттиас знал множество подобных дел.

— Завтра найдём.

— Хорошо.

Он поправил покрывало.

— Только не забудь.

Маттиас обещал.

Утром служитель пришёл в канцелярию и сообщил, что Герхард умер во сне.

Маттиас долго сидел перед открытой книгой. На столе лежали документы, которые он собирался показать старику. Среди них была старая жалоба о наследстве, найденная поздно вечером. Он хотел спросить, действительно ли Герхард имел в виду это дело.

Теперь спросить было не у кого.

Маттиас закрыл папку и отправился в комнату покойного. Герхарда уже приготовили к погребению. На столике стояла пустая чаша, возле окна лежали очки. Служитель собирал немногие вещи, оставшиеся после старого работника.

— Что делать с книгами? — спросил он.

Маттиас посмотрел на два тонких переплёта, которые Герхард держал возле постели. Один содержал молитвы, другой — несколько выписок из прежних документов.

— Передай в канцелярию. Проверим, нет ли среди них нужных записей.

Служитель сложил книги. Маттиас взял очки. Стёкла давно помутнели, одна дужка была перевязана тонкой ниткой. Он некоторое время держал их в руках, затем положил обратно на столик. Похороны состоялись без большого собрания. Пришли несколько служащих, орденские братья и люди, знавшие Герхарда по прежним годам. Маттиас стоял возле могилы и слушал молитвы. Ему хотелось вспомнить что-нибудь особенное, но в памяти возникали самые обыкновенные обстоятельства: Герхард склоняется над книгой, поправляет плохо поставленную дату, просит переписать строку, ищет очки, забытые возле окна. Однажды он рассердился из-за неправильно сложенных документов. В другой раз сам принёс молодому служащему горячую еду, когда тот засиделся за работой до ночи.

После погребения Маттиас вернулся в канцелярию. Он сел за стол, достал старую чернильницу и открыл книгу судебных обращений. В ней всё ещё оставались незаконченные дела, начатые много лет назад. В нескольких местах на полях виднелись короткие пометки, сделанные рукой Герхарда. Маттиас не стал их переписывать. Он проверил ближайший документ, поставил дату и продолжил работу. На следующее утро молодой писарь спросил, что делать с книгами старого служащего. Маттиас велел перенести их в общий шкаф, отдельно от текущих дел, но так, чтобы при необходимости их можно было найти.

Вечером он сам проверил, правильно ли они расставлены.

Весной 1446 года против Прусского союза выступили прусские епископы. Для Иоганна фон Байзена известие не стало полной неожиданностью. Церковные сановники давно относились к самостоятельному объединению городов и рыцарства с подозрением. Их тревожило не только содержание сословных требований, но и сам факт существования союза, участники которого давали друг другу обязательства взаимной поддержки без предварительного согласия духовной и светской власти. Пятого апреля в Эльбинге представители сословий получили обвинения, согласно которым создание и деятельность союза противоречили установленному божественному и человеческому праву. Ссылались на церковные установления, решения соборов и порядок повиновения законной власти. Обвинение было гораздо серьёзнее обычной жалобы комтура.

До сих пор участники союза могли утверждать, что защищают старые грамоты и признанные привилегии. Теперь их объединение пытались представить как неправомерное по самому своему существованию. Если подобное толкование получит поддержку, городские советы и рыцарство окажутся перед необходимостью выбирать между отказом от союза и открытым противоречием с церковными властями. Байзен приехал в Эльбинг после долгой дороги. В помещении, где собирались представители, царило беспокойство. Люди говорили небольшими

группами, показывали друг другу копии полученных обвинений, спорили о том, следует ли немедленно отправлять посольство к великому магистру.

Некоторые городские советники требовали сначала выяснить, насколько согласованы действия епископов с Конрадом фон Эрлихсхаузеном. Другие считали, что подобное выступление невозможно без его ведома. Рыцарь из Кульмской земли заявил:

— Нас хотят заставить распустить союз, не обсуждая ни одной жалобы.

Торнский представитель возразил:

— Не спеши. Епископы говорят о законности самого объединения. На это тоже придётся отвечать.

— А разве мы нарушили право?

— Именно это они и утверждают.

Байзен попросил прочитать обвинения полностью. Текст был длинным. В нём перечислялись церковные и правовые основания, по которым объединения подданных без надлежащего разрешения могли считаться опасными. Особое внимание уделялось взаимным обязательствам участников, способным вступить в противоречие с повиновением законному государю. После чтения в комнате некоторое время никто не говорил. Затем один из представителей небольшого города спросил:

— Если мы подтвердим верность великому магистру, этого будет достаточно?

— Не знаю, — ответил Байзен.

— Но мы ведь никогда не объявляли себя свободными от Ордена.

— Именно это и следует напомнить.

— А если нам скажут, что само наше объединение незаконно?

Байзен провёл пальцем по строке союзной грамоты. Этот же текст одни читали как обещание помощи, другие — как покушение на власть.

— Тогда придётся объяснить, почему люди сочли необходимым объединиться.

Рыцарь из Кульмской земли сердито возразил:

— Мы уже объясняли. Достаточно.

— Объясняли Ордену, — ответил Байзен. — Теперь необходимо отвечать и на церковные обвинения.

Совещание продолжалось почти весь день. Разногласия оказались серьёзными. Одни требовали решительно отвергнуть обвинения епископов. Другие опасались открытого конфликта с церковной властью и предлагали искать посредников. Несколько представителей хотели получить мнение юристов, знакомых с императорскими и церковными установлениями. Байзен поддержал последнее предложение, но предупредил, что юридическое заключение не заменит политического решения.

— Если от нас потребуют распустить союз, — сказал он, — каждому придётся ответить, готов ли он это сделать.

На эти слова никто не возразил. Однако по лицам присутствующих Байзен видел, что готовность сопротивляться далеко не одинакова. После собрания он вышел на улицу. В Эльбинге уже начинался вечер. Купцы закрывали лавки, у причалов разбирали последние грузы, возле городской стены несколько мальчиков гоняли деревянный обруч. Издалека доносился звон церковного колокола. Байзен остановился возле небольшой часовни. Он не считал себя противником Церкви. С детства привык соблюдать посты, исповедоваться, участвовать в богослужениях. Его жизнь была связана с Орденом, который сам являлся духовным братством. Теперь же церковные сановники обвиняли союз, созданный при его участии, в нарушении порядка, который он всегда признавал.

Эта мысль причиняла ему больше беспокойства, чем угрозы отдельных орденских служащих. Он вошёл в часовню. Внутри было прохладно. Возле алтаря горели несколько свечей. Пожилая женщина стояла на коленях, тихо шепча молитву. Байзен остановился в стороне и

некоторое время молился сам. Когда он вышел, на улице уже стемнело. Возле постоялого двора его ожидал Габриэль фон Байзен. Брат приехал с известиями от нескольких участников союза. По его словам, многие рыцари были возмущены обвинениями епископов и требовали решительного ответа.

— Они хотят, чтобы ты выступил от их имени, — сообщил Габриэль.

— Я сегодня уже выступал.

— Недостаточно решительно.

Иоганн остановился.

— Кто так говорит?

Габриэль назвал нескольких людей.

— Они считают, что ты слишком долго надеешься договориться с великим магистром.

— А ты?

— Я считаю, что Конрад умнее тех, кто выступал против нас прежде. Но от этого его цель не меняется.

Иоганн узнал в тоне брата не тревогу, а решимость, с которой Габриэль уже строил выводы за всех остальных.

— Ты думаешь, он намерен уничтожить союз?

— Думаю, он хочет, чтобы союз перестал мешать Ордену.

— Это не одно и то же.

— Пока нет.

Они вошли в помещение, где подавали ужин. За соседним столом сидели двое купцов, обсуждавших цены на воск. Возле очага слуга сушил промокшие сапоги. Хозяин принёс горячую еду и попросил гостей не задерживаться после закрытия дверей. Братья ели некоторое время молча. Затем Габриэль снова вернулся к разговору.

— Если епископы объявят наш союз незаконным, что ты намерен делать?

Иоганн положил ложку.

— Сначала выясню, имеют ли их обвинения достаточное основание.

Габриэль вздохнул.

— Опять выяснять.

— А что предлагаешь?

— Сказать прямо, что мы не откажемся от союза только потому, что нескольким епископам не нравится его существование.

— Ты готов отвечать за всех?

— За себя готов.

— Тогда не требуй, чтобы я обещал за тех, кто ещё не решил.

Габриэль хотел возразить, но сдержался. Он хорошо знал брата. Иоганн не был человеком робким. При необходимости мог действовать решительно, однако терпеть не мог, когда его пытались заставить объявить решение от имени людей, чьего согласия ещё не получил.

— Ты слишком бережёшь каждого сомневающегося, — сказал Габриэль.

— Потому что если мы потеряем их доверие, потом не вернём одним громким заявлением.

Габриэль отодвинул чашу.

— А если, пока ты будешь искать их доверия, союз распустят?

Иоганн некоторое время смотрел на брата.

— Тогда придётся решать, что делать дальше. Но сейчас ещё есть возможность разговаривать.

Они закончили ужин без примирения. Утром Габриэль отправился к своим людям. Иоганн остался в Эльбинге, чтобы продолжить работу над ответом епископам.

В Мариенбурге Конрад получил сообщение о реакции сословий с неудовольствием. Он не ожидал, что обвинения епископов будут приняты без возражений. Но надеялся, что вмешательство церковных властей заставит руководителей союза внимательнее отнестись к вопросу о законности их объединения. Вместо этого представители начали готовить собственные доводы и требовать объяснений. Конрад вызвал Маттиаса фон Розенберга, которому поручили собрать документы прежних сословных соглашений.

— Ты работал с этими грамотами ещё при Русдорфе? — спросил великий магистр.

— Да, господин.

— Найди мне место, где союз прямо объявляет, что его участники могут не повиноваться Ордену.

Маттиас открыл папку.

— Такого общего положения в грамоте нет.

— А обязательство взаимной поддержки?

— Есть.

— Даже если распоряжение исходит от законного государя?

— В документе говорится о защите признанных прав от неправомерного вмешательства.

Конрад перечитал формулировку. Решающее слово позволяло сторонам толковать вмешательство совершенно по-разному.

— Значит, они сами будут решать, какое вмешательство правомерно.

Маттиас помедлил.

— Такого там тоже прямо не сказано.

Великий магистр откинулся в кресле.

— Я не прошу тебя защищать союз.

— Я только объясняю содержание грамоты.

Конрад некоторое время рассматривал молодого брата. Маттиас давно уже не был неопытным служащим, которому требовалось постоянное руководство Герхарда. Он хорошо знал документы, умел сопоставлять противоречивые записи и не стремился подбирать ответ, приятный начальству. Иногда эта привычка раздражала сановников, но Конрад предпочитал иметь дело с человеком, который способен указать на действительное содержание бумаги.

— Тогда скажи, — произнёс он, — может ли такое объединение существовать, не ограничивая мою власть?

Маттиас задумался.

— Пока участники требуют исполнения признанного права, они могут оставаться верными Ордену.

— А когда решат, что именно Орден нарушил право?

— Тогда возникнет спор, который придётся рассматривать.

Конрад устало провёл ладонью по столу.

— Ты понимаешь, что судить этот спор будут люди, уже связанные между собой обязательством поддержки?

— Не обязательно все.

— Но их союз останется.

Маттиас не нашёл ответа, который удовлетворил бы великого магистра. Конрад встал и подошёл к окну. Во дворе несколько братьев собирались в дорогу. Слуги подводили лошадей, проверяли седельные сумки, грузили небольшие сундуки.

— Если завтра города потребуют, чтобы каждый комтур исполнял их решения, — сказал великий магистр, — ты тоже будешь искать в грамоте слова, разрешающие или запрещающие это?

— Да, господин.

Конрад обернулся. Он не ожидал такого ответа.

— Почему?

— Потому что иначе нельзя установить, что они действительно имеют право требовать.

Великий магистр некоторое время молчал. Затем вернулся к столу.

— Хорошо. Подготовь мне сравнение союзной грамоты с прежними обязательствами сословий перед Орденом. Без собственных выводов. Только тексты и различия.

Маттиас поклонился.

— Будет исполнено.

Когда он ушёл, Конрад ещё долго изучал документы. Он не желал применять силу к городам и рыцарству. За годы правления ему удалось разрешить немало споров, подтвердить прежние права и добиться некоторых уступок, которые при Русдорфе казались невозможными. Но теперь становилось ясно, что даже успешные переговоры не уменьшают самостоятельности союза. Напротив, его участники всё лучше учились согласовывать действия и выступать от имени нескольких земель одновременно. Конрад понимал практическую пользу подобного представительства. Без него переговоры о фунтовой пошлине заняли бы ещё больше времени. Однако постоянно действующее объединение подданных, способное собираться независимо от великого магистра, представлялось ему опасным.

Он решил предложить сословиям широкое подтверждение их прав в обмен на отказ от союза. Для этого требовалось подготовить условия, которые города и рыцарство действительно смогут принять.

Великий магистр поручил советникам приступить к работе.

Девятого июня 1446 года в Эльбинге великий магистр потребовал роспуска Прусского союза. Предложение сопровождалось обещанием подтвердить и расширить ряд сословных прав. Конрад не стремился отменять городские привилегии или лишать рыцарство законной защиты. Напротив, он рассчитывал, что достаточно прочное соглашение с властью сделает постоянное объединение подданных ненужным. Однако после выступления епископов атмосфера переговоров изменилась. Представители союза опасались, что признание предложенных условий станет первым шагом к утрате самостоятельности. Даже те, кто прежде относился к Конраду с доверием, теперь задавались вопросом, почему требование роспуска прозвучало именно после церковных обвинений. На совещании присутствовал Иоганн фон Байзен.

Он сидел среди представителей рыцарства и внимательно слушал выступление великого магистра. Несколько раз Конрад обращался непосредственно к нему, напоминая о прежних разговорах и о том, что Орден готов исправлять нарушения, не разрушая законного государственного порядка. Байзен ответил, что участники союза благодарны за подтверждение прав, но решение о прекращении объединения не может быть принято без согласия тех, кто его создал.

— Вы приехали как представители, — заметил Конрад. — Разве не для того, чтобы принимать решения?

— Мы уполномочены обсуждать предложенные условия. Но не получили права единолично отменить обязательства, которые города и рыцарство приняли совместно.

— Следовательно, вы снова отправитесь домой за новым согласием.

— Да, господин великий магистр.

Конрад недовольно откинулся в кресле.

— Тогда скажите мне, зачем мы собираемся здесь, если всякое решение должно заново обсуждаться в каждом городе?

Байзен не сразу ответил.

— Потому что без общего собрания мы даже не узнаем, в чём согласны, а в чём расходимся.

Один из орденских сановников вмешался:

— Выходит, союз необходим прежде всего для того, чтобы продолжать существовать.

Несколько представителей заговорили одновременно. Байзен поднял руку, прося тишины.

— Союз необходим потому, что у нас были случаи, когда отдельные люди не могли добиться рассмотрения своих жалоб. И потому, что признанные права иногда нарушались теми, кто обязан был их защищать.

Байзен посмотрел на Конрада. Признать предложенные уступки он мог; поставить защиту сословных прав в зависимость от доброй воли одного правителя — нет.

— Мы доверяем великому магистру в той мере, в какой его решения подтверждаются делом, — ответил он. — Но не можем строить все гарантии только на доверии к одному человеку.

Переговоры затянулись. Некоторые представители высказывались за принятие условий великого магистра. Они полагали, что подтверждённые права окажутся более надёжной защитой, чем союз, постоянно вызывающий подозрения орденского руководства и епископов. Другие не соглашались, опасаясь, что после роспуска объединения каждое новое нарушение придётся оспаривать поодиночке. В конце концов было решено обсудить предложение в городах и землях. Когда представители разошлись, Конрад остался с несколькими советниками. Один из них считал, что сословия близки к уступке.

— Они не осмелились прямо отказать, — заметил он.

— И не согласились, — ответил великий магистр.

— Значит, следует сильнее настаивать.

Конрад посмотрел на него.

— Чем сильнее?

Советник предложил вновь обратиться к епископам.

— Они уже выступили, — сказал Конрад. — И ты видел, как это подействовало.

— Но церковное обвинение может заставить сомневающихся отступить.

— А остальных?

— Остальные окажутся в меньшинстве.

Великий магистр покачал головой.

— Я не хочу получить меньшинство недовольных, которое будет считать себя преследуемым за защиту законных прав.

Сановник замолчал. Конрад велел подготовить изложение предложенных условий и отправить его представителям сословий. Он не собирался отказываться от требований, но понимал, что дальнейшее давление может окончательно разрушить возможность мирного соглашения. Тем временем в городах начались новые собрания. В Данциге Маттиас участвовал в обсуждении письма, поступившего от представителей союза. Некоторые купцы считали, что предложение Конрада заслуживает внимания. Если великий магистр действительно подтвердит права городов и обеспечит надлежащий судебный порядок, постоянное объединение с рыцарством может утратить часть своего значения. Другие категорически возражали. Один из советников заявил:

— Сегодня нам обещают защиту, потому что мы выступаем вместе. А когда разойдёмся, кто заставит комтура соблюдать обещание?

Маттиас не стал сразу поддерживать его.

— Великий магистр уже исправил немало решений.

— Исправил. Но только после наших обращений.

— Не все обращения исходили от союза.

— А сколько было оставлено без ответа прежде?

Вопрос вызвал новый спор. Маттиас напомнил о торговых разногласиях между самими городами и рыцарством. Союз не устранил их, а иногда лишь делал более болезненными.

— Если мы сохраняем объединение ради общих прав, — сказал он, — нельзя использовать его только тогда, когда это выгодно Данцигу.

Один из купцов возразил:

— Данциг несёт основные расходы. Разве мы не вправе защищать собственные интересы?

— Вправе. Но то же самое могут сказать рыцари из Кульмской земли и небольшие города.

— Значит, ты предлагаешь уступить им торговлю?

— Предлагаю не обещать им равную защиту, если не собираемся слушать их жалобы.

В комнате стало тихо. Несколько человек обменялись взглядами. Маттиас понимал, что затронул болезненный вопрос. Городские представители часто говорили о единстве сословий, но далеко не всегда готовы были отказаться от собственных преимуществ ради союзников. После долгих обсуждений Данциг подтвердил намерение сохранить союз. Однако решение сопровождалось требованием продолжать переговоры с великим магистром и не допускать действий, способных быть истолкованными как отказ от законного повиновения. Маттиас поддержал его. Возвращаясь домой, он встретил группу ремесленников, споривших возле городской ратуши. Один из них сердито говорил, что совет постоянно обсуждает свободы купцов, но не желает выслушивать жалобы мастеров на городские платежи. Маттиас остановился.

— Что случилось?

Ремесленник узнал его.

— Опять требуют деньги за пользование общими сооружениями. Купцам дают льготы, а нам велят платить.

— Кто требует?

Мастер назвал городского служащего. Маттиас попросил показать распоряжение. Его при себе не оказалось.

— Принеси завтра в контору, — сказал он. — Посмотрим.

Ремесленник недовольно ответил:

— Вы все только и говорите, что нужно смотреть бумаги.

Маттиас не стал спорить. На следующий день мастер действительно пришёл. Выяснилось, что часть платежей была установлена давно, а часть возникла после недавнего ремонта городского сооружения. При этом несколько состоятельных купеческих домов получили особые условия за участие в финансировании работ. Ремесленник считал это несправедливым. Маттиас выслушал его и объяснил, почему некоторые льготы имели договорное основание. Однако признал, что порядок расчёта остальных платежей действительно требует разъяснения.

— Значит, вы нам поможете? — спросил мастер.

— Помогу подготовить обращение.

— А если совет откажет?

— Тогда будем разбираться, почему.

Мастер устало покачал головой.

— У вас на всё один ответ.

Маттиас улыбнулся.

— Другого пока не нашёл.

Они сели за стол и начали составлять письмо.

Семнадцатого июля 1446 года представители прусских городов и рыцарства собрались в Мариенвердере. Место было знакомым многим участникам. Здесь шесть лет назад они закрепили своё объединение письменной грамотой. Теперь предстояло решить, сохранять ли союз после обвинений епископов и требования великого магистра. Летняя дорога была пыльной. К городу прибывали всадники, повозки с дорожными сундуками, небольшие группы вооружённых сопровождающих. Возле постоялых дворов не хватало места для лошадей. Служители носили воду, меняли подстилку в конюшнях и пытались расселить гостей так, чтобы не возникало ссор. Иоганн фон Байзен прибыл накануне.

Вечером он встретился с представителями нескольких городов. Разговор оказался тяжёлым. Одни уже получили ясные поручения сохранять союз. Другие имели право обсуждать дальнейшие действия, но не были уполномочены принимать решения, затрагивавшие городские привилегии. Некоторые рыцари вообще не приехали, объяснив отсутствие хозяйственными делами или нежеланием участвовать в новом обострении отношений с Орденом. Байзен не пытался скрыть разочарование. Он понимал, что постоянное объединение не может существовать без действительного участия людей, поставивших под его грамотой печати. Если города и рыцарство станут посылать представителей только тогда, когда дело непосредственно затрагивает их собственную выгоду, общие обязательства постепенно утратят смысл. Утром собрание началось с чтения писем.

Вечером Иоганн перечитал письма двух других братьев. Стибор, служивший в Помезанской епископской земле, спрашивал прежде всего, какие обязательства возьмёт на себя Орден, если сословия согласятся на роспуск. Он знал, сколько значат старые права в хозяйстве и суде, и не верил обещаниям, для которых ещё не составлены грамоты. Сандер писал осторожнее. Он вовсе не считал, что недовольство местным комтуром освобождает рыцаря от верности законному властителю; его пугала возможность, что союз однажды станет требовать повиновения собственным решениям не меньше, чем Орден — своим.

Габриэль прочитал строки Сандера через плечо брата. — Он опять видит опасность там, где мы ищем защиту. Иоганн сложил письмо. — Он видит другую опасность. Это не делает его чужим. — Но если нам предложат разойтись по одному, что тогда? — Тогда каждый ответит за своё решение. Иоганн убрал оба письма в дорожный ларец. Утром ему предстояло говорить от имени собравшихся, а не от имени всей собственной семьи.

Затем перешли к обсуждению предложения Конрада. Некоторые участники снова высказались за компромисс. Они не хотели вступать в противоречие с церковными властями, опасались расходов на продолжительную политическую борьбу и считали, что великий магистр действительно старается исправлять нарушения. Противники роспуска отвечали, что речь идёт не о личном доверии к Конраду. Один из представителей рыцарства, немолодой человек с обветренным лицом, поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.